

Академик В. М. Плоских

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

XV

*Время разбрасывать камни
и время собирать камни.*

Библия, Екклесиаст 3:5

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'L. L. L.' or similar, written in a cursive style.

Академик В. М. Плоских

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

XV

Редакционная коллегия:

А. А. Асанканов, чл.-корр. НАН КР, д-р ист. наук
Д. Д. Джунушалиев, чл.-корр. НАН КР, д-р ист. наук
А. Ч. Какеев, акад. НАН КР, д-р филос. наук
Т. К. Койчуев, акад. НАН КР, д-р экон. наук
З. К. Курманов, д-р ист. наук, проф.

Составитель:

профессор В. А. Воропаева

Ответственный редактор:

академик НАН КР Т. К. Койчуев

Плоских В. М.

Собрание сочинений: в 15 т. / сост. проф. В. А. Воропаева; отв. ред. акад. Т. К. Койчуев. — Бишкек: Нео Принт, 2014–2021.

Владимир Михайлович Плоских — один из ведущих учёных Кыргызстана, внёсших значительный вклад в развитие исторической науки республики.

Доктор исторических наук, профессор, действительный член Национальной академии наук Кыргызстана, действительный член Российской Академии педагогических и социальных наук, заслуженный деятель науки Кыргызской Республики, археолог, педагог, писатель, член Конфедерации подводной деятельности России, дважды лауреат Государственной премии Кыргызстана в области науки и техники, лауреат общественных премий им. Е. Д. Поливанова, А. П. Чехова, А. Ататюрка, И. Ахунбаева.

В. М. Плоских — руководитель Центра источниковедения и рукописного наследия Института истории и культурного наследия НАН КР, директор Института мировой культуры, заведующий кафедрой истории и культурологии Кыргызско-Российского Славянского университета, главный редактор журнала «Диалог цивилизаций».

Награждён почётными грамотами КР, удостоен государственных наград КР — ордена «Манас» III степени, медали «Данк», имеет другие награды Кыргызской Республики, а также России, Казахстана, Украины, Туркменистана. Является автором ок. 500 научных трудов по истории, археологии, источниковедению, кыргызско-российским межгосударственным взаимоотношениям.

Основные научные проблемы, которыми более 50 лет занимается В. М. Плоских, обобщены и систематизированы в Собрании сочинений учёного.

В. М. ПЛОСКИХ

АМАН ГАЗИЕВ

Бишкек — 2021

Плоских В. М.

П 74 **Аман Газиев.** Исторические повести и новеллы. — Бишкек. 2020. — 400 с. (Собр. соч.: в 15 т. / В. М. Плоских; — Т. XV).

ISBN 978-9967-03-476-5

В XV том собрания сочинений включены исторические повести, написанные В. М. Плоских в соавторстве с историками В. Мокрыниным и Ю. Бородиным под псевдонимом Аман Газиев: «Горная царица Алая», «Пулат-хан» и «Пржевальский буревестник».

Занимательные повести о незаурядной исторической личности — легендарной правительнице алайских кыргызов Курманджан-датке (алайской царице), о Пулат-хане — предводителе повстанцев, выступивших против Кокандского ханства (своего рода кыргызском Пугачёве) основаны на широком документальном материале и воспоминаниях современников. События охватывают период агонии Кокандского ханства (1874–1876 гг.) и завоевания Южного Кыргызстана войсками Российской империи.

«Пржевальский буревестник» — это новелла о Викторе Лойцнере — профессиональном революционере начала XX в. из кыргызского города Пржевальска.

ISBN 978-9967-03-476-5

© Плоских В. М., 2015

**ГОРНАЯ ЦАРИЦА
АЛАЯ**

*Историко-
археологическая
повесть*

*Четыре отличья — сей книги основа.
Одно из них — правда стези справедливой.*
Юсуф ал-Баласагуни

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Еще совсем недавно трудно было представить, что якобы бесписьменный до революции кыргызский народ может иметь свои исторические хроники, художественные произведения, что существовали кыргызские поэты-писменники и что в среде кыргызского населения в далекие времена имели хождение рукописи на арабском, персидском и чагатайском тюрки языках. Нигилистическое отношение к кыргызским письменным памятникам задержало их поиск. Но появляющиеся сведения о памятниках дореволюционной письменности внушают оптимизм и призывают к целенаправленным поискам.

Руководитель киноэкспедиции на Памир в 1928 году В. Ерофеев упоминает о летописи, которая велась в одном из родоплеменных подразделений местных кыргызов с 70-х годов XIX века. В середине прошлого столетия академик Б. М. Юнусалиев на юге Кыргызстана обнаружил рукопись-санат — рифмованных четверостиший нравоучительного характера — Молдо Нияза, изложенных на ичкиликском диалекте кыргызского языка. До нас дошли имена и отдельные произведения дореволюционных кыргызских акынов-писменников: Молдо Кылыча, Исака Шайбекова, Баимбета Абдрахманова (Тоголока Молдо) и др.

Археографической экспедицией Института истории АН Кыргызстан в 1976—1985 годах в среде кыргызского населения собраны десятки рукописных книг на восточных языках, что говорит об определенной читательской аудитории.

В своих поездках по Кыргызстану автор записывал истории о дореволюционном прошлом Алая, встречался с ближайшими родственниками и наследниками легендарной Курманджан-датхи — некоронованной «царицы Алая», собирал рукописи и древности. В одном из айылов посчастливилось обнаружить рукопись, но первые и последние страницы ее оказались порванными, испорченными. Оказалось, что перед нами сочинение какого-то безымянного местного автора, написанное арабской графикой на ичкиликском диалекте кыргызского языка. В рукописи отражены отдельные эпизоды из жизни Курманджан-датхи.

Оригинал рукописи сразу приобрести не удалось. Во второй же приезд мы не нашли ни рукописи, ни хозяина. Землетрясение — не столь уж редкое явление в этих местах — разрушило глиняную хибарку владельца. Не смогли мы выяснить и его дальнейшую судьбу.

Сюжет рукописи, с трудом разобранный в период первого и, к сожалению, последнего знакомства с ней, нам очень понравился. Было решено восстановить его по памяти. А если память подводила, автор обращался за помощью к прямым потомкам Курманджан — Сардарбеку Исмаилову и Дженишбеку Адышеву — хранителям семейных преданий. Этот скромный труд и представляется на суд читателя.

КАК ВЫШЛА ЗАМУЖ КУРМАНДЖАН

В месяце тэке (июль) через пыльный Ош проезжал хаким Андижанского вилайета знаменитый родоправитель южных кыргызов Алымбек из рода баргы племени адыгене. Хаким спешил на пастбища Алая. Несмотря на середину лета и жаркое солнце, там, на высокогорье, не чувствовалось той изнуряющей духоты, которая делала жизнь внизу, у подножия гор, сущим адом.

Долина, по которой бежала шумная и прохладная река Ак-Бура, благоухала запахами цветов, зеленела пышными травами. Едва выехали из города, как впереди показался айыл Жапалак. Юрты скотоводов издали казались нарядными, как невесты. Глинобитные дувалы скрывали пышные ветви урюка и ореха. Алымбек изъявил желание отдохнуть в этом райском уголке — и вперед поскакали джигиты.

Видно было, как задвигались между юртами фигурки, как злобных волкодавов сажали на веревки и уводили прочь — лай сторожевых собак не должен раздражать слух высокого гостя. И когда бек подъехал, встречал его весь айыл.

Белобородые аксакалы с поклоном пригласили правителя от имени всего рода жапалак в самую богатую юрту. Однако гость, осмотревшись, выбрал юрту попроще — самую ближнюю. Ибо он заметил, как мелькнуло из-за дверной занавески удивительное девичье лицо: чем оно так поразило, бек и сам не понял.

Хозяин юрты Маматбай от счастья и гордости чуть не потерял голову. В то время, как джигиты расседывали

коней и разбрехали по соседним жилищам, бек шагнул в прохладный сумрак и сел на приготовленное для него почетное место. Двумя полукругами — слева и справа — уселись старики-аксакалы. Сноровистые женские руки быстро накрыли дасторкон с питьем и яствами (для угощения бека постарался весь айыл). Бек все посматривал: нет ли среди женщин той, с чудным лицом...

Хозяева потчевали гостя и почтительно задавали обязательные вопросы: здоров ли бек? здорова ли его семья? плодится ли скот? и т. д.

В свою очередь и бек задал такие же вопросы — он всегда соблюдал этикет, когда это ему ничего не стоило.

Долго ели, насыщались, потом айыльный комузчу исполнил хвалебную песню в честь бека. Он превознес его доблести, действительные и мнимые, восславил его дела и несуществующие подвиги, при этом сравнивал его с героями прошлого. Сравнения сказывались в пользу бека. Еще бы! Сам Мадали-хан кокандский — око Аллаха в этом краю — утвердил родоначальника адыгене хакимом лучшего своего вилайета и пожаловал ему титул датхи — своего полномочного наместника.

Словом, все шло, как предписано обычаями. Когда все насытились и удовлетворенный Алымбек, важно отдуваясь, откинулся на подушки, перешли к степенной беседе о насущных делах. А как же иначе! Ведь бек — «отец народа» и к нему приходят со своими жалобами и сомнениями родичи-подданные. Так велит закон, принятый от века. Старики, оглаживая бороды, поверяли ему свои заботы и разногласия, а бек выносил непререкаемые решения. Так оно и шло, пока один из аксакалов не проговорил:

— Великий бек! Случилось у нас одно неслыханное дело... Стыдно признаться, но сказать об этом надо — мы не можем сами найти выход... И на памяти дедов наших не бывало такого...

— Какое же это дело? — спросил заинтересовавшийся бек.

— А вот какое. Три года назад хозяин юрты почтенный Маматбай выдал свою дочь за человека из рода жоош по имени Кулы-Сад. И взял хороший калым...

— Что же тут удивительного?

— Удивительнее состоит в том, что Кулы-Сад так и не получил жены...

— Значит, Маматбай обманул зятя? — бек, нахмурившись, взглянул на хозяина. Тот приложил руки к груди и низко поклонился.

— Нет, великий бек! Я отдал свою дочь в юрту Кулы-Сада...

Бек недоумевающе посмотрел на присутствующих.

— Но она в тот же день вернулась назад...

— Понимаю! Муж отослал ее к отцу...

— Нет, великий! Он приехал следом и умолял новобрачную вернуться.

Алымбек сел на подушки.

— И что же дальше?

— Она отказалась.

Бек-датха не верил своим ушам.

— А что же сделал отец?

— Я бил ее камчой и таскал за косы. Ничего не могло, великий. В этой девчонке сидит шайтан.

От возмущения у бека покраснели даже белки глаз.

— А что же сделал муж? Забрал назад калым?

— Я предложил ему вернуть его имущество, но Кулы-Сад отказался. Он сказал, что ему нужна жена, а не овцы.

— И чем же дело кончилось?

— Оно до сих пор не кончилось, великий. Дочь живет у меня, а Кулы-Сад ходит без жены. И мы не знаем, что делать.

— Велик Аллах! — закричал разгневанный бек — Да разве можно после этого назвать вас мужчинами? И что за девица такая, что с ней не в силах справиться ни отец, ни муж? Или она великанша с Тенгри ростом? Позвать ее сюда!

Тотчас за стенкой юрты послышались крики: «Курманджан! Где Курманджан? Требует бек!»

Старый Маматбай плакал и сморкался, он трепетал при мысли, что гнев бека сейчас падет на голову его непокорной, но такой любимой дочери.

Привели Курманджан. Она скромно поклонилась беку и стала у входа. Бек глядел во все глаза: было это то самое лицо. Красота и юность девушки несколько смягчили «карательное» настроение бека. Рассмотрев ее как следует, он громко, начальнически, откашлялся и произнес совсем не так грозно, как только что собирался:

— Ты и есть та самая непослушная Курманджан?

Вместе ответа девушка опять поклонилась. Ее черные косы змеями скользнули на высокую грудь. Бек расправил усы.

— Совсем небольшая росточком, а? — шутливо обратился он к аксакалам. — А я-то представил ее по вашим рассказам страшной, как жезтырмак!

Аксакалы смешливо затрясли длинными бородами и прыснули в кулак: ой-е шутник великий Алымбек-датха! Они понимали шутки.

— Говорят, ты уже три года как замужем. Правда ли это? — обратился он к девушке.

— Правда. Три года назад меня выдали замуж, — ответила она.

— Почему же я не вижу на тебе элечека?

— Потому что я никогда не была женой...

Старики-аксакалы сокрушенно покачали головами: сколь велико бесстыдство этой девчонки!

— Жена должна находиться в юрте своего мужа, — назидательно сказал бек, приняв поднесенную пиалу с прохладным кумысом. — Почему же ты не следуешь предписаниями адата? Разве обычай отцов не требует от женщины повиноваться мужчине? Брак — дело священное.

— А разве Кулы-Сад — мужчина брачного возраста? — смело спросила девушка.

Старики ахнули. Бек чуть не поперхнулся.

— Женщина! — сказал он важно. — Ты задела мужскую честь и достоинство. Осознаешь ли ты всю цену сказанного? За длинный язык голова в ответе.

— Осознаю, — отвечала Курманджан. — Кулы-Сад второе старше меня. Он старше моего отца. Разве мы с ним пара?

— Но ты же знала, за кого шла?

— Я впервые увидела его в день свадьбы, хотя меня и просватали с самого детства. Когда я была ребенком, Кулы-Сад уже был стариком. Я охотно взяла бы его в дедушки...

— Что ж, если Аллах даровал его тебе в мужья, надо терпеть, девица...

— Не вини Аллаха в этом деле, великий бек! Это все устроил мой отец за двадцать баранов и кисет с кокандскими серебряными таньга. Аллах же установил на земле другой порядок: каждому возрасту свое: молодым джигитам — отражать врага, зрелым мужам — растить сыновей, старикам — учить мудрости молодых и править родом. Что получится, если этот порядок нарушат люди? Юнцы станут править, старики рожать детей...

— Ой-бой! — опять ахнули аксакалы.

— Может быть Кулы-Сад и стар на вид, однако душой — молодец, — сказал бек, забавляясь. — Не суди по внешнему виду, девушка.

— Но, если я вижу, что конь хромает, стоит ли отправляться на нем в дальнюю дорогу? Даже лучший скакун с годами становится клячей.

Аксакалы злобно зашипели, засверкали из-под мохнатых бровей гневными взглядами на дерзкую. Бек засмеялся, обнажив великолепные зубы: он находился в расцвете сил и уязвленное самолюбие стариков мало его трогало. Он уже был женат. И жена родила ему славного сына. Но эта девочка рассуждает очень, очень забавно...

— А что говорит по этому поводу сам Кулы-Сад?

— Аллах даровал людям по два глаза, чтобы правым они замечали все хорошее, левым — все плохое. Кулы-Сад в пору своей молодости потерял правый глаз и теперь смотрит на мир одним левым...

Пиала задрожала в руках Алымбека-датхи от едва сдерживаемого смеха (видать, он любил едкие шутки). Старики же не находили себе места от возмущения, их едва сдерживало присутствие важного гостя. Тот решил не подбрасывать сучьев в огонь и отпустил девушку со словами:

— Мы подумаем, как поступить с твоим отцом и с Кулы-Садом. А с тобой мы еще продолжим разговор.

В тот вечер бек решил заночевать в айыле. Опять начался пир, опять резали баранов. Наездники показывали чудеса джигитовки, силачи боролись друг с другом, акыны соревновались в пении песен, молодежь устроила игры... Той в честь великого гостя шумел на берегу реки Ак-Бура до самой поздней ночи.

Алымбек улучил момент и оказался рядом с Курманджан. Не беда, что вокруг теснился народ и десятки глаз горели любопытством, а чужие уши ловили каждое слово, — разве это помеха для разговора, если бек того хочет?

Комузчу в это время исполнял лирическую песню «Куйген» («Сгоревший от любви»).

Бек сказал:

— Нравится ли Вам эта песня?

— Да, — ответила Курманджан. — Если бы Кулы-Сад исполнил ее для меня, то я, пожалуй, стала бы его настоящей женой...

— А если для Вас ее исполню я?

Курманджан вскинула глаза:

— Не к лицу беку такая песня. Разве не волен он приказывать, повелевать?

— Возможно ли приказом добиться любви? И разве бек не может страдать, как обыкновенный человек?

— Бек всегда должен оставаться сильным, — отвечала Курманджан. — Не жаловаться под бречание струн, а завоевать он должен любовь! Как и все остальное.

На другой день празднество продолжалось и опять бек остался ночевать в айыле.

Опять резали баранов и бедняки переговаривались между собой:

— Если датха со своими джигитами останется и на третий день, зимой нашим семьям нечего будет есть.

...А вечером он опять говорил с Курманджан:

— Нравится ли Вам песня, которую исполняет комузчу?

— Всем девушкам нравится «Секетбай» («Любимая»), — отвечала Курманджан.

— А если бы Вам пропел ее я?

— Не к лицу беку песня. Каждому свое: комузчу — напевы, беку — власть.

— Так знайте: комузчу исполняет ее по моему приказу для Вас.

Семейное предание гласит, что Алымбек далеко не случайно оказался в юрте Маматбая, как это хочет представить читателю автор безымянной рукописи. Не прост, ой, не прост был андижанский хаким, вершитель многих славных дел в Кокандском ханстве. Да и зачем было Алымбеку отдыхать в айыле Жапалак, который находился рядом с Ошом? И могучий бек не успел устать, и у коня не запотела грудь...

Историю Курманджан рассказал Алымбеку в Андижане его джигит, который был двоюродным братом Маматбая. Смелость девушки сначала возмутила, а затем заинтересовала все сильного вельможу. Эта история крепко засела в его голове, и сколько бы не отмахивался от нее Алымбек, она каждый раз всплывала в памяти. В общем бек решил посмотреть своими глазами, что там за шайтан в юбке Видно, правду люди говорят: «Свою судьбу и на коне не объедешь».

На третий день бек вершил суд. Он решил несколько спорных вопросов, но главное — освободил Курманджан от мужа. Развод — дело пустяковое, если за это возьмется бек. Признано было справедливым вернуть отвергнутому мужу калым. Кулы-Сад, печально щуря левый глаз, погнал два десятка овец в сторону своего айыла. И кисет с серебром позвякивал у него на поясе — эти деньги вручил ему сам датха.

— Не горюй! — сказал датха Маматбаю. — Я возьму тебе убытки из своих отар. И пусть твоя дочь живет у тебя в юрте, не слыша упреков.

Все втайне удивились мягкости, добросердечию и мудрости бека, ведь правитель Алая был известен как человек с железной хваткой, решительный и жестокий.

На третий день к вечеру бек со своими джигитами уехал. Его ждал соседний айыл. Род жапалак провожал своего главу и господина со слезами на глазах — наверное, от радости:

Через два месяца, золотой осенью на берег реки Ак-Бура в айыл Жапалак пришел богатый караван. Правитель племени адыгене великий Алымбек-датха, наместник самого кокандского хана на Алае, хаким Андижана прислал щедрые подарки простому скотоводу Маматбаю из рода жапалак. Алымбек устами своих сватов просил почтенного отца отдать свою дочь, строптивую Курманджан, ему в жены.

Как все были довольны в айыле Жапалак! Лишь самые дряхлые старики, верные почитатели и хранители старины, сокрушенно покачивали головами:

— Слыханное ли дело! Непокорная девчонка нарушила адат, пренебрегла житейскими правилами, наплевала на обычай отцов... И вместо того, чтобы понести заслуженное наказание, она становится женой бека! Страшные настают времена — тар заман (времена бед), зар заман (времена скорби), акыр заман (конец мира)...

Маматбай в новом бухарском халате, в лисьем малахае и новеньких канибадамских сапогах надулся от спеси и сделался таким важным, что не считал более возможным взбираться на лошадь сам — два джигита подсаживали его в седло. Не узнать человека! Раньше он балагурил, теперь — изрекал. Раньше по необходимости бегал, переваливаясь на кривоватых ногах прирожденного наездника, теперь — шествовал, почтительно поддерживаемый под локти самыми уважаемыми людьми айыла. И на разные просьбы сородичей о будущем покровительстве неизменно отвечал только одной фразой:

— Мы подумаем!

Свадебный той длился много дней. Долго помнили потом его старики от Гульчи и Науката до Кетмень-Тюбе и верховий Нарына. Передают, что об этой свадьбе говорили даже в Коканде, Бухаре и Кашгаре.

Когда кожаный сундук с приданным Курманжан погрузили на крепкого верблюда и он тронулся со двора, лохматый пес Акжолтой заскулил и стал рваться с привязи. Когда Курманджан, взмахнув юбками, птицей взлетела в седло и ударила камчой белого мерина, пес взвыл, оборвал крепкую веревку и бросился за молодой хозяйкой. «Вот и все, — сказал Маматбай и вытер мокрые глаза. — Ушло мое богатство к Алымбеку». Что он имел в виду, осталось тайной.

Словом, все получилось, как в сказке.

Но это было только начало...

СЕРЕБРЯНАЯ КАМЧА

Крепка власть Алымбека-датхи! Богатый Андижан и просторный Алай в его могучем кулаке. Южнокыргызские родоправители, вожди кыпчаков, самые знатные вельможи Кокандского ханства заигрывают с ним и почтительно слушают голос Илбирса — властелина гор.

И сам Алымбек преисполнен сознания своей силы. Его честолюбивым помыслам тесно на Алае. Он теперь подумывает о верховной власти на всем Тянь-Шане, о месте первого приближенного в ханстве. Он мечтает объединить всех кыргызов и самому стать их ханом.

Для этого плетутся хитроумные интриги, заключаются союзы с другими феодалами, вербуются сторонники.

Все эти дела вынуждают его надолго покидать родные кочевья. Однако Илбирс уверен в своих тылах. Ибо управлять родом остается его жена — преданная и мудрая Курманджан.

Молва об этой необыкновенной женщине уже давно распространилась в горах, достигла Ферганской долины.

Курманджан еще сравнительно молода — ей чуть больше тридцати. Красота ее расцвела — ведь жене бека не приходится надрываться на черной работе, как жене бедняка. Судьба у нее иная! Она всеми уважаемая «байбиче», мать сыновей. Авторитет ее чуть ли не такой же, как у родоправителя.

В отсутствие мужа она ведет большое и сложное хозяйство, вникает во все мелочи. Налаживает торговлю с купцами из Ферганы и Синьцзяна. Вершит суд и разбирает

жалобы. И может поступать решительно и круго, если того требуют обстоятельства.

Вот почему знаменитый родоправитель спокоен за свои тылы.

* * *

Сегодня в очередной раз Алымбек-датха покидает родной Алай. На прощание он подал жене камчу с серебряной рукояткой:

— Не пристало владычице гор погонять коня обыкновенной плеткой. Это камча — от моего прадеда. Держи ее крепко.

По лицу Курманджан сразу было видно — оценила подарок.

Бек продолжал, довольный:

— Держащий камчу — повелевает народом. Помни: народ — это дети, которых иногда требуется наказывать, чтобы не избаловались, были послушными.

И добавил шутливым тоном:

— Камча также поможет тебе не забывать мужа. Глянешь на нее — вспомнишь меня.

Курманджан ответила торжественно и серьезно:

— Сознаю ответственность, возлагаемую тобой на мои слабые плечи. И принимаю подарок.

Бек одобрительно слушал.

— Но с одним условием...

Бек насторожился.

— С одним маленьким условием... Без этого я не прииму подарка.

Бек нахмурился и проворчал с досадой:

— Что еще за условие?

— Сначала дай нерушимое слово бека, что выполнишь.

Бек нетерпеливо дернул плечом:

— Да говори же ты, женщина!

Курманджан ласково коснулась его руки, заглянула в глаза:

— Любовь моя к тебе безгранична, ты это знаешь. Но как бы я не хотела удержать мужа подле себя, понимаю: большие дела призывают его в долину. Дай же слово не забывать и меня, малую, в круговороте больших дел!

Бек облегченно вздохнул:

— Только-то?

— Я помню о тебе всегда, близко ты или далеко. Когда ты далеко, иной раз бывает очень трудно. Я терплю. У тебя столько важных дел, от которых зависят судьбы мира. Однако может случиться, что присутствие твое станет необходимым. Если нагрянет беда. Если нависнет черная туча гибели над твоей семьей, твоими сыновьями, твоим народом. И тогда...

Курманджан остановилась.

Бек слушал и смотрел ей в глаза. На лице его все более и более отражалась тревога, будто он и впрямь увидел воочию опасность.

— ...И тогда ты получишь с посыльным вот эту самую камчу. Она послужит тебе сигналом. Помни: я не позову без самой крайней нужды! В тот же миг садись на коня и скачи в родные горы. Не мешкая! Не откладывая! Не размышляя!

Голос Курманджан звенел, щеки покраснелись, глаза сверкали... Сейчас она казалась прорицательницей — у бека даже похолодело внутри. Он стремительно встал с подушек. Волнение жены захватило и его.

— Поклянись в этом духами предков, — сказала Курманджан.

— Клянусь! — ответил взволнованный бек.

Она приникла к его груди. Надменный правитель Алая обнял ее и погладил по голове с нежностью, какой сам от себя не ожидал:

— Мой длинноволосый мудрец...

Курманджан подняла к мужу раздумянившееся лицо и прошептала:

— И пусть об этом уговоре будем знать только мы двое...

* * *

Большие дела совершились в ханстве за последние годы! Ушел в небытие Мадали-хан (1822—1842 гг.). На престоле теперь восседает Шералы (1842—1845) — воспитанник таласских кыргызов. Однако первую роль в государстве играет не Алымбек, а вождь кыпчаков минбаши Мусульманкул и его ближайшее окружение. Алымбек оттеснен на третьи роли.

Это никак не устраивает честолюбивого алайского датху. И когда в городе Ош восстал народ, доведенный ханскими поборами до отчаяния (1845 г.), датха оказывается причастным к нему вместе с другими недовольными феодалами — Саидбеком-датхой и Пулатом-датхой. Они решили сыграть в большую игру, ставка в которой — власть.

Когда известие об этом дошло до Мусульманкула, он сразу начал действовать. «Великий кыпчак» был жестоким, коварным, хитрым, и честолюбивым, то есть обладал всеми данными для блистательной политической карьеры.

Хорошенько подумав, он велел своим юзбаши бить в барабаны — созывать войско. Потом кликнул писца-дабира и продиктовал ему три письма — все в город Ош. В ошском окружении Алымбека было много шпионов и тайных сторонников Мусульманкула. Им он послал приказ: «Убейте врага. Если не можете, приложите все усилия, чтобы задержать алайского волка в городе. Усыпите его подозрительность, пока мой беспощадный меч не обрушится на его толстую шею».

Второе письмо было адресовано единомышленникам Алымбека, влиятельным среди кыргызов феодалам Саидбеку и Пулату: «Алымбек алайский хочет все взять себе. Он подомнет вас, наступит сапогом на ваши головы. Подумайте и взвесьте!»

Самому Алымбеку многоопытный временщик написал: «Брат мой! Если человек однорукий, он уже не джигит. Мы с тобой — как две могучие руки государства. Без одного из нас оно станет калекой».

Расставив таким образом смертельные ловушки своему сопернику, Мусульманкул сказал соратникам:

— Время! Теперь самое драгоценное — это время! Оно скачет быстрее Тулпара, но мы должны опередить алайского смутьяна и уничтожить его, пока он не причинил нам непоправимого ущерба.

И «великий кыпчак» выступил в поход на Ош. Он уже предвкушал, как разделит Алымбека на две неравные части: в одной — голова, в другой — все остальное.

* * *

Ошские сторонники Мусульманкула, получив его послание, тоже начали действовать.

Шпионы и тайные сторонники не решились пойти на убийство и стали усыплять подозрительность алайского владельца. Саидбек-датха и Пулат-датха «подумали и взвесили». Весы перетянули на сторону Мусульманкула. У того — власть, а у Алымбека — лишь амбиции. Что весомее?

Таким образом, над головой предводителя адыгене нависла черная туча гибели, но он пока этого не замечал. Верно говорят: излишняя самоуверенность никому еще не приносила добра...

...Душное летнее утро. Алымбек только что проснулся и, накинув шелковый халат на голое тело, вышел из покоев, где досматривала сны молодая наложница. Он велел подать себе зеленого чая. Взгляд лениво скользил по Сулейман-горе, окутанной, несмотря на ранний час, знойной дымкой. Роскошный ханский сад, тянувшийся вдоль речки Ак-Буры, стоял неподвижно-тяжело, как бы придавленный жарой и пылью.

Скучно с женщинами! Надоели. У них ничего, кроме рабской покорности. В это утро почему-то вспомнилась жена. Давно уже нет от нее известий. Как там сейчас на Алае? Сладостная прохлада, чистый воздух... Среди разнотравья бродят матки с жеребятами. Из-за пригорка доносится бляенье овец... Алымбек вздохнул.

И как будто провидение откликнулось на мысли бека. Перед его взором предстал знакомый джигит в запыленной одежде. Он приветствовал своего родопрародителя глубоким поклоном.

— Давно приехал? — отрывисто спросил бек.

— Только что, великий. Я очень спешил.

— Все ли в порядке дома?

Джигит полез за пазуху и подал беку свернутую камчу — вместо ответа.

Он сразу узнал ее. Эта была та самая камча с серебряной рукояткой. Он вспомнил уговор. За все эти годы жена прислала ее в первый раз. Значит случилось что-то серьезное.

— Все ли живы-здоровы? — взволнованно спросил бек. — Да отвечай же толком!

— Все живы, — сказал оробевший посланец. — Но больше я ничего не знаю. Госпожа дала мне камчу и сказала: «Датха знает, как поступить». И еще добавила: «Пусть он делает это тайно». Я слово в слово запомнил.

— Разве враги напали?

— Нет! Кто осмелится?

— Я не могу сейчас ехать в Гульчу, — бек рассуждал сам с собой. — Меня задерживают важные дела!

— Госпожа отсюда в одном переходе. Она спустилась с гор.

Ветерок прошлого, ветерок молодости вдруг повеял на бека из далекого далека. В памяти всплыли слова: «Не мешкая! Не откладывая! Не размышляя!»

Он хлопнул в ладоши:

— Коня!

И, мчась впереди джигита-посланца, думал: «В конце концов, пусть этот кыпчакский каранар подождет! Давно ему пора уразуметь, кто в ханстве правая рука, а кто лишь левая»...

* * *

В большой кишлак у подножия гор они прискакали поздно ночью. Джигит провел датху в усадьбу знакомого купца, обязанного своим благосостоянием алайским правителям. Во дворе белела юрта. Встреча супругов состоялась...

...Проголодавшийся Алымбек уплетал боорсоки, привезенные женой, и восклицал на манер поэтов:

— Вкусны ханские блюда, а пицца родины вкуснее!

Он пил холодный кумыс из бурдюка:

— Разве наш кумыс сравнить с тем, что в долине?

И пьянящего напитка бозо он отведал.

А потом они проговорили всю ночь. Захмелевший бек хвастал жене:

— Скоро, скоро ты увидишь своего мужа на том месте, которое принадлежит ему по заслугам!

— А если те, кто окружает тебя, предатели?

— Кого ты имеешь в виду?

— Хотя бы того же Саидбека и Пулата...

Датха засмеялся:

— Они у меня здесь! — он показал могучий кулак — Только мной они сильны. Что могут шакалы?

— И шакал, если он бешеный, опасен для непобедимого льва. От укуса маленькой змеи иной раз погибает великан.

Датха начал сердиться:

— Что ты смыслишь в этих делах, женщина? Я вижу людей насквозь!

— Темную душу не сразу разглядишь и при свете солнца...

— Недаром говорится: ум женщины короче ее волос. Я оказываю тебе уважение, как хозяйке... Но разве может

овечка научить горного козла прыгать через пропасти? Занимайся лучше хозяйством. Орлице — стеречь гнездо, орлу — летать в поднебесье. Утром я возвращаюсь в Ош!

Нелегко сладить с Алымбеком-датхой! Но Курманджан это умела. Она давно уже изучила характер своего упрямого и самолюбивого мужа — бек терпеть не мог, когда его уличали в ошибках. Без лишних слов она подала ему самаркандскую пиалу с горячим чаем — к этому напитку бек пристрастился в Оше. В чай был подмешан опиум.

Когда бек заснул, Курманджан стала действовать. Джигиты завернули спящего в кошму и погрузили на арбу. В простой одежде госпожа уселась рядом и хладнокровно проехала по улочке селения под огнем сотни любопытствующих глаз. Кто мог догадаться, что на арбе, среди горшков, бурдюков и прочего скарба в большом куле безмятежно спит сам алайский правитель, один из вершителей судеб ханства?

А передовые отряды шахристанского хакима кыпчака Кур-Оглы уже подходили к селению. Они должны были отрезать Алым-беку пути бегства в горы — так приказал Мусульманкул. Сам он быстро двигался с войском на город Ош.

Когда бек очнулся, он долго не мог понять, где находится. Глаза его блуждали по белому потолку юрты, по голубому отверстию в нем — во дворе был ясный безоблачный день. Он перевел взгляд на стены и увидел знакомый ковер — кылым, вытканый когда-то руками его юной любимой жены Курманджан...

Бек приподнялся и сел. Растерянность отразилась на его лице — чувство, не свойственное беку. Он позвал хриплым голосом:

— Эй, кто-нибудь!

И так как никто не откликнулся, бек поднялся, откинул полог и вышел наружу.

Знакомая, родная до дрожи в сердце Алайская долина раскинулась перед ним во всей своей летней красе.

Было сказочно-прекрасное утро. Высокогорные изумрудные луга пестрели мириадами цветов. Белые юрты казались нарядными, как березки в горном распадке. Вдалеке бродили матки с жеребятами. Из-за пригорка слышалось приглушенное блеянье овец — лучшая музыка для слуха кочевника. Все так, как виделось в тесном и душном Оше. Потом раздался тихий металлический звон. В двадцати шагах пылал летний очаг, где что-то булькало во вместительном казане. Около него хлопотала Курманджан: она подняла крышку и помешивала большим черпаком. Ее прекрасное лицо смешно морщилось от дыма. Увидев мужа, она приветливо улыбнулась ему.

Алымбек мучительно соображал, как он попал сюда? Вот что значит пить много бозо и хмельного кумыса! Ай-ай-яй, как нехорошо получилось! Чтобы скрыть смущение, он обратился к жене:

— Разве кроме тебя некому глотать дым у казана?

— Я хочу приготовить обед мужу собственными руками.

— Я, кажется, долго спал...

— Сон освежает человека. Теперь ты в родных местах, вдали от смерти.

— О какой смерти ты говоришь?

— О той, которая преждевременно уводит неразумных в чертоги Аллаха...

— Ты изъясняешься загадками, — сказал бек с досадой.

Курманджан положила ему руки на плечи:

— Сегодня для меня великий праздник: ты со мной. А еще — вспомни, какой сегодня день?

— Пятница...

— Сегодня, — торжественно сказала Курманджан, — исполняется ровно четырнадцать лет с того дня, когда мы впервые увидели друг друга. Так высчитал наш эсепчи¹.

— Это, действительно, праздник, — пробормотал бек.

¹ Эсепчи — метеоролог и хронолог в тогдашнем кыргызском обществе.

Был большой той. Наутро бек собрался уезжать, но Курманджан остановила его:

— Разве может отец народа уезжать, не поговорив с аксакалами? Я управляю в твое отсутствие, но хотя бы раз в году нужен твой мужской хозяйский глаз.

Бек, скрепя сердце, согласился.

— Но завтра я должен уехать! — предупредил он. А когда пришло завтра, она попросила:

— Останься еще на день...

— Нет! — решительно возразил бек. — Меня призывают ханства!

— Любимый! — сказала Курманджан. — Я приготовила тебе подарок, который дороже всех дел в ханстве. Ты знаешь: я не бросаю слов на ветер!

Бек очень заинтересовался, но на все его расспросы она ответила:

— Узнаешь завтра.

Пришлось беку остаться — «Ничего, — думал он. — Я успею возвратиться в Ош вовремя».

А на следующий день появились измученные гонцы-джигиты. Некоторые из них были ранены. Они принесли страшные вести! Кур-Оглы и Мусульманкул взяли Ош и устроили кровавую резню! Всюду искали алайского датху! За его голову кыпчак обещал большую награду. Многие сторонники датхи перебиты, иные бежали. А те, кому великий бек верил, теперь сидят за дасторконом самого минбаши и жалеют, что не удалось им разрубить Алымбека на части.

Известный кокандский историк, разменявший талант на лесть придворного летописца, — Мулла Нияз-Мухаммад Хоканди позже так опишет Ошское восстание в своей книге «Тарих-и Шахрухи» («История Шахруха»):

«Смятение и тревога, овладевшие сердцами кыпчаков, были вызваны тем обстоятельством, что сведения о кыргызском восстании в окрестностях Оша, [охватившем район]

до Уч-Кургана и до границ Алая, и об осаде Оша дошли до кыпчаков Шахрихана, которые оповестили Мусульманкула.

После получения этого устрашающего известия [кыпчаки], отложив ташкентские дела, занялись отражением кыргызов. Не имея иного средства и вынужденные к тому необходимостью, они собрали кошун и стали наступать на кыргызов. Кыпчак по имени Кур-Оглы, который был правителем Шахрихана, выступив с кошуном этого вилайета на два дня раньше войска столицы и встретившись с кыргызами, обратил их в бегство.

Алымбек был потрясен. Оставшись наедине с женой, он сказал:

— Ты знала?

— Я знала о заговоре против тебя. Но как мне было убедить в этом самого упрямого мужа?

— Но откуда?!..

— В твое отсутствие я веду торговые дела с купцами из Оша и Коканда. Им очень выгодна дружба с нами. И других верных людей у нас немало в долине. Все они — глаза и уши великого датхи.

— Почему же эти «глаза и уши» не предупредили меня самого, то есть «голову»?

— А разве бы ты поверил? Да и не каждый посмеет обратиться к такому блистательному и великому.. Иное дело я, дочь простого скотовода. Меня они понимают — я их понимаю.

— Ты спасла мне жизнь! — воскликнул бек.

— Я же обещала тебе подарок...

— Мой парваначи¹... — сказал бек, нежно обняв жену.

— А ты для меня — хан ханов, джахангир...

Как хорошо говорить друг другу приятное! Взаимные похвалы только укрепляют отношения...

¹ Парванчи — главнокомандующий.

* * *

Алымбек недолго, предавался печали о погибших сторонниках. Что значат человеческие жизни в большой игре? Несколько сотен! Даже тысяч! К тому же большинство из них — «черная кость». Главное — жив сам игрок, он, Алымбек-датха, сын Асан-бия. Его «кость» белее снега, драгоценнее ханских сокровищ...

А тут вслед за горестными вестями пришла и радостная. Явились гонцы из Коканда с письмом от знатных беков, находившихся в опале: датхи Рахматуллы-мирзы и исфаринского хакима Сатыбалды. Они призывали высококочтимого алайского правителя срочно прибыть в Коканд: пока ненавистный кыпчак палачествует в Оше, есть возможность в столице, оставшейся без войска, совершить переворот и посадить на трон своего человека.

— Видишь, жена, еще не все потеряно! Готовь коней и оружие! Я отправляюсь в Коканд.

— Зачем торопиться? — заметила осторожная Курманджан. — Не лучше ли все разузнать, взвесить на весах мудрости...

— Время не ждет! Разве ты не понимаешь, женщина: чтобы выиграть в кости, надо вовремя сделать удачный бросок!

Курманджан поняла: мужа не удержать. Тот, кто давно отравлен ядом власти, уже не восприимчив к противоядию...

Она собрала его в дорогу. И лишь сказала на прощание с грустью:

— Оставь серебряную камчу. Я чувствую, она еще пригодится...

КУРМАНДЖАН СТАНОВИТСЯ ДАТХОЙ

Не сидится Алымбеку в своей резиденции в Гульче! Честолюбивая натура не дает ему покоя. Авантюры следуют одна за другой. Он ввязывается в кокандские распри, свергает и сажает на престол ханов (Шералы, Мурад-бек). С единственной целью — править, разумеется, самому.

После неудачного противоборства с кыпчакской группировкой Мусульманкула, когда только решительные действия жены спасли его от гибели, алайский родоправитель на несколько лет уходит с кокандской политической арены.

Однако неуемная энергия ищет выхода. В 1847 году он отправляется в Синьцзян. Там поднял восстание против цинских властей некий Ходжа-Тёрё, наследник бывших теократических правителей Кашгара. Ходжа-Тёрё — честолюбивый авантюрист: пользуясь недовольством народных масс китайским господством, он задумал восстановить государство своих предков.

Но цинские власти, получив подкрепление, разгромили восставших. Алымбек и Ходжа-Тёрё благополучно спасаются бегством и находят укрытие все в тех же кочевьях Алая. (Крепки тылы у родоправителя адыгене). А рядовые повстанцы — уйгуры, кыргызы, брошенные вождями, гибнут тысячами. Часть их, спасаясь от голода, потянулись в Фергану. На перевале Терек-Даван их застигла снежная буря. Замерзло множество детей, женщин, стариков. Уцелевшие достигли Оша, где вынуждены были продавать дочерей за два тилля, чтобы не умереть с голоду.

Затем наступает пора примирения с кокандским ханом Худояром, жестоко расправившимся с надоевшим ему

тестем Мусульманкулом и кыпчаками. Алымбек становится влиятельным придворным, защитником ханских интересов.

В этой роли он требует от северокрыргызских племен подчинения Коканду. Кыргызские манапы жаловались русским властям: «... хокандский Алымбек прислал нам письмо с угрозой, что если мы не будем иметь с ним свойство, то он придет к нам накажет нас оружием».

Однако дружба с Худояр-ханом длилась недолго. В 1858 году алайский родоправитель организует переворот и возводит на престол брата хана Малля-бека (1858—1862 гг.). Худояр спасается бегством в Бухару.

Власть в ханстве практически переходит в руки Алымбека и поддерживавших его кыргызских феодалов. Наконец-то цель жизни достигнута! Он становится аталыком — главнокомандующим и «отцом народа». Успех кружит ему голову. Советы осторожной Курманджан теперь только раздражают его. Он даже отобрал у жены знаменитую серебряную камчу — чтобы больше не посылала в неурочный час.

Однако торжество длилось недолго. Наступала неизбежная развязка. Этому способствовало соперничество Алымбека и Канаат-шаха, ташкентского наместника. По указанию Малля-хана летом 1860 года Алымбек с андижанским ополчением, в основном состоящим из кыргызов, и Канаат-шах с ташкентским ополчением узбеков выступили против русских войск, закрепившихся в крепостях Верный (Алма-Ата) и Кастек.

Все тот же придворный историк Мулла Нияз-Мухаммад Хоканди, явно не симпатизировавший Алымбеку, писал: «Войско ислама окружило кяфилов и, взяв их в кольцо, построилось к бою. В это время Алымбек Кыргыз и Канаат-шах Таджик, предъявив друг другу претензии на главенство и право распоряжаться войском, начали вражду и ссору. По причине распри Алымбек забрал андижанское войско и кыргызов, удалился с ними в сторону, а дело битвы и все, что влечет за собой честь или позор, оставил

Канаат-шаху; ухватившись за подол бесчестия, Алымбек пошу славы и мужества выпустил из рук».

Алымбек не стал воевать с русскими и вернулся в Коканд, попав в очередной раз в немилость у хана. Нужно было плести новые интриги, чтобы возвести на престол Коканда более послушного правителя. Кыргызы Алымбек и Кадыр, тюрк Худай Назар «в согласии» с кыргыз-кыпчаком Алымкулом организовали заговор и 24 февраля 1862 года убили Малля-хана. На престол они возвели одного из внуков Шералы малолетнего Шах-Мурада. Но недолго пришлось торжествовать Алымбеку при своем новом ставленнике.

В 1862 году при очередном дворцовом перевороте Алымбек-датха, носивший к тому же титул парваначи, погиб в Коканде. Много раз он расставлял западни врагам, а теперь сам попал в такую же. На этот раз не оказалось рядом осторожной и мудрой жены-спасительницы и не было у нее серебряной камчи под рукой.

Однако алайские кыргызы фактически сохранили независимость. Власть в горном крае по-прежнему крепко держала в своих маленьких женских руках Курманджан.

Придворная клика долго скрывала от нее истинную причину смерти мужа, опасаясь массового восстания горцев и мести их предводительницы.

В 1862 году, чтобы поддержать Худояр-хана, бухарский эмир Саид-Музаффар Эддин прошел с войском до Оша и осадил крепость Мады.

Тут ему и представилась Курманджан.

...Эмир Музаффар был толстым и очень добродушным на вид. Но дочь гор понимала, что внешность обманчива; еще никто не достигал власти и не удерживал власть при помощи добродушия. В дружеской доверительной беседе эмир задал «коварный» вопрос:

— Ты мусульманка, о Владычица гор. А наши обычаи требуют, чтобы женщина прятала лицо от взоров мужчин. Ты же ходишь открыто. Как это объяснить?

Она ответила:

— Пристойность обязывает скрывать от посторонних взоров срамные места. Неужто женское лицо принадлежит к числу таких мест? Да, я мусульманка. Однако, когда я спросила ученых мулл, они не смогли отыскать в Коране указаний Аллаха на то, чтобы женщины носили чачван.

Эмир изумился ответу. Его свита зашепталась. Он думал некоторое время, потом задал второй вопрос:

— В трудах мужей, прославленных ученостью, не приводится ни одного примера, где бы в далеком прошлом или в прошлом недалеком, на краю земли или на ее пупе власть над племенами держала в своих руках женщина. Как ты это объясняешь?

— Все в этой жизни бывает когда-нибудь в первый раз. Кроме того, пусть Опора ислама не забывает и такое соображение: мужчины-предводители вечно готовы к войне и бунтам против тех, кто над ними. А женщины всегда стремятся к миру. Они любят вести хозяйство, растить детей. Если бы государи ставили в своих вилайетах хакимами женщин, бунтари перестали бы докучать царственным особам.

Она показала на стены крепости, в степь:

— Вон там стоят десять тысяч моих джигитов. Они готовы идти в поход, сразиться с любым врагом. Но разве женщина — мать и жена — пошлет на гибельное дело своих близких? Нет! Только для защиты своего очага она даст им в руки меч и поможет надеть боевую шапку! Если же юрте ее не угрожает опасность, соседи могут спать спокойно...

* * *

На придворном совете, где решался вопрос о Курманджан, мулла Ибрагим, фанатичный представитель кокандского духовенства, сказал подобострастным голосом, в нотках которого, однако, вскипала злорада:

³ Том XV. В. М. Плоских

— Пусть великий эмир, да славится его имя в семи мирах, не забывает: кыргызы-кочевники — плохие мусульмане.

— Об этом должны радеть муллы, — отвечал эмир.

— Горцы — вечный источник смут в государстве. В Коране сказано: «Их хитрость велика».

Главный везир шепнул эмиру:

— Этот чванливый мулла ненавидит кыргызов из-за своей жены-кыргызки, которая убежала от старого мужа в горы.

Заплывшие глазки эмира превратились в щелочки — от удовольствия: «Опора ислама» считал лишь одного себя неотразимым мужчиной и втайне радовался, когда слышал о семейных бедах других мужей. Он ответил:

— В Коране говорится не о кыргызах. И не могу же я уничтожить целый народ! Кто тогда станет платить подати брату нашему Худояру? Народ — это стадо баранов, ему нужен лишь хороший пастух. Я слышал, с этим делом вполне справлялся их родоправитель Алымбек.

— Он был главным сеятелем раздоров и разрушителем спокойствия в ханской орде! — воскликнул мулла.

— Алымбек уже наказан. Его нет. А его вдова, как утверждают, пользуется великим уважением в среде этих темных, но храбрых людей. Не призывает ли нас благоразумие оставить ее у власти? Заготовьте фирман, мы поставим на нем свою печать!

Главный везир поклонился. Никто не осмелился возразить солнцеподобному владыке.

Один лишь упрямый мулла пробубнил довольно громко:

— Небывалое дело! В Коране сказано: «Воистину берегитесь жен своих».

Эмир почувствовал раздражение. Однако он не хотел ссориться с влиятельным кокандским духовенством. Поэтому обратил все в шутку:

— Именно: «жен своих»! Но Курманджан не наша жена. Стоит ли ее бояться?

И, как бы оправдываясь в глазах придворных, добавил:

— Все в этой жизни приходится делать когда-нибудь в первый раз...

* * *

В 1865 году Худояр-хан, в третий раз занявший кокандский престол, встречал в своем дворце алайскую родопрavitельницу. Она прибыла с внушительной свитой. Весь кокандский базар забросил торговлю и сбежался посмотреть на стройные ряды конников, впереди которых на гнедом мерине ехала маленькая женщина в парчовой шубейке.

Предание гласит, что обитательницы ханского гарема пытались сквозь узкие щелочки разглядеть «сестру», сумевшую так возвыситься над многими тысячами мужчин. Немало затаенных вздохов услышали ханские евнухи в тот знаменательный день!

Жестокий, надменный и мстительный Худояр-хан встретил Курманджан как самого знатного бека. Он подтвердил ее звание датхи специальным ярлыком и подарил со своего плеча роскошный халат.

Итак, женщина была официально утверждена правительницей народа двумя «Опорами ислама». Случай единственный в истории ханства и редчайший во всем мусульманском мире!

Фактически Курманджан-датха была независимой правительницей. «Однажды... — читаем в одной из русских корреспонденции, — жадный Худояр-хан сделал попытку обложить податью алайских кочевников, но Курманджан-датха не только не допустила до этого, но еще принудила хана подписать льготную грамоту»

РУССКИЕ ПРИШЛИ

Имя Курманджан — «алайской царицы», как называла ее русская пресса, еще при жизни стало обрастать легендами. Они передаются от поколения к поколению. Вот одна из них.

Крупнейший сарыбагышский манап Шабдан Джантаев надумал распространить свою власть не только на Северный, но и Южный Кыргызстан. Господствуя в Кеминском бассейне, он решил прибрать к рукам и Алай.

Что для этого нужно? Лучше всего породниться с «алайской царицей». И он в сопровождении джигитов отправился на Алай.

Слухи об этом дошли до Курманджан. Она помнила попытку мужа Алымбека объединить под своей властью кроме Алая и весь Тянь-Шань. Но видеть в этой роли Шабдана?.. Что могло принести ей новое замужество?..

И далее легенда как-то перекликается с известной сказкой Шарля Перро о Коте в сапогах.

...Едет Шабдан с джигитами. Навстречу — огромная отара овец в несколько тысяч голов.

— Чьи это овцы? — спрашивает чабанов.

Те отвечают:

— Собственность датхи. У нее еще сто таких отар.

— Богата овцами Курманджан! — восклицает Шабдан и едет дальше.

Навстречу — громадный табун коней: красавицы-матки с жеребятами, а вокруг косяков бегают, раздувают ноздри жеребцы с огненными глазами.

— Чьи эти прекрасные кони?

— Хозяйка им — Курманджан-датха, — отвечают пастухи. — У нее еще сто таких табунов.

Едут дальше. Видят огромную белую юрту, а вокруг нее — целый айыл.

— Чей это айыл?

— Это наша датха поставила для путников. Входите, дорогие гости, угощайтесь! У нее еще сто таких айылов.

Наконец, встречают Шабдана три сотни джигитов — молодец к молодцу, в нарядных одеждах, на горячих скакунах.

— Чьи это джигиты?

— Нас послала Курманджан-датха сопровождать дорогих гостей. И таких отрядов выслано сто по разным дорогам: ведь неизвестно, с какой стороны появятся гости...

Вот подъезжают к ставке датхи. Сопровождающие джигиты заспорили между собой: кому выпадет честь сообщить хозяйке радостную весть о прибытии гостей и получить сунучу, (а за добрую весть иногда одаривали целым состоянием),

— Я! — кричит один.

— Нет, я! — кричит второй.

— Уступите мне, — просит третий, безбородый. — Мне нужно калым большой платить — дочь наманганского хакима сватать собираюсь.

Скоро стал виден огромный айыл — нарядные, как жены бека, белые юрты. А навстречу уже безбородый едет, гонит овец и коней:

— Датха за радостную весть подарила мне сто баранов и десять скакунов! Теперь можно свататься к дочери наманганского хакима!

Встречает датха гостей у своей юрты — из уважения к прибывшим. По левую руку ее стоят десять биев, а по правую — десять беков. Сто аксакалов опираются на посохи.

Устроили той. Шабдану показалось — люди со всей земли собрались сюда. Народу — больше, чем на конском базаре в Андижане.

А угощение!.. И нежные барашки! И молочные жеребята! И горячий бешбармак! И прохладный кумыс, от которого голова делается молодой, как у безусого юноши! Даже собаки целых три дня после тоя ходили сытые, ленивые.

А какие игры были на том празднике! Вышел один силач — всех поборол. Вышел стрелок — всех метче оказался. А козлодрание! А..! А..! Да разве все перечтешь!

Поглядел на все это Шабдан и робость закралась ему в душу: как богата, как влиятельна датха! Однако виду не подает и приступает к главному разговору:

— Карындаш! Если Кемин и Алай породнятся, заживут одной семьей...

Конечно, Курманджан выглядела еще очень молодо, но все-таки солидный возраст, а также наличие шести взрослых сыновей никак не давали оснований называть ее девушкой. Но Шабдан, околдованный собственной идеей, разливался, как соловей по весне:

— Породниться! Обязательно породниться!

«Карындаш» в понимании северных кыргызов — просто почтительное обращение к молодым девушкам. У южных кыргызов в обращении «карындаш» есть оттенок родственности. На этом и сыграла Курманджан:

— Кайын¹! Раз я ваша карындаш, мы и так родственники! О каком еще породнении может идти речь? Ведь я вас принимаю, как уважаемого старшего брата. (Хотя «брат» был на тридцать лет моложе!).

— Эжеке², я хотел сказать...

И осекся. Смутился. Замолчал храбрый манап. Обращением «эжеке», вырвавшимся невольно, он признал старшинство Курманджан. Какое там теперь сватовство!

¹ Кайын — родственник по мужу (или жене).

² Эжеке — почтительное обращение к старшей женщине.

Так всенародно было отказано в сватовстве: тонко и без обиды. Куда было тягаться Шабдану — обыкновенному мужчине с этой необыкновенной женщиной.

Вдумчивый читатель, особенно знаток истории может задать закономерный вопрос: мог ли вообще Шабдан свататься к Курманджан? Их разделяли тридцать лет, и Курманджан была отнюдь не Екатерина II. Родилась «невеста» в 1811 году, а «жених» — в 1841 году. В 1876 году ей было шестьдесят пять лет, а Шабдану — тридцать пять!

Однако народное предание именно таким образом соединило в одной легенде двух наиболее известных кыргызских феодалов второй половины XIX столетия.

Легенда есть легенда. А пути-дороги Курманджан и Шабдана действительно один раз пересеклись.

Шабдан со своими джигитами представлял отряд в войске генерала М. И. Скобелева при продвижении его в 1876 году на Алай. Скобелев шел за последними повстанческими отрядами, не желавшими подчиняться России и выступавшими под лозунгами газавата. Возглавлял их после гибели предводителя повстанцев («кыргызского Пугачева») самозванного Пулат-хана (Искака Хасан улуу) и предательства Афтобачи кокандского, перешедшего к русским, старший сын Курманджан-датхи Абдылдабек. С ним были два его брата Мамытбек и Асанбек. В горах пряталась и Курманджан.

Джигиты Шабдана вышли на Курманджан и окружили ее. Зная большое влияние «царицы» на алайских кыргызов, капитан Ионов, возглавлявший передовые летучие отряды, проводил Курманджан с почетом, а не как пленницу в Гульчу, в ставку Скобелева. Не исключено, что «алайскую царицу» как раз и сопровождал Шабдан со своими джигитами.

Впоследствии в своей автобиографии Шабдан Джантаев так вспоминал об этой алайской эпопее: «...Скобелев принял Алайский поход против Абдылда-бека. По незначению местности русским во время завоевания кокандского

края нельзя было обойтись без помощи джигитов. Скобелев взял 25 джигитов из аргынов, но все были перерезаны Абдылда-беком, который заманив их и истребив, загородил русским войскам дорогу. Лишившись таким образом всех джигитов, Скобелев позвал меня. Собрал я опять 40 джигитов, в том числе Баяке, и прибыл к Скобелеву в Ош. Отсюда на другой день двинулись к ущелью Шут, которое впятеро страшнее Боомского. На противоположном выходе из этого ущелья находилось войско Абдылда-бека... Когда мы вошли в ущелье, Скобелев послал меня с 20 джигитами вперед. Выезжая из ущелья, я увидел, что Абдылдабек бежал, оставив свою мать (Курманджан-датху. — А. Г.), жен, детей и народ. Послал я одного джигита донести об этом Скобелеву и получил от него приказание сделать набеги на ближайшие айылы. Сделав несколько набегов, я взял в плен около 40 человек, много скота и имущества. Скобелев предложил нам взять все отнятое у неприятеля, но я отказался и сказал, что пришел служить русским, а не грабить. Тут Скобелев сделал представление о награждении меня чином».

На самом деле обстоятельства задержания Курманджан, согласно семейным преданиям, выглядели несколько иначе, чем их описывал Шабдан. Засевшие в пяти — шести километрах к югу от современного Кызыл-Коргона в неприступном и узком ущелье с романтическим названием Джанырык (Эхо) сыновья Курманджан чувствовали себя в безопасности. Нашел выход Шабдан. Он отыскал местного пастуха по имени Сулайман Кочкорчу, который знал горы лучше, чем свою юрту. Кочкорчу и провел русский отряд в тыл Абдылдабеку. Сам Абдылдабек с братьями с боем прорвались, а Курманджан задержал капитан Ионов.

* * *

Капитан Ионов оказался весьма тактичным человеком, к тому же неплохо разбиравшимся в обычаях местных

жителей. Он с большим пониманием и чуткостью отнесся к перепуганной «царице», впервые увидевшей в родных краях чужих воинов.

Генерал Скобелев, будущий герой Шипки, первый ферганский военный губернатор, тогда еще не был знаменитостью — все это ожидало его в ближайшем будущем, а пока он являлся представителем могущественного «белого царя», возглавлял победоносные русские войска, завоевывающие Кокандское ханстве.

Генерал принял даму со всей обходительностью, на какую только был способен, и проявил при этом недюжинный дипломатический талант.

— Передай, братец, княгине, что своим посещением она оказала мне большую честь! — сказал он переводчику. — Да смотри, переведи точно!

Курманджан неловко поклонилась — очень уж неудобно было сидеть не непривычном стуле! Она во все глаза смотрела на стройного подтянутого генерала, на его сверкающий белоснежный мундир, на пышные усищи с бакенбардами и веселое лицо.

— Скажи еще, что сыновья ее храбро дрались против нас. Богатыри! Молодцы! Такими сыновьями я и сам бы гордился!

Датха опять поклонилась. Лицо ее зарозовело от приятного смущения: такая неожиданная похвала! Этот большой начальник орусов — удивительный!

Долгая беседа оказалась весьма результативной. Скобелев убедительно просил Курманджак-датху написать сыновьям: пусть возвращаются в айылы со всеми бежавшими джигитами. Теперь наступает пора мирной жизни.

Датха обещала.

По окончании беседы генерал оказал гостье особую честь: лично проводил за порог своей палатки. Глубоко тронутая всем этим, Курманджан собралась было сесть на своего мерина, как вдруг протянула поводья генералу:

— У меня сейчас ничего нет, уважаемый, возьми хоть эту лошадь в подарок!

Скобелев, хлопая глазами, вопросительно обернулся к переводчику. Тот объяснил. Генерал был ошарашен.

— В-вот и-история, господа! — сказал он свите. — Что прикажете делать? Мне — и сесть на этого конька? На котором ездить только старым бабам? К тому же, поглядите: ведь он совершенно апельсиновой масти! На таком, помнится, д'Артаньян въезжал в Париж — из сочинения господина Дюма!

Но Скобелев недаром был Скобелевым. Он все-таки нашелся:

— Переведи уважаемой княгине: русские обычаи не позволяют мужчине принимать подарок от женщин. Только наоборот! Эй! Кузька! Принеси мой бухарский халат!

Под рукоплескания русской половины присутствующих и восторженный шепот кыргызской половины накинул парчовый халат на худенькие плечи датхи.

— О, мать стольких храбрых сыновей! Считаю и меня своим сыном, — сказал он и учтиво расшаркался.

Генерал в своем рапорте о так называемой военно-научной экспедиции на Алай доводил до сведения туркестанского генерал-губернатора К. П. Кауфмана об успешном ее завершении. Кауфман отреагировал немедленно, и 12 октября 1876 года отправил в столицу телеграмму следующего содержания: «Алайская экспедиция окончена благополучно, все отряды возвратились, войска молодецки вынесли все трудности похода в снеговых горах, весьма доволен результатом... Экспедицией снято топографически до тридцати тысяч квадратных верст, определено одиннадцать астрономических пунктов».

* * *

Курманджан выполнила обещание. Сыновья ее вернулись. Приехавший к тому времени туркестанский генерал-

губернатор К. П. Кауфман назначил их волостными управителями.

И с тех самых пор «царица Алая» навсегда связала свою судьбу с Россией. Со многими из представителей военной и гражданской администрации у нее сложились добрые отношения. А с Ошским уездным начальником, теперь уже майором, Ионовым завязалась дружба. И когда Ионов стал генералом и военным губернатором Ферганской области, датха неоднократно обменивалась с ним подарками и фотографиями. Ее сын Мамытбек хранил целую пачку писем — свидетельство их переписки... Вот бы сейчас найти эти бесценные документы — прямое свидетельство наличия письменности у кыргызов до революции, что еще некоторые исследователи отрицают!

Ионов был довольно образованным человеком и понимал огромное значение Средней Азии и Кыргызстана, в частности, для Российской империи. Поэтому он старался внушить «алайской царице» веру в справедливость России, вызвать почтительное отношение к ее мощи.

Как-то в одной из бесед он рассказал ей о великой древнеримской державе, о сменившей ее Византии и о том, что Россия — это «новый Рим». Курманджан запомнила.

Царское правительство учитывало огромную роль феодалов в жизни тогдашнего кыргызского общества, оценивало и влияние Курманджан-датхи на своих соплеменников. Специальным императорским указом от 1881 года ей была назначена пожизненная пенсия в 300 рублей.

ПИСЬМО

В самом начале декабря 1885 г. в горах разразилась снежная буря. Маленький караван из шести человек и десятка лошадей терпел бедствие в одном из ущелий южного Тянь-Шаня.

И люди, и кони выбились из сил. Напрасно зывали о помощи.

Один из путников, с обледеневшими усами сказал устало:

— К чему кричать? Кто услышит нас в таком аду?

— Аллах, он знает, — пробормотал второй, постарше, с облепленной снегом бородой.

— Просто надо было выбирать лучших проводников.

— Надо было выбирать хорошую погоду...

— Эй! — раздраженно крикнул усатый.

Подожли четверо проводников — кашгарских кыргызов.

— Ставьте лошадей в круг, накрывайте попонами.

Переждем здесь вьюгу.

Проводники переглянулись.

— Нельзя, господин! Буран может продлиться и два дня, и четыре. Все мы замерзнем.

— Что же делать?

— Надо пробираться вперед.

Караван опять медленно двинулся, проводники снова начали кричать.

Внезапно почудился крик. Лошади наострили уши, потом громко заржали.

Сквозь пелену снега проступили силуэты всадников. Проводники радостно загалдели.

Это оказался небольшой отряд из местных жителей. После коротких переговоров они вывели караван из ущелья; в устье его стояли две юрты. Тут же виднелись навесы для коней, огражденные от ветра плетеными стенками. Все было залеплено снегом.

Двоих путников поместили в одну из юрт. Посреди горел костер, распространяя благодатное тепло. Дым, время от времени загоняемый ветром внутрь, ел глаза, но это после пережитого ужаса на перевале было даже приятно.

Вскоре старший проводник принес горшок с горячим бараньим бульоном — шорпо.

— Кто эти люди, да благословит их Аллах и да отвечает? — спросил бородатый.

— Джигиты почтенной Курманджан-датхи, — ответил проводник. — По ее приказу они несут здесь караульную службу и спасают путников, попавших в беду.

— Женщина-датха? Не слыхал о такой нигде и никогда.

— Это потому что вы приехали издалека, почтенный молдоке! Ее знают все не только в этом краю, но и далеко за его пределами.

— Кем же управляет эта датха?

— Вот уже более полувека она правит Алаем и племенем адыгене. О ее мудрости и благородстве молва бежит впереди ее коня

— В чем же проявилась ее мудрость? — спросил усатый, держа кесе с горячим шорпо обеими руками.

— Об этом можно рассказывать сто один день! — воскликнул проводник.

— А в чем благородство?

— Разве сегодняшний случай — не подтверждение? И это делается с тех пор, как восемь лет назад наши братья — кыргызы и дунгане Кашгара, спасаясь от воинов-цинов, бежали в Фергану с женщинами, стариками и детьми. Тогда на них тоже обрушился буран. Они погибли бы, если бы не благородство Курманджан-датхи и ее друзей — орусов.

Оруссы-аскеры отогнали цинов, а датха послала голодным и обмороженным юрты, топливо и баранов на продовольствие.

Услышав о русских, усатый нахмурился, а бородатый спросил недовольно:

— Значит, эта самая датха примирилась с властью орусов?

— Большие начальники оказывают ей всяческое почтение и шлют дорогие подарки. Слово ее на Алае имеет большой вес, как и прежде.

Путники переглянулись, усатый что-то сказал бородатому на незнакомом языке и тот отпустил проводника:

— Передай начальнику джигитов нашу благодарность. А утром у нас будет к нему важный разговор.

Проводник ушел. Бородатый посмотрел на сотоварища:

— Что думает почтенный Ахмед-хан по этому поводу?

— Нам следует ближе познакомиться с правительницей Алая.

— А наша миссия к эмиру бухарскому?

— Задержимся — только и всего. Я беру ответственность на себя.

— Ну что ж, сэр Артур, вам виднее, — сказал бородатый.

— Что такое?! Я раз и навсегда запретил вам...

— Кто нас услышит? Темные неграмотные кыргызы?

— У вас на Востоке говорят: «И скалы имеют уши».

Помните об этом, мулла Маджид!

В долине лежал пушистый снег. Он сверкал под лучами утреннего солнца. Путники разглядели поселок, обведенный глинобитной стеной; внутри — постройки и множество юрт. Дымки ровными струйками поднимались к небу в морозном воздухе.

— Гульча! — сказал проводник.

...Прибывших сначала повели в баню. Баня!.. Конечно, она не могла сравниться с тегеранскими, стамбульскими или даже гератскими. Однако и здесь дюжие банщики умеючи размяли усталые тела, выпарили простуду.

После бани повеселевшие гости были отданы в руки брадобрею.

Затем их осмотрел лекарь — таиб и нашел вполне пригодными для аудиенции. Аудиенция была назначена после настойчивой просьбы гостей.

Но перед этим Курманджан-датха основательно расспросила старшего проводника.

— Что за люди, которых ты привел? Знаешь ли ты их?

Проводник ответил с готовностью:

— Знаю, датха! Того, что с бородой, зовут мулла Маджид. Ученый человек! Наизусть Коран знает. Второй, с усами, — ходжа Ахмед-хан. Тоже ученый, говорить может на непонятном языке.

— Откуда они?

Проводник подумал, помялся, сказал почему-то шепотом:

— Ходят слухи: из Индии, от ангрезов...

— Куда направляются?

— Дальнейший их путь сокрыт от меня...

Аудиенция была назначена в огромной белой юрте. Войдя, гости были неожиданно поражены роскошным убранством. На полу ковры-ширдаки — создавали впечатление весеннего луга. Стены юрты покрывали тоже ковры — тушкийизы. Ковров не было только на потолке. Он не сиял первозданной белизной, а был основательно закопчен дымом очага.

Датха оказалась старушкой лет семидесяти, небольшого росточка, худенькой. Одета как и подобает владычице: на ней была распашная юбка — бельдемчи — из бархата с вышивкой и оторочкой из меха куницы. Поверх — халат-безрукавка с отделкой из фазаньих перьев. На голове — белоснежный элечек. Но больше никаких украшений: все эти браслеты, серьги, кольца, перстни, ожерелья приличествуют молодым.

Ее лицо сохранило следы замечательной красоты, как бы эхо живого голоса, давно отзвучавшего...

Датха оказалась старушкой лет семидесяти,
небольшого росточка, худенькой

Слева и справа от хозяйки сидели самые уважаемые аксакалы.

По специально постеленному узорчатому ширдаку гостей провели и усадили на почетные места.

Курманджан задала обычные вопросы вежливости: о здоровье, о скоте и т. д. Потом осведомилась, что заставила почтенных людей совершать столь опасное путешествие? Может быть, интересы торговли?

Мулла многозначительно ответил, поглаживая бороду:

— Нет, мы не купцы, мы — паломники на этой земле. Мы ищем.

Хозяйка сказала:

— Понимаю, многие ищут в чужих землях то, чего не могут найти в своей...

Заговорили о погоде. Бородатый пожаловался:

— Мы едем в Бухару. Да вот погода... Неизвестно, когда утомонится...

Хозяйка хлопнула в ладоши:

— Сейчас узнаем. Позовите Кыдыра.

Явился старичок.

— Это наш эсепчи: он ведет счет времени и предсказывает погоду.

Старичок сообщил:

— Если шайтан не вмешается, погода ожидается хорошая.

Заговорили о делах. Мулла сказал:

— Молим Аллаха послать нам удачу в дороге. Но кто знает свой завтрашний день?

Хозяйка опять хлопнула в ладоши.

— Позовите Мамбета.

Явился другой старичок — в вывороченном тулупе.

— Это наш бакши: он предсказывает будущее.

Старичок поглядел вверх, поглядел вниз, пронзительно сверкнул глазами на гостей, раскинул бобы, побормотал и сообщил:

⁴ Том XV. В. М. Плоских

— Хорошие дела кончатся хорошо. Плохие — плохо. Человек сам выбирает или то, или другое...

Датха заметила, открыв в улыбке ослепительные зубы, которым позавидовала бы иная молодая:

— Вот видите, все будет хорошо.

...После приема усатый Ахмед-хан сказал бородатому мулле:

— Сдается мне, эта зубастая старушка все время смеялась над нами.

— Откуда такие мысли?

— Эти старички-предсказатели!.. И вообще... Она не так проста, как на первый взгляд кажется...

Во время второй аудиенции сэра Артур, то есть Ахмед-хан, решил идти напролом:

— Я прибыл из далекой страны. Там правит женщина-падишах Виктория. Она — самая могущественная на свете.

— Сильнее белого царя?

— Да, датха! В ее владениях никогда не заходит солнце! Все стороны света блестят в ее короне-элучеке! Ближе всех к вам лежит огромная Индия. Но она — всего лишь бекство в государстве моей правительницы...

Мулла Маджид добавил:

— Великий халиф правоверных султан-падишах османов и королева Виктория — два могучих союзника, перед которыми весь мир — ничто!

— Даже государство цинов? — удивилась датха.

Ахмед-хан ответил:

— Богдыхан цинов ест из рук моей повелительницы! Он лишь покорно выполняет ее волю!

На совете аксакалов Курманджан сказала:

— Нет предела хвастовству этих людей! Я много слышала об Индии: там тысяча и один князь! А они говорят: бекство. И даже, если действительно ангрезы повелевают богдыханом цинов, то нам с ними не по пути: цины угнетают наших братьев в Синьцзяне!

— Правильно, — сказали аксакалы.

— Они предлагают мне союз против белого царя. Но страна султана очень далеко. Аял-падыша ангрезов еще дальше. А кошуны орусов — рядом. И у них пушки. Зачем подставлять под удар наших джигитов? Наши айылы? Зачем воевать с белым царем? Он зла не делает. Мы живем, как жили. Да еще мне платят каждый год целых триста «рупь»!

Аксакалы кивали: истинная правда! Они всегда соглашались с датхой, как же можно иначе? Курманджан добавила:

— И думается мне слабым умом женщины: не так уж сильны их повелители, если ищут союзников против белого царя здесь, в наших горах, в такой дали от своих юрт.

На прощальной аудиенции Курманджан сказала:

— Прошу извинения у гостей. Но мне сначала придется ответить на письмо Большого начальника орусов: письмо это прибыло раньше вас. Читай ответ, Садык!

Писарь откашлялся и начал читать с листа «Многоуважаемому высокостепенному ферганскому областному губернатору от служителя Ошского уезда Курманджан-датхи. Заявление.

Уважаемый, прошу извинения. При этом заявляю Вам, что когда Ферганское мусульманское государство не признало еще Россию, я воевала и спорила с Вами... В это время на Алай прибыл Ошский начальник Ионов с генералом (имеется в виду М. Д. Скобелев — А. Г.). И представил меня генералу. Генерал встретил меня приветливо, отнесся с уважением. Я осталась довольна.

По величине Россия равняется Риму. Возможно, в настоящее время она еще увеличивается...»

Гости заерзали. Писарь остановился.

— Читай! — приказала Курманджан-датха.

«Никогда раньше мы не видели такого государства. Испокон веков к ойротам ни одно государство так хорошо

не относилось. Как со своими родными, всем народом вместе будем жить в таком государстве. Если вдруг его авторитет не признаем, изменим государству, тогда, я считаю, на нас ляжет несмыаемый позор...

В это мирное время я заявляю: весь мой народ, я сама и мои родные никогда не выступим против вас. От нас никакой неприятности не будет. Если мой народ сделает плохо и станет изменником, тогда накажу виновного самой тяжкой мерой, буду вечно мучиться до конца дней своих. В заверение ставлю свою печать — дочь Маматбека Курманджан-датха»

— Подать печать!

Писарь смущенно зашептал ей что-то.

— До сих пор не нашли?! — рассердилась Курманджан. — Тогда пиши: «В связи с потерей печати подписываюсь».

Датха взяла перо и медленно подписалась, старательно выводя арабскую вязь в конце письма¹. Судя по всему, это было для нее привычным делом.

***Краткое отступление.** Много позже, столетие спустя, узбекский, а затем и кыргызский женские журналы (см.: «Кыргызстан аялдары. 1989. № 12») опубликовали информацию, которая (если ее подтвердят специальные исследования ученых) может стать поистине научной сенсацией: Курманджан-датха под псевдонимом Зейнат (наши информаторы — потомки Курманджаи считают, что более правильно Зыйнат) писала стихи, которые современники ставили в один ряд с произведениями признанных поэтов Средней Азии, таких, как Надира, Дильшот, Махзура и др. По инициативе*

¹ Оригинал письма мы видели в архиве Узбекистана (Ф. И. 19, оп. 1, д. 1629, л. 1). Перевод опубликован в книге: Галицкий В., Плоских В. Старинный Ош: Очерк истории. — Фрунзе, 1987. С. 55–57.

Омар-хана стихи двух поэтесс — Зыйнат и Махзуры были включены в диван — «Сборник акынов». Стихи написаны на фарси. В них Зыйнат красочно описывает родную природу, цветущие долины: усыпанные яркими тюльпанами, поросшие благоухающими травами, звенящие прозрачными ключами. Свои стихи она сравнивает с силами природы: как ураган и ливень все могут снести на своем пути, так и стихи могут бушевать в душах людей. И еще немаловажное: произведения Зыйнат — это своего рода воззвание: будь ты мусульманин, иудей, буддист, христианин — невзирая на веру, живи в мире и дружбе. Отнюдь не праздный призыв к современникам в беспокойной жизни деспотического ханства, полезный совет и потомкам. Однако вернемся к своим героям.

* * *

На следующее утро путешественники-агенты отбыли в Бухару. А может быть, к шайтану на рога...

Во всяком случае, через несколько лет английский агент мулла Абдул Маджид в Калькутте публикует свой отчет о путешествии в Коканд и описывает «любезный» прием, оказанный путникам Курманджан-датхой¹.

¹ Данное событие несколько смещено хронологически: оно фактически произошло в 1861 году, а отчет был опубликован в 1863 году. — Прим. редактора-составителя.

ТРАГЕДИЯ, ДОСТОЙНАЯ ШЕКСПИРА

Счастливая Курманджан! — может подумать читатель, а скорее, читательница этих строк. Действительно, на первый взгляд, так оно и есть: сумела избавиться от постылого и выйти замуж за любимого, родила сыновей-джигитов — один лучше другого, всегда жила в достатке и почете. Да в каком почете! Что еще нужно женщине, жене, матери? Но когда говоришь или думаешь так, всегда нужно постучать по дереву, или, что гораздо более «полезно», — сплунуть через левое плечо, на котором, как известно, постоянно сидят враг рода человеческого — шайтан и его тощая, тонкогубая сестра — черная зависть.

На старости лет накатила на счастье Курманджан туча. Да такая черная и страшная, что грома оглушили ее, а молнии поразили в самое сердце. Правду говорят люди: «Маленькие дети— маленькие заботы, а большие дети...»

Да кто же не знает, что могут натворить большие дети? ...Это случилось в далеком 1893 году. В пограничной полосе пропал объездчик и два стражника. Власти не на шутку встревожились. На розыск были обращены все силы, подняты войска, подкуплены осведомители. Русский путешественник И. П. Ювачев писал: «...Следствие выяснило, что они (стражи границы — А. Г.) встретились с партией киргизов-контрабандистов, которые не успели скрыться от них. Чтобы избавиться от ареста и суда, киргизы убили объездчиков и сожгли их трупы».

Шила в мешке не утаишь. Кто-то донес. По этому делу были взяты под стражу Камчибек и с ним — совсем еще «зеленый» внук датхи Арстанбек как организаторы шайки

контрабандистов. Взяли и другого сына датхи — Мамытбека и его племянника Мирзапаяза. Этих — за укрывательство. А всего по делу арестовали двадцать одного человека.

Тот же И. П. Ювачев писал: «Горные орлы — киргизы Алая с давних пор жили хищничеством... Они зорко следили за добычей в окрестностях. С востока от них китайский Кашгар, с запада — бухарский Дарваз и Каратегин, с севера — плодородная Ферганская долина. Есть где поживиться барымтою! Но с приходом русских волей-неволей пришлось им сдерживать себя. Отряды солдат и казаков строго оберегали караванные пути. Тогда удалство киргизских батыров вылилось в занятие контрабандой.

Камчибек сосредоточил в своих руках всю перевозку контрабандных товаров через границу Кашгара. Давно его подозревала в этом администрация, но изловить не могла. И вот случай с объездчиками...

Семейное предание, защищая честь Камчибека и рода, повествует, что инцидент спровоцировали сами стражники. Они предложили кыргызам развьючить животных и открыть сундуки. Жена Камчибека, которая была в караване, защищая добро, вступила в спор со стражниками и никак не соглашалась добровольно отдать ключи. А они висели у нее на конце длинной косы. Камчибек и другие мужчины только посмеивались, глядя, как одна рассвирепевшая женщина яростными криками и бранью теснила трех вооруженных русских. По своему богатому опыту мужчины знали, что со стражниками всегда можно договориться. Чего не делают деньги? Наконец, одному из стражников надоели крики и проклятия. Он схватил женщину за косу и отрезал ее вместе с ключами. Разве может быть больший позор для мужчины, если с его женой на его глазах творят такое?

...И случилось то, что случилось.

Восьмидесятидвухлетняя Курманджан-датха бросилась спасать сыновей и внуков. Она сама поехала в Маргелан к военному губернатору Повало-Швэйковскому. Ничего

не помогло. Следствие тянулось долго. И вот 2 марта 1895 г. Камчибека и его друга Палвана повесили на базарной площади в Оше. Мамытбека, Арстанбека и Мираапаяза отправили на каторгу в Сибирь.

Курманджан-датха присутствовала при казни любимого сына. Внешне она выглядела невозмутимой. Но оказалось, что даже она, которая могла вынести все напасти, была лишь матерью. А какая мать вынесет такое?

Вот тогда-то и наплыла черная туча.

Служил на Памире в конце прошлого века блистательный русский офицер Б. Тагеев. История не сохранила его ратных подвигов. Литература же отметила его своим вниманием. Тагеев выпустил несколько книг с рассказами и очерками о жизни народов далеких окраин Азии. На обложках этих книг стоит имя Рустам-Бек. Таков был литературный псевдоним офицера, посвятившего перо описанию не своих военных подвигов, а обычаев, языка и культуры полюбившихся ему азиатов.

Сохранили его книги и воспоминания о встрече со знаменитой Курманджан. Ее судьба показалась Рустам-Беку сходной с трагедией шекспировского короля Лира.

Но все по порядку.

Лето 1896 г. В одном из многочисленных ущелий Алайского хребта под отвесною высокою скалою приютился айыл из десятка юрт. Местность и аил назывались Яга-Чарт. Когда-то здесь царил особый порядок: юрты щеголяли красотой и роскошью, ласкали глаз высокая сочная трава и живописно разметавшаяся арча. Многочисленны были стада баранов и рогатого скота, громадные табуны лошадей и верблюдов оживляли суровый пейзаж. Несколько в стороне, у самого подножия одной из гор недалеко от айыла обычно стояла юрта, выделяющаяся среди прочих богатством убранства. Здесь жила «алайская царица». Здесь вершились дела Алая. Сюда на поклонение и решение споров съезжался народ.

Теперь же и ущелье, и айыл как бы вымерли. Стояла необыкновенная тишина, так не характерная для давнего Яга-Чарта. «Базар стал мазар», — говорят кыргызы в таких случаях.

Двое пожилых мужчин в черных бараньих шапках молча прошли мимо офицера, бросив суровый, исподлобья взгляд, и скрылись за пологом одной из юрт. Рустам-Бека никто не встречал. Не было и намека на прежнее радушие. Наоборот, встречные старались поскорее проскочить мимо и спрятаться в юрте.

Увидев сидевшего поодаль аксакала, путник подъехал к нему и по-кыргызски попросил проводить его в юрту Курманджан-датхи. Старик пробормотал что-то невнятно себе под нос и укоризненно покачал головой. Нехотя поднявшись, он не спеша двинулся вперед, показывая дорогу.

Подошли к прокопченной, отдельно стоящей юрте. Аксакал отдернул кошму, закрывавшую вход в юрту. Пахло чем-то кислым, прелым. Офицер удивленно посмотрел на своего проводника, думая, что тот не понял и привел к какой-то другой юрте. Старец, угадав мысль посетителя, указав рукой внутрь, сказал:

— Мака датха! (Вот датха!).

Рустам-бек нагнул голову и вошел в юрту.

Мрак, царивший внутри ее, резкий переход от света к темноте не позволили сразу рассмотреть внутренность юрты и ее обитателей. Когда глаза привыкли к темноте, офицер буквально остолбенел от представившейся картины.

На голой земле, в страшном рубище, сквозь дыры которого просвечивало сухое черное тело, сидела маленькая жалкая старуха. Ее реденькие седые волосы какими-то жидкими хвостиками свешивались на сморщенное, похожее на печеное яблоко лицо. Она устремила на вошедшего свои слезящиеся глаза и, шамкая беззубым ртом, бормотала непонятные слова.

Рустам-Бек присел около нее на корточки и произнес приветствие. Старуха дико глянула на него и вдруг засмеялась старческим дребезжащим смехом. Холодок пробежал по спине гостя.

И это — датха! Это — бывшая «царица Алая», перед которой заискивали кокандские ханы, одного слова которой было достаточно, чтобы казнить и миловать? Это — та самая датха, которая несколько раз, окруженная сыновьями, принимала его с непритворной радостью? Которая еще два года тому назад верхом, без отдыха проезжала 70 верст и была совсем бодрой и здоровой!

Датха была раздавлена трагедией детей, ее здоровью и психике был нанесен страшный удар. Она раздала все свое имущество и скот, уединилась в родном айыле, никого не принимала и никого не хотела видеть. Отрешилась от жизни, почти не принимала пищу. Она умирала, всеми брошенная и забытая.

«Боже мой! Во что она превратилась теперь! Мне стало необыкновенно тяжело, и я быстро выбежал из юрты и, вскочив на лошадь, отправился к ожидавшим меня спутникам, вспоминая о датхе и ее жизни, полной глубокого трагизма». Так записал позже в своем очерке «Царица Алая» русский офицер Б. Тагеев, он же писатель Рустам-Бек.

Казалось, что даже Всевышний не спасет великую женщину. Но она сумела побороть тяжкий недуг. Она вылечила себя сама, вернее, ее материнская любовь и прежняя неутомимая энергия, прежний глубокий ум.

С момента ареста Камчибека и до самой его казни она не сидела сложа руки. Откуда только силы брались оббивать пороги малого и большого начальства, диктовать бесконечные письма-прошения, нанимать лучших юристов. А бакшиш, которым она умащивала множество чиновных рук?

Очень помогли старые связи. Верный друг — теперь уже генерал — Ионов писал и лично обращался во все инстанции. И свершилось чудо: громоздкая, сложная машина

российского правосудия со скрипом и скрежетом повернула в сторону, угодную ей, этой крошечной старушке...

В 1897 г. осужденные были возвращены с иркутской каторги. Как только умирающая больная Курманджан узнала эту весть, произошло еще одно чудо. Она поднялась, позвала верную служанку, вымылась с ее помощью в горном ручье, оделась в бедные, но чистые одежды, которые тут же собрали в айыле, и начала отдавать привычные распоряжения по хозяйству.

Когда сын и внуки прибыли в родной айыл, гласит семейное предание, их встретила прежняя радушная, но сдержанная в проявлении своих чувств родная мать и бабушка. Она смахнула слезы с глаз и тихим, но твердым голосом отчитала детей за недостойное поведение. (Дело в том, что каторжные пригнали с собой целое богатство — большой табун лошадей. Нет, они не отбили его у зазевавшихся пастухов. Коней дарили знатным потомкам Алымбека и Курманджан семиреченские казахи и кыргызы чуть ли не в каждом айыле, который лежал на их долгом пути на Алай).

— Совесть есть? Вы что, сарты, приехавшие на базар? Негоже бекам брать лишнее. Нужно будет — люди все нам дадут.

Седобородый сын и усатые внуки опустили глаза...

Ничто больше не напоминало об ужасной болезни Курманджан. Только в поведении ее наблюдалась маленькая странность: она ни на шаг не отпускала от себя внука Кадырбека, который был очень похож на своего отца Камчибека.

ЦАРСКИЙ ДАР

Откуда все началось

Ранней весной 1898 года во многих кишлаках Ферганы стали распространяться тревожные слухи...

Будто в каком-то селении появился святой человек, отмеченный печатью Аллаха... И будто этот человек обличает и пророчествует конец света, если нравы не будут исправлены. Призывает покарать виновников. Предсказывает всеобщее благоденствие, если те, кто развращает мусульман, будут изгнаны, уничтожены.

Особенно будоражили людей эти слухи в Андижанском, Наманганском и Ошском уездах. Наконец, они приобрели определенность и осязаемость. Святым человеком оказался Магомед-Али Халиф Мухаммед-Сабир Оглы (сокращенно Мадали), ишан из кишлака Мин-Тюбе. У него было и другое прозвище — Дукчи-ишан, т. е. «веретенщик», что указывает на его профессию.

Он говорил на тайных собраниях:

— Братья! Пришло время освободить наш край от неверных! Посмотрите: оруссы распахивают наши земли. Оруссы строят себе дома в наших тысячелетних городах. На священной земле мусульман они возводят нечистые молельни и водружают на куполах кресты! Их женщины ходят с открытыми лицами. Они принесли с собой разрушение нравов! Их большие и малые начальники распоряжаются у нас по праву хозяев. Их зякетчи вытрясают с нас налоги; эти налоги идут не в казну наместников Аллаха, не на нужды мусульманской общины, а уплывают из наших краев неведомо куда! Доколе все это терпеть?

Вскоре у него появилось множество учеников-мюридов. Они распространяли идеи имама в самых отдаленных кишлаках. Семена падали на благодатную почву.

К концу XIX в. общественные отношения в Средней Азии вообще (и в Южном Кыргызстане, в частности), сложились следующим образом. Местные феодалы и царская администрация после присоединения края к России быстро нашли общий язык и даже частично объединились в клан: баи и манапы, заняв должности волостных управителей, айыльных старшин, биев и казиев, сами стали царскими чиновниками. Интересы у них были общие: выжать из народа как можно больше средств для собственного обогащения. Поэтому-то царизм всегда и везде поддерживал власть имущих против «черной кости».

Безжалостная эксплуатация, поборы и вымогательства, произвол и насилие, чинимые местными феодалами с благословения царской администрации, — все это неизбежно должно было закончиться стихийным возмущением угнетенных. Дукчи-ишан и поддерживавшая его клерикально-феодалская верхушка из числа недовольных воспользовались тяжелым положением трудового народа и направили его гнев не на истинных виновников, а вообще против «капыров».

Решение Курманджан

Призывы Дукчи-ишана достигли и Алая. В кыргызских кочевьях нашлось немало горячих голов, загоревшихся новой идеей. И, конечно же, обо всем этом узнала и Курманджан. Люди «святого» клана понимали, насколько увеличат они свое влияние и силы, если «алайская царица» поддержит их.

Они рассчитывали, что казнь ее сына Камчибека, повешенного на ошской площади в 1895 году, породила в ней ненависть к русским.

И вот тут-то Курманджан повела себя совершенно неожиданно.

Она собрала большой совет аксакалов и знати, на котором произнесла целую речь:

— Кто такой Дукчи-ишан и чего он хочет? Он задумал посадить ханом в Коканде племянника покойного хана Мадали! И для этого он поднимает народ против белого царя! Этот веретенщик надеется победить падишаха орусов, против которого бессильны великий султан Турции и государи других сопредельных стран!

— Но царь орусов и его чиновники грабят народ, — подал кто-то голос.

Курманджан возразила:

— Нет в мире народов, не имеющих правителей, и ни один правитель не пашет, не лепит горшки, не пасет овец. На то есть земледельцы, ремесленники, пастухи. Каждому в этой жизни — свое дело и свое предназначение. У белого царя много аскеров, много чиновников, поддерживающих порядок. И всех их надо кормить. Так стоит ли хвататься за оружие, если и приходится платить налоги? Разве кокандские зякетчи были милосерднее? Или вы забыли времена Худояра?

— Но Дукчи-ишана поддерживает народ, — робко возразил еще один «храбрец».

— К этому веретенщику присоединяются базарные лодыри и бездельники без роду-племени. Им бы только убивать да грабить. И терять им нечего — нет у них ни своей юрты, ни имущества, ни совести. А мы? Неужели уважаемые люди должны уподобиться вора и нищим? Пока я жива, этого не будет!

Согласно кивали головами: Курманджан, как всегда, рассуждает мудро. Даже самые отчаянные прикусили языки.

Родоправительница закончила так:

— Веретенщик погубит народ... Он поведет людей на пули, штыки и пушки орусов... Пока я жива, этого

не допущу! Те, на кого я имею влияние, не пойдут за безумцем из Мин-Тюбе.

Опасная тайна базара

В конце XIX в., несмотря на богатое прошлое, Ош оставался обыкновенным уезд-ным городком. И, пожалуй, главными его достопримечательностями были знаменитая Сулейман гора и базар.

О, этот ошский базар! Инжиро-виноградный! Арбузодынный! Абрикосово-миндальный! Изюмо-гранатовый!

Здесь продают и покупают, уговаривают и спорят — водоносы, погонщики, торговцы халвой, зазывалы, арбакеши, дервиши, нищие и просто неопределенного рода люди, которым нечего продавать и не за что покупать, но ради удовольствия все толкуются здесь от восхода до заката, пока не ударит барабан, возвещающий закрытие торга.

Тут можно было купить все: от горшков и тюбетеек местного производства до индийских пряностей и арабских благовоний.

А каких только наречий здесь не услышишь! Узбеки, татары, кыргызы, таджики, казахи, каракалпаки, дунгане, уйгуры, даже выходцы из далекой Индии!...

Изредка мелькнет в толпе европейская одежда — жители русской части города тоже ходят на базар.

Вот и сегодня, чудесным солнечным утром 17 мая, военный врач Аркадий Иванович Воронков с видимым удовольствием пробирался вдоль базарных рядов. Он представлял себя путешественником-европейцем на экзотическом Востоке. Ему только что исполнилось 25 лет, поэтому он носил пробковый шлем — будто англичанин в Индии. Следом за ним кыргыз-слуга Джаныбек тащил корзину с зеленью. Какой-то нищий назойливо пялил глаза на доктора, он даже два раза забежал вперед, чтобы получше рассмотреть. Доктор ничего не замечал, зато Джаныбека это вывело из себя.

— Что уставился? — сказал он сердито.

— Интересно поглядеть на живого человека, который сегодня будет мертвым, — ответил нищий.

— Пусть собаки сожрут твой лживый язык! С чего ты взял?

— Эй, глупый! Разве ты ничего не знаешь?

— А что я должен знать?

— Сегодня ночью будут резать всех орусов. Так повелел святой ишан Мадали. Газават, брат!

Тут какой-то богато одетый прохожий, наверное, бек, ударил нищего камчой и закричал:

— Да поразит проказа болтуна! — затем обернулся к Джаныбеку, сурово сдвинул брови:

— А ты, джигит, помни: молчание — золото. Если проговоришься орус, тебя ждет смерть.

Подошли еще трое, настороженные, злые. Джаныбек немного робел, однако сказал:

— Оруса не надо резать... Он — таиб... Он спас моего сына от смерти. Сынок совсем помирал. Орус — добрый...

— Ты продался неверным! — злобно зашипел бек. — В Коране сказано: «Не принимайте помощи от шайтана»... Или ты не считаешь Коран?

— Дай клятву молчания! — грозно сказали те трое.

Джаныбек переводил взгляд с одного на другого — он был не на шутку испуган.

— Я не скажу никому...

Но его все-таки заставили поклясться.

В это время доктор, тщетно пытавшийся найти общий язык с толстым сартом — продавцом изюма беспомощно оглядывался: куда запропастился слуга-переводчик?

Он был обескуражен, когда по дороге домой нагруженный покупками Джаныбек вдруг сказал:

— Дохтур! Езжай из города! Езжай сегодня. Ты спасал моего сына. Ты хороший человек. Езжай, пожалуйста!

— Да что с тобой? — изумился Воронков. — Можешь ты объяснить толком?

— Не могу объяснить толком, — отвечал слуга взволнованно. — Ох, езжай! Смерть может быть.

Чрезвычайное сообщение

Южнее Старого города, вверх по реке Ак-Бура раскинулся Новый город, заложенный солдатами четвертого туркестанского линейного батальона еще в 1876 году.

В Старом городе улочки были кривые и узкие, нередко заканчивающиеся тупиками. В Новом — европейская планировка: широкие, перекрещивающиеся под прямым углом, с хорошим покрытием улицы. По обе стороны главного проспекта, обсаженного тополями, стоят офицерские дома, казармы, почта, соборная церковь, различные военные и гражданские учреждения. Население в основном русское, «туземца» встретишь здесь нечасто. Тем более вызвал у прохожих удивление всадник-кыргыз, проезжавший в полдень 17 мая 1898 г. по центральному проспекту, под ним прекрасный аргамак, седло отделано серебром. Парчовый халат, белоснежная шапка, холеное лицо — все говорило о том, что это — важная птица.

Всадник проехал через парк, тянувшийся от православной церкви до самой реки, по деревянному мосту перебрался на другую сторону. Здесь тоже раскинулся обширный парк, принадлежавший уездному начальнику и огороженный высоким глиняным дувалом.

Не слезая с коня, всадник постучал рукояткой камчи в тесовые ворота.

Затявкал пес, выглянула бородатая физиономия.

Холеный всадник сказал по-русски:

— Срочно нужен госпадын началных.

Дворник Емельян вызвал дежурного.

Гость повторил:

— Важный новость.

Спустя некоторое время его впустили. Мощеная аллея привела к большому каменному дому, стоявшему на возвышении. Отсюда, с широкой террасы, просматривался весь Старый город: скопление желто-серых глинобитных домиков среди высоких тополей. Между ними торчали башни минаретов.

Гостя встретил сам уездный начальник, подполковник Зайцев:

— А-а-а! Господин Карабек Асанов! Милости просим! Какими судьбами? Как поживает ваша уважаемая матушка госпожа Курманджан?

Согласно семейному преданию, Карабек был приемным сыном Курманджан. Рассказывают, что однажды она шла мимо одной из юрт своего айыла и увидела бешик (колыбель) с грудным младенцем. И от младенца, и от колыбели исходило едва видимое сияние. Это настолько потрясло мудрую, но суеверную женщину, что она упросила родителей отдать ребенка и Алымбек усыновил его. Карабек воспитывался наравне с родными сыновьями Курманджан. Он рано проявил склонность к учебе и был образованным человеком. Его сын Джамшидбек окончил гимназию в Петербурге, поступил в Казанский университет, но был отчислен с третьего курса «за вольнодумие». Карабек, как никто из сыновей Курманджан, воспринял ее убеждения о недопустимости пролития человеческой крови.

Беседующие остались наедине, разговор длился полчаса. После этого гость уехал, а подполковник тотчас отправил денщика в воинские казармы с приказом вызвать к нему всех офицеров.

Сообщение действительно оказалось чрезвычайной важности и не терпело отлагательства — требовалось действовать немедленно.

В этот момент явился военврач Воронков. Вид у него был недоумевающий. Он кратко рассказал о странном предостережении своего слуги.

— Так я и не мог добиться от него вразумительного объяснения. Может, Вы...

— Да, да, может, я объясню, — нетерпеливо прервал Зайцев. — В городе назрел бунт. Разбойники готовятся к резне сегодняшней ночью. Во имя Аллаха, как они говорят.

— О, господи! — воскликнул доктор. — Что же делать?

— И это говорите вы, военный врач?

— Но ведь их такая масса!.. Мы окружены со всех сторон.

— Не так страшен черт, как его малюют. — возразил уездный начальник. — Основная, как вы говорите, масса туземцев — «рабочая скотинка». Ей не до бунтов. А мутят воду всего несколько десятков фанатиков. Может быть, несколько сот. Мы их быстро переловим. На всякий случай приготовьте свои корпии. И чудодейственные мази.

Зайцев действовал решительно. Прежде всего он послал срочную телеграмму военному губернатору в Маргелан. Затем был поднят по тревоге четвертый туркестанский линейный батальон. Роты, сверкая штыками, вышли из казарм. Дежурная рота заняла все входы и выходы из Нового города. Все другие стояли в полной боевой готовности. На улицах патрулировали наряды полиции и караульные. Вооружили даже офицерскую прислугу. На Сулейман-гору для наблюдения за Старым городом была послана охотничья команда.

После этого Зайцев с усиленным конвоем выехал из резиденции по направлению к Тамчи-Булаку — именно этот адрес указал Карабек Асанов.

А через несколько минут из Старого города через Андижанские ворота вылетел всадник, поднял клубы пыли

и скрылся вдали. Он скакал в том же направлении — в Тамчи-Булак, только по короткой малоизвестной тропе.

Повстанцы

Селение Тамчи-Булак было расположено в 20 верстах от города, вблизи границы между Ошским и Маргеланским уездами. После полудня 17 мая 1898 г. на здешней небольшой площади собралось около 300 человек из Наукатской волости.

Люди были вооружены палками, ножами, самодельными пиками, кетменями.

Возбуждение толпы все время поддерживали несколько главарей — мюридов Дукчи-ишана. Верховодил некий Оморбек Алимов. Он взобрался на арбу, чтобы его лучше видели, и говорил с жаром:

— Знайте, братья: люди святого ишана сегодня в ночь нападут на орусов в Андижане и Маргелане. То же самое мы сделаем здесь, в Оше. Если собаки набросятся на волка со всех сторон, ему — конец. Пусть же еще до рассвета Азраил и самые черные шайтаны унесут души капыров в преисподнюю!

Толпа ответила одобрительным шумом. Во многих местах слышались гневные выкрики — многие из присутствующих на собственной шкуре убедились в несправедливости царских чиновников.

Но кое-где были и другие разговоры:

— Чего ты кричишь, Адыл? При хане ты платил девять раз по девять налогов: и за хворост, и за курай, и за переход через реку, и за соль, и за свадьбу, и за похороны, налог за наследство и за каждую перекочевку... А пришли оруссы — и за все это ты ничего не платишь.

— Но разве я не плачу за землю? За место на базаре? За судебное разбирательство... за любую жалобу?

— За что-нибудь да надо платить. Зато из того, что при Худояре отбирали зякетчи, половина остается тебе...

Эти речи услышал стоявший неподалеку мулла.

— Не принимайте милостей от шайтанов, — закричал он. — Этот человек проданся капырам! Бейте его, мусульмане!

Говорившего тотчас начали избивать соседи. Он закрывался руками и кричал:

— Неправда! Я верю в Аллаха и поклоняюсь ему! Бисмиллах! Аллах акбар!

Когда его оставили в покое, он долго потирал бока, рассматривая синяки и шишки, и горестно бормотал себе под нос:

— Этому мулле хорошо: он и Худояру ничего не платил, и орусам не платит... А каково мне, бедному дыйканину!...

Шум поутих. Оморбек Алимов продолжал:

— Когда мы захватим эти города, а также и Наманган, Фергана будет в наших руках! А затем поднимем весь народ, с помощью Аллаха возьмем Ташкент и Самарканд и выгоним всех орусов из нашего края!

Он выхватил дедовскую саблю и потряс ею в воздухе:

— Пришло время начинать газават!

— Газават! Священная война! — кричала толпа.

Солнце уже клонилось к вечеру, а повстанцы никаких действий не предпринимали. Иные спрашивали у предводителей:

— Чего ждем? Не пора ли начинать?

Оморбек Алимов отвечал:

— Должны подойти еще наши люди. Чем больше, тем лучше. Кроме того, пусть немного стемнеет. Мы нападём неожиданно, ночью.

Однако неожиданность пришла совсем с другой стороны. Солнце уже садилось, когда по единственной улице кишлака проскакал бешеным аллюром всадник и затормозил лишь у входа на площадь — здесь толпа было слишком плотной.

Конь, весь в пене, тяжело поводит боками. Всадника многие узнали: это был пятидесятник Сатыбай Раимбеков.

Он пробился к предводителю, облизнул пересохшие губы и сказал:

— Оморбек! Все пропало! Сейчас здесь будет сам уездный начальник с войском.

— Что ты болтаешь?! — закричал Алимов.

— Говорю тебе, я опередил их на собачий лай.

Притихшая, жадно слушавшая толпа сразу пришла в движение. Люди испуганно глядели друг на друга:

— Скверные дела! Надо бежать.

— У начальника солдаты с ружьями, казаки с саблями, а у нас? Только палки да старые ножи.

И уже пронесся над площадью чей-то панический крик:

— Спасайтесь, правоверные!

— Эй вы, трусы! — кричал Оморбек Алимов. — Чего испугались? Он сам идет к нам в руки! Проявите же доблесть во славу Аллаха!

Но толпа начала быстро растекаться.

— Ты обещал нам неожиданное нападение! А начальник все знает! Горе нашим семьям!

— Стой! Куда?! Подлые собаки, так-то вы боретесь за веру!

Люди не слушались, разбежались.

— Ему легко говорить: у него семья и пятьсот баранов далеко в горах упрятаны. А мне какво? Если меня убьют, дети погибнут с голоду. Ведь они кормятся моими трудами.

Последствия

В ту трагическую ночь с 17 на 18 мая повстанцам удалось совершить нападение на русский гарнизон лишь в Андижане.

Были жертвы с обеих сторон. Напрасные жертвы. Ибо восстание с самого начала было обречено на неудачу.

Трудовые массы, задавленные нуждой, разоряемые поборами, поддались на агитацию клерикально-феодалных

элементов и понесли основные потери, так как в решительный момент были преданы своими «вождями».

Итак, восстание было подавлено. Дукчи-ишан повешен. Жестокое наказание понесли и его ближайшие сподвижники. Но главный удар обрушился на «черную кость» — на букару. Властями по этому делу было привлечено 257 кыргызов, не считая представителей других национальностей. Решением военного суда в Оше было осуждено на смертную казнь 106 человек. Правда, боясь нового возмущения, всем им казнь заменили многолетней каторгой.

...И зазвенели кандалами осужденные. Дальняя дорога, страшная дорога в Сибирь.

Среди обреченных шагал и Токтогул Сатылганов — гордость кыргызского народа. Свободомыслие Токтогула, смелое разоблачение эксплуататоров вызвало их жгучую ненависть к поэту. Сыновья манапа Рыскулбека, давно — таившие злобу на непокорного певца, получили возможность в это смутное время расправиться с ним. По их доносу Токтогул был ложно обвинен как активный участник Андижанского восстания и приговорен к смертной казни через повешение. Казнь заменили ссылкой на 7 лет в Сибирь.

Вернувшись из ссылки, Токтогул многое понял. Он с презрением отверг оголтелый национализм реакционных феодально-клерикальных кругов. Он тепло вспоминал и благодарил в своих песнях русских друзей — Семена и Харитона, которые организовали ему побег с каторги, указали дорогу, помогли продуктами и деньгами.

Общение с русскими политзаключенными помогло Токтогулу понять многое. Не межнациональная рознь, но борьба против всяческих угнетателей должна стать целью борцов за правду:

Вижу: рядом казах,
Русский, кыргыз, узбек.
Вижу: стоят вокруг,

Несчастные, как и я.
Каждый мне брат и друг.
Узники, как и я.

В Царском Селе

Как-то осенью 1901 года в Царском Селе (двор как раз собрался переезжать в Петербург) состоялась беседа. Участниками ее были сам государь Николай II, его супруга-царица и несколько важных придворных чинов.

Царю докладывали о делах в Средней Азии. Попутно была отмечена большая роль «алайской царицы» Курманджан-датхи в пресечении мятежных настроений среди кочевников Алая. Вспомнили также утверждение генерал-лейтенанта Н. А. Королькова, исполнявшего дела туркестанского генерал-губернатора, что во время пресловутого Андижанского восстания три года назад лишь благодаря Курманджан в Оше сохранялась спокойная обстановка и предотвращены беспорядки в Оше и на Алае.

Выслушав, государь-император сделал глубокомысленное замечание:

— Иностранческую аристократию следует поощрять. Но что пожаловать сей горной княжне? Может быть, пятьсот рублей?

Он выжидательно посмотрел на супругу.

— Деньги — не памятный подарок, — возразила императрица. — К тому же княгиня, хоть и старуха, все-таки женщина. Подарим ей лучше перстень.

На том и остановились. Специальным решением от 1 декабря 1901 года Николай II пожаловал Курманджан ценный подарок.

Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. По прошествии некоторого времени кто-то из приближенных, более прочих знакомый с нравами Востока, подал другой совет:

— Перстень для них — слишком буднично. Нужен необычный дар. Тут главное — поразить императорским подарком воображение этих невежественных детей природы...

К совету прислушались. Были призваны лучшие мастера по части точной механики и ювелирного дела. В январе царский подарок со специальным фельдъегерем переслали туркестанскому генерал-губернатору, оттуда 29 января 1902 года — военному губернатору Ферганской области, а последний в сопровождении казачьей охраны направил его начальнику Ошского уезда с предписанием организовать торжественную церемонию вручения подарка Курманджан.

Ошский уездный начальник преисполнился сознанием собственной значимости. В сопровождении конной стражи он 15 февраля 1902 года отбыл в селение Мады, что в тринадцати верстах от г. Ош. Здесь в окружении многочисленных родственников доживала свои дни 90-летняя Курманджан.

В присутствии всех должностных лиц кыргызской администрации Алая, почетных аксакалов, под восторженный гомон огромной толпы сам начальник с глубоким поклоном вручил «царице» императорский дар: золотые дамские часы с изображением государственного герба империи с цепочкой и брешью, украшенные бриллиантами и розами.

Курманджан-датха разругалась от волнения. Она беспрестанно вытирала рукавом слезящиеся глаза и чуть слышно благодарила «ак-падыша» и уездного начальника за высочайшее внимание.

Члены рода жоош племени адыгене с чувством превосходства поглядывали на представителей других племен — а их было много в толпе. Еще бы! Кто из манапов, беков, родоправителей удостоился личного царского подарка?!

...А потом начался той, как в добрые старые времена, когда сама Курманджан не была еще такой старой... Даже самый несчастный бедняк, наевшись на три дня, уходя, получал две большие лепешки, между которыми повара щедро накладывали жирный плов и кусочек чучука.

КОНЧИНА

1 февраля 1907 года в селении Мады, что в тринадцати верстах от г. Ош умерла 96-летняя Курманджан-датха — «алайская царица».

Она лежала в своей любимой белой юрте на груде ватных одеял, устремив неподвижный взгляд в потолок. Слабые старческие пальцы беспокойно шевелились поверх одеяла, словно перебирали что-то... О чем думала она в эти последние часы?..

В просторной юрте было достаточно света и воздуха, однако грудь умирающей вздымалась тяжело, дыхание было прерывистым и хриплым.

У ее постели в благоговейном молчании стояло множество людей — часть ее многочисленного потомства. Даже самая большая юрта не смогла бы вместить всех внуков, правнуков и праправнуков датхи. Неподалеку от изголовья сидел дряхлый белобородый старик — ходжа Ибрагим, знаменитый ошский таиб, но что он мог поделать? Пришел конец срока, отпущенного датхе Аллахом в этой жизни.

Старший сын Мамытбек то осторожно приближался к ложу, горестно всматривался в лицо матери, то выходил отдать очередное распоряжение, встретить очередного родственника или уважаемого гостя. Слух о болезни датхи распространился по всему Алаю и Ошскому уезду.

Еще бы! Женщина, сама выбравшая себе мужа! Женщина, наследовавшая ему в управлении Алаем! Женщина-генерал! Получившая высокое звание из рук правоверного эмира Бухары, закрепленное за ней и кокандским Худоярханом! Ходил слух, что она и известная поэтесса, слагавшая

стихи под псевдонимом Зыйнат! Умирала «алайская царица» — основательница огромного клана.

Эта сухонькая крошечная старушка занимала сейчас умы и сердца огромной толпы. На обширном дворе у коновязи стоял не один десяток лошадей. Люди расположились группами и у всех в глазах тревога. Кое-где слышались всхлипывания, приглушенный женский плач. Она еще пока жива, но все понимали: надвигается страшное. Ведь датха никогда не болела и не пользовалась услугами табибов. А теперь...

...Тонкие бескровные губы зашевелились... Внук Мирзапаяз наклонился, стараясь уловить...

Бабка шептала чуть слышно:

— Халат... Камчи...

Внук догадался и сделал знак. Скоро принесли нарядный шелковый халат: он хранился в семье как реликвия. Когда-то его носил Камчибек, любимый сын датхи. В последний раз он надевал его 14 лет назад...

Теперь все догадывались, о чем думает датха в эти последние минуты.

Мирзапаяз уловил чуть слышное шевеление губ:

— Кадыр...

Тотчас к ложу подошел крепкий парень в простом темном халате. Лоб его страдальчески морщился: он с видимым усилием сдерживал слезы.

Бабка долго смотрела на него:

— Похож...

Парень сглотнул. Да, он похож на своего отца Камчибека...

Она задышала тяжело, выгнулась. И — затихла. Глаза ее, широко открытые, стали стекленеть. В них отражался Кадырбек, с рыданием припавший к ее руке.

Кто-то закричал:

— Бабушка умерла!

И горестные голоса повторили:

– Умерла... Умерла...

В обширном дворе начался великий плач. Скорбные восклицания потрясли, кажется, небеса. Это страшно, когда громко рыдает сразу тысяча человек...

Весть о ее смерти мгновенно разнеслась по округе. Отовсюду ехали конные, шли пешие. Мамытбек на правах хозяина, встречал наиболее почетных прибывающих. Перед входом в юрту в два ряда стояли внуки и правнуки покойной. И каждый раз по приезде нового гостя усиливались плач и скорбные причитания.

Явился из Гульчи и представитель администрации капитан Авров, старый друг Мамытбека. Добрался из Оша и торговец красным товаром на Ошском базаре Худан-хулы: на его дочери был женат четвертый сын датхи, Асанбек. Все смотрели на гостя с почтением и плохо скрытым любопытством. Еще бы! Ведь он, под именем Бель-бакчи-хана когда-то целых четырнадцать дней занимал Кокандский престол.

Покойница лежала не на полу (как это было принято), а на столе под парчовым покрывалом. Рядом с нею – подарки государя-императора, а также подношения восьми генерал-губернаторов, которых пережила датха, не говоря уж о бесчисленных дарах от уездных начальников и прочих чинов. Русская администрация вся без исключения с большим почтением относилась к Курманджан и во всех официальных бумагах именовала ее не иначе как «датха» – правительница.

И. П. Ювачев по рассказу очевидца капитана Аврова описывал события так:

«Покойницу вынесли в сад на площадку. В это время вывели верблюда с подарками для имама, который тут же совершил краткое моление. Затем носилки с покойницей поставили на арбу. Около нее поместился младший ее сын Асанбек, а старший, Мамытбек, следовал за нею верхом на лошади в сопровождении большой свиты родных

и знакомых. Похоронная процессия медленно направилась к городу Ош, где на главном кладбище Сары-Мазар приготовлена была могила для датхи, рядом с могилой казненного ее сына Камчибека... С каждым шагом процессия увеличивалась прибывающими со всех сторон... Впереди ехали внуки и громко причитали.

— Ты была зеркалом нашим! — выделяется голос одного из плачущих родственников.

Тут же ехал мулла и нараспев читал стихи из Корана, относящиеся к погребению.

При входе на кладбище арба остановилась. Носилки с покойной подхватили на руки. Впереди шел один из сыновей и разбрасывал серебряные монеты. Мамытбек сам залез в приготовленное место погребения и внимательно осмотрел его. После нового краткого моления покойницу опустили в могилу. Все присутствующие бросили по горсти земли, как это делается в России. Почетным лицам разносили землю в поле халата. Они брали ее в руки и снова бросали в халат. Затем всю эту землю сразу высыпали в могилу...»

И далее: «Еще долго потом приезжали кыргызы из дальних аулов в Мады выразить свое соболезнование детям усопшей».

А после нее осталось два сына, две дочери, тридцать один внук, пятьдесят семь правнуков и шесть праправнуков. И сохранилось еще два дивана — сборника стихов поэтессы Зыйнат. Может быть, в них слова и мысли великой дочери кыргызов из рода жапалак, обращенные к современникам и потомкам?

ПОТОМКИ

Наши краткие заметки о «царице Алая» закончим несколькими словами о потомках датхи.

Два ее внука — Джамшидбек Карабеков и Кадырбек Камчибеков стали участниками Великой Октябрьской революции, сражались на стороне трудового народа.

1920 год. Декретом Турк ЦИКА и РВС Туркфронта от 15 мая вводится военное обучение трудящихся (всеобщее) для отпора басмаческим шайкам, бесчинствовавшим тогда в Средней Азии. В Оше на площади Свободы уже в июне началось обучение первых групп, состоявших в основном из кыргызов. И среди них — Кадырбек Камчибеков и Джамшидбек Карабеков, внуки «алайской царицы», ставшие членами большевистской партии, преданными делу революции, доказавшими эту преданность всей своей жизнью.

1921 год, осень. Отряд добровольческой милиции под командованием Кадырбека Камчибекова разгромил банду курбаши Юлдаш-Палвана в урочище Бий-Мулла.

Немного времени спустя, в том же 1921 г. проведена операция красных войск против курбаши Джаныбека-казы. В ней также участвовал отряд Камчибекова. За боевые заслуги Кадырбек Камчибеков награжден именованным революционным оружием.

Январь 1922 года. Общее собрание большевиков Гульчинской волости посылает К. Камчибекова делегатом на IV Ошскую уездногородскую партконференцию. Весной 1922 года вновь активизировалась банда Муэтдина, считавшегося «ляшкарбаши» — «главнокомандующим» всеми

басмаческими шайками на территории Кыргызстана. Муэтдин творил неслыханные зверства. Вот лишь один из примеров:

«13 мая 1921 г. Муэтдин произвел нападение на продовольственный транспорт, шедший по Куршабо-Ошской дороге в город Ош...

Истребление мирных жителей проводилось с применением невероятных жестокостей: отрезались груди у женщин, вскрывались животы у беременных, разрубались дети на части, разбивались об колеса арб, устраивались скачки с разрыванием детей на части...».

Отряды Красной Армии в течение 1921–1922 гг. нанесли несколько ударов по банде Муэтдина, но изворотливый «ляшкарбаши» каждый раз уходил от окончательного разгрома. Неоднократно он начинал переговоры о добровольной сдаче, а сам тем временем пополнял свои формирования за счет других разгромленных шаек, совершал разбойные нападения на кишлаки, насильственно загонял дыйкан в свою банду под угрозой расправы с семьями. Наконец, командование Туркфронтом издало 5 июня 1922 г. приказ: разгромить противника, в переговоры не вступать.

В операции по уничтожению банды принял активнейшее участие и Гульчинский отряд добровольческой милиции под командованием К. Камчибекова.

Вот что пишет современный историк: «В целях конспирации, отряд Кадырбека выступил из Гульчи в сторону Оша. Пройдя перевал Чигирчик, отряд под покровом ночи резко повернул влево и по труднопроходимым тропам Амантау двинулся к месту назначения. Совершив необычайный по своей смелости переход через горные кручи и вечные снега, бойцы народной милиции оказались в тылу противника и заняли господствующие высоты над долиной Кичик-Алая. Это произошло настолько неожиданно для противника, что несколько застав басмачей оказались в тылу отряда и были очень быстро обезврежены.

Банда оказалась в кольце. Через две недели операция закончилась. Сам «ляшкарбаши» был взят в плен отрядом К. Камчибекова.»

1923 год. Гульчинский отряд добровольческой милиции под командованием Кадырбека Камчибекова громит банды Тохта-пансата, Курмат-минбаши и другие, скрывавшиеся в Алайской долине и окрестных горах.

1927 год. Ликвидация басмачей Джаныбека-казы и нескольких более мелких шаек.

После разгрома басмаческого движения К. Камчибеков, награжденный орденом Красного Знамени, активно включается в проведение преобразований в Кыргызстане.

1937 год. Жизнь его оборвалась в застенках НКВД.

Праправнук Курманджан — Муса Мирзапаязович Адышев стал крупным ученым-геологом. Институт геологии Академии наук Республики Кыргызстан носит его имя. В 1978 году он был избран президентом Академии наук Кыргызстана. 1 января В 1979 г. смерть настигла академика в возрасте шестидесяти трех лет.

Потомкам Курманджан не суждено было стать долгожителями.

НАУЧНОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Курманджан Датха, царица Алая...

Ее образ обрастает легендами и сентиментальными описаниями. Но документы вековой давности позволяют высветить поистине уникальное явление: женщина мусульманского мира — царица Алая и правитель обширного горного края, где издревле обитают кыргызы.

Курманджан родилась в 1811 году в айле Орок, расположенном недалеко от Оша, в его живописных окрестностях. В 18 лет ее выдали замуж по канонам мусульманства и традициям Востока. Но красавица Курманджан решилась оставить нелюбимого мужа и вернуться в родные места к отцу Маматбию. Такого никогда не бывало. Аксакалы, местные муллы и сородичи, осуждая ее поступок, не знали, что поделаться, ведь калым был давно уплачен.

И здесь вмешалась судьба.

В месяце тэке 1247 года хиджры (в июле 1831 года) через пыльный Ош проезжал хаким Андижанского вилайета знаменитый родоправитель южных кыргызов Алымбек из рода барчы племени адыгене. Он направлялся в Алай. Как полагается при решении запутанных дел, к хакиму привели Курманждан.

Она поклонилась и встала у входа.

— Ты и есть та самая непослушная Курманджан? — спросил хаким. Она еще раз учтиво поклонилась. Длинные косы скользнули на грудь.

Алымбек был покорен ее красотой и благородством. Она стала его женой, матерью детей, верным сподвижником и советчиком знаменитого датки, верховного визиря и фактического правителя Алая в Кокандском ханстве.

⁶ Том XV. В. М. Плоских

Летом 1862 года он стал жертвой очередного дворцового переворота. Но опытная и мудрая Курманджан не отдала власть в чужие руки, сохранила независимость Алая. Она сумела получить фирман — документ от бухарского эмира Музафара и кокандского хана Худояра, удостоверяющий законность наследственных прав и титула «датка».

Но мира и спокойствия не было в Коканде. Близилась агония ханства.

В 1875 г. народное движение кыргызов против кокандского господства достигло своего апогея.

Кыргызы при поддержке узбекского дехканства успешно занимали кишлаки и города Ферганы. Худояр-хан под защитой русского военного отряда бежал в российские пределы. Ханом был провозглашен его младший сын Насреддин. Появилась надежда, что восстание пойдет на убыль. Но оно, напротив, еще более усилилось. Повстанцы в противовес Насреддину провозгласили ханом Исхака Хасануулу, подняв его по традиционному обычаю на белом войлоке как Пулат-хана.

В 1876 г. генерал-губернатор Туркестана К. П. Кауфман приказывает М. Д. Скобелеву двинуться на Алай и разгромить бежавших туда сподвижников Пулат-хана, среди которых был сын Курманджан-датхи Абдуллабек. Для этой цели было сформировано несколько летучих отрядов под личным командованием Скобелева. Пришел на помощь русским войскам со своим отрядом джигитов и знаменитый батыр северных кыргызов Шабдан Джантаев.

Скобелев шел за последними повстанческими отрядами, не желавшими подчиняться России и выступавшими под лозунгами газавата. Возглавлял их после гибели предводителя повстанцев — самозванного Пулат-хана — старший сын Курманджан-датхи Абдуллабек. С ним были два его брата Маматбек и Хасанбек. В горах скрывалась и Курманджан. Вскоре удалось пленить алайскую царицу. Но в Гульчу, в ставку Скобелева ее проводили с поче-

том, придавая значение ее сану и влиянию на алайских кыргызов.

Предание гласит о том, что Курманджан Датку пригласили на прием к генерал-майору М. Д. Скобелеву, и она проехала на своем иноходце по ковровой дорожке до места, где стоял русский генерал. На вопрос: «Почему не пешком, как принято в таких случаях?» она ответила: «Я мать, а матери не к лицу ходить пешком при сыновьях!»

Генерал облачил ее в парадный парчовый халат и сказал:

— О, мать храбрых сыновей! Считаю и меня своим сыном.

Таково предание.

По рапорту генерала Скобелева туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман докладывал: «Алайская экспедиция окончена благополучно...»

Курманджан призвала сыновей возвратиться в родные кочевья и прекратить борьбу. Только один Абдуллабек не покорился. Ушел за кордон и по дороге в Мекку скончался. Туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман назначил ее сыновей волостными управителями Ошского уезда.

И с тех самых пор «царица Алая» навсегда связала свою судьбу с Россией. Со многими из представителей военной и гражданской администрации у нее сложились добрые отношения. Она вела переписку с военным губернатором Ферганской области, неоднократно обменивалась с ним подарками и фотографиями. Есть сведения, что ее сын Маматбек хранил целую пачку писем из этой переписки, но отыскать эти бесценные документы пока не удалось.

Настали мирные времена.

Курманджан-датха сохранила свое влияние на народ и власть на Алае. Она была в зените славы, пользовалась всеобщим уважением, ее называли «мать народа». Как «царицу Алая» ее знали в России и в соседних государствах.

О заслугах и авторитете Курманджан-датхи сообщает уникальный архивный документ — официальное подтверждение о награждении Золотой медалью на Андреевской ленте и ежегодной пожизненной пенсией в 300 рублей.

Из рапорта туркестанских властей от 1893 г.:

«...Курманджан Датха, Маматбиева, 82 лет от роду из рода япалак играла видную роль при бывших мусульманских правителях Ферганы и в те еще времена приобрела небывалое для женщины в Азии влияние среди киргизы нынешней Ферганской области, а затем, несмотря на превратности судьбы сумела сохранить это влияние до последних дней, справедливо пользуясь им по настоящее время.

Муж Курманджан Датки — Алымбек-парваначи последовательно был хакимом Оша и Андижана; во время же юности Худояр-хана — в звании наместника правил почти неограниченно всем ханством.

В дни славы и влияния своего мужа Курманджан Датха жила безвыездно в Гульче и от имени своего старшего сына Абдуллабека управляла всеми киргизами многоколенного рода утуз-огул, пока во время смуты и восстания кыпчачков муж ее, как говорят, по наущению самого Худояр-хана, не был умерщвлен в Коканде.

После восстановления относительного порядка в стране Худояр-хан, желая привлечь на свою сторону Курманджан Датху, а также ценя выдающиеся ее дарования по управлению киргизами и популярность, которою она пользовалась в народе, пожаловал ей чин датки (генерала) и, утвердив ее в звании правительницы всего алайского кочевого населения, старшего сына ее, Абдуллабека, назначил хакимом в Оше.

Пожалование столь высокого звания женщине, при свойственном мусульманам взгляде на них, составляет едва ли не единственный пример в истории мусульманских народов.

События 1875–1876 гг. и присоединение бывшего Кокандского ханства к империи застали Курманджан Датку в звании правительницы алайских киргиз.

Хорошо сознавая, что у киргиз нет шансов для успешной борьбы с русскими, она пыталась уговорить Абдуллабека подчиниться, но не преуспела в этом и откочевала к Улугчату, в нынешние китайские пределы...

По прибытии русских войск на Алай Курманджан Датха явилась в отряд и, обласканная бывшим военным губернатором области, покойным М. Д. Скобелевым, не только вернулась на жительство в Гульчу, но и вызвала в Россию сыновей своих, из коих Батырбек состоял на службе у Якуббека Бадаулета в Кашгаре, а Маматбек и Хасанбек находились в Кабуле.

Все они явились и в виду влияния, которое имела Курманджан Датха на туземное население, назначены были на должности волостных управителей.

Прекрасно понимая, что мирное развитие и благоденствие населения возможно только при полном подчинении правительству, Курманджан Датха употребила все свое влияние на поддержание спокойствия среди алайских киргиз, которые, несмотря на свойственную кочевникам склонность к удали и беспорядкам, только благодаря ее влиянию не принимали никакого участия в периодически появлявшихся толках и волнениях, охватывающих временами почти поголовно население Ферганы.

Почтенная деятельность Курманджан Датки высоко ценилась всеми туркестанскими генерал-губернаторами, которые при каждом посещении области награждали ее богатыми подарками, а покойный главный начальник края генерал-адъютант фон Кауфман в 1880 году исходатайствовал Высочайшее соизволение на пожалованье ей пожизненной пенсии в размере 300 руб. в год.

На старости лет Курманджан-датха была окружена всеобщим почитанием и славой. Но беда пришла неожиданно, и ранила царицу в самое сердце.

...Это произошло в 1893 году.

В пограничной полосе пропал объездчик и два стражника. Власти не на шутку встревожились. На розыск были обращены все силы, подняты войска, подкуплены осведомители. Надо было найти виновных и примерно наказать.

И случилось то, что случилось: ее любимого младшего сына Камчыбека, другого сына Маматбека, внуков Арстанбека, Мырзыпаяза и других, всего 20 человек, обвинили в контрабанде и убийстве таможенника.

Восьмидесятидвухлетняя Курманджан-датха бросилась спасать детей и внуков. Она поехала в Маргелан к военному губернатору Повало-Швыйковскому. Ничего не помогло. Следствие тянулось долго, почти два года.

Военный суд вынес сыновьям Курманджан Датки и их близким сподвижникам приговор: 9 человек — к смертной казни, среди них и младший сын Камчыбек; 6 человек — к ссылке на каторжные работы, в их числе ее сын Маматбек, внуки Арстанбек и Мырзыпаяз. 11 человек были оправданы.

Курманджан-датхе пришлось выдержать жестокое испытание. Никакие обращения к царским властям, никакие напоминания о заслугах, ни вмешательство власть имущих друзей не повлияли на исход дела. 3 марта 1895 года приговоренных к смертной казни вывели на площадь в старой части Оша.

На берегу своенравной реки Ак-Буры, на конной площади туземной части города собралась огромная толпа людей, пришедших посмотреть на казнь. Люди увидели Курманджан-датху, подъехавшую к месту казни. Лицо ее застыло, и взгляд был устремлен на сына. Ей хотелось броситься к нему, прижать к себе и молить о его прощении.

Но то было лишь мгновение, датка вспомнила о тех людях, доверивших ей свою жизнь и судьбу, о тех, которые, провожая ее на страшное событие, глазами выражали отчаянную решимость и готовность на все. Одного ее слова достаточно.

И тогда... Датха встрепенулась и подъехала к Камчыбеку. Узнав мать, сын выпрямился, в глазах блеснул огонь. Когда они встретились взглядами, мать спросила: «Помолился ли ты богу, сын мой?» Получив утвердительный ответ, добавила: «Не бойся, смотри прямо в лицо смерти. Подними голову, не роняй честь и достоинство своих предков. И прости меня... Не уберегла я тебя, сокол мой ясный». Слезы текли по изможденному лицу, глаза заволоклись сплошным туманом, в висках гулко стучало, отдаваясь тупой болью и невыносимым отчаянием в сердце.

Было 11 час. 10 мин. Настал момент казни. И тогда, собрав все силы, Курманджан-датха по установлениям предков и обычаям народа сдавленным голосом начала кошок — плач-причитание о гибели любимого сына. Люди в печали слушали и запоминали слова. Из толпы кричали: «Невиновен!» Но все уже было кончено.

Обезумевшая от горя мать бросилась вон из города, не различая, не ощущая ничего вокруг. Очувтившись в бескрайнем поле, дала волю своим слезам.

А в это время телега с телом казненного Камчыбека медленно катилась по дороге в Сар-Мазар...

Шестерым обвиняемым смертная казнь была заменена ссылкой на каторжные работы: сыну Маматбеку казнь заменена ссылкой в Сибирь. Остальным подсудимым, приговоренным к каторжным работам, наказание заменено также ссылкой в Сибирь и отдачей в арестантские роты. В их числе были Мырзыпаяз и Арстанбек.

Сломленная горем Курманджан-датха удалилась в небольшой кыштак на Алае и там оплакивала горькую судьбу своих детей.

* * *

Образованная и одаренная многими талантами Курманджан сочиняла стихи и, как стало известно недавно, подписывала их именем Зыйнат.

Современники высоко ценили их совершенство и ставили в один ряд с творчеством Надиры, Дильшот, Махзуры — известных узбекских поэтесс. Она сочиняла на родном кыргызском языке, на тюрки и фарси. Сохранилась лишь малая часть ее поэтического наследия.

Верится, что еще можно восстановить затерянное. В народной памяти остались поэтические строки из айтышей — состязания поэтов, в которых участвовала Курманджан. Газели Зыйнат, изданные в Узбекистане, ждут своей реконструкции на кыргызском языке.

Изучение поэзии Курманджан-Зыйнат только начато, но уже в первых публикациях исследователей речь идет о ее поэтическом таланте.

* * *

Современники и потомки сегодня почитают своим человеческим и гражданским долгом отдать дань памяти Курманджан-датхе, царице Алая, матери кыргызского народа.

Да святится ее великое имя в веках!

Владимир Плоских

Поэтическое творчество Курманджан

В кругу родственников и потомков Курманджан, в народной памяти сохранились поэтические творения алайской царицы. Помнили о ее участии в поэтических состязаниях — айтышах с известными акынами Ферганской долины, воспроизводили потрясающий по силе духа и трагизма ее

кошок — плач о гибели младшего сына Камчыбека, рассказывали, что она писала газели в традициях Востока.

В последней трети XIX века поэтическая культура Ферганского региона была исключительно высокой. Среди многих поэтов выделились имена женщин Надиры Бегим, Самар Бану, прославивших себя поэтическим творчеством. С ними поддерживала дружеские отношения Курманджан, и сама пользовалась авторитетом в кругу поэтесс Кокандского ханства.

Это подтвердили исследования узбекских ученых в конце 60-х — начале 70-х годов, обнаруживших рукописный сборник стихотворений поэтессы по имени Зыйнат. Вскоре стало очевидно, что это поэтический тахаллус (псевдоним) Курманджан. Не случайно в архивном каталоге «Женщины-поэтессы Кокандского ханства», хранящимся в Казани, указано, что Зыйнат имела звание генерала — «датка». Зыйнат в переводе с фарси означает «Красавица».

Стихотворения, преимущественно газели, составившие диван Зыйнат, написаны на фарси. По традиции фарси был одним из литературных языков Центральноазиатского региона, и Курманджан, общаясь с известными в Коканде поэтами, владела им. Этому способствовала и культурная жизнь Оша. Там в середине XIX века муж Курманджан Алымбек, верховный визирь при ханах Коканда, построил медресе по образцу бухарской архитектуры, соперничающее с ханским медресе в Коканде. В этом крупном теологическом заведении наряду с арабским использовался и фарси — язык древних рукописей и книг Востока.

Две плодотворные традиции поэтического творчества вдохновляли Курманджан — богатейшее устное словесное искусство кыргызского народа и поэзия Востока. Сочетая эти традиции, она выделялась своей творческой оригинальностью среди круга современных ей письменных поэтов и народных акынов.

Один из исследователей поэтического творчества Курманджан – узбекский литературовед Р. Таджибаев приводит интересные сведения о поэтическом состязании Курманджан Датки с узбекскими и кыргызскими певцами на свадьбах, устроенных Худоярханом и Уразалибаем в Коканде. Занимателен такой эпизод. Появление Курманджан на свадьбе Уразалибая вызывает радость у присутствующих. От нее ждут приветственного слова.

В жанре «мактоо» – восхваления она обращается к Уразалибаю: «Будь у меня беркут на руке, будь у меня верблюд на привязи, не было бы утешения. Но был бы моей опорой такой богатырь, как Вы, – в сердце не было бы грусти».

Восхищенный Уразалибай ответил: «Открылась тайна, милая Курманджан, потерял я покой, увидев Вас. Да бережет Аллах Вашу красу!»

Состязание началось, и все новые и новые певцы выступали перед собравшимися. Среди них был и знаменитый рапсод Узбекистана Молдо Тойчу, чьи песни в 1905 году были записаны на грампластинку. Тот самый Молдо Тойчу, в поэтическом состязании с которым принял участие юный Токтогул.

Молдо Тойчу воспел красоту Курманджан.

Добро пожаловать, Курманджан!
Облаченная в красную накидку
С яркими бусами в несколько рядов.
Повязавшаяся поясом,
Украшенным монетами,
Искусно прошитым золотыми
И серебряными нитями.
В косы, ниспадающие с плеч,
Искусно вплетены монеты.
На золотистом скакуне,
Рукоять камчи золотая,
Седло с отделкой из золота

И хоросанских камней,
Сама в кашемирской шали,
И глаза, горящие, как звезды.
Добро пожаловать к нам, Куртанджан!

Таков портрет царицы Курманджан и отношение к ней ее именитых современников.

До наших дней дошли фрагменты из поэтических состязаний, в которых участвовала Курманджан. Они свидетельствуют о ее поэтическом даровании и личном обаянии.

Поэтическое наследие Курманджан нуждается в разысканиях и реконструкции. Диван стихов Зыйнат на фарси, несомненно, заслуживает перевода на кыргызский язык.

В истории кыргызской поэзии стихотворные произведения Курманджан–Зыйнат — незаурядное явление, составная часть богатой поэтической культуры кыргызского народа.

Сатыбалды Мамытов

Не восьмая ли звезда в ковше Большой Медведицы...¹

Рассказывает Шермат Салибай уулу, прямой потомок царицы Курманджан. Предание гласит, что юную Курманджан засватали по обычаю и увезли из Гульчи в Кашгарю. Она тосковала вдали от родных мест в чужом для нее окружении. Тогда она сочинила арман — поэтическую жалобу на свою судьбу.

Солнце выйдет — зной такой,
Что нет под ивой тени.
И весеннею порой

¹ Стихи в переводе проф. М. А. Рудова

Нет в саду цветенья.
 Не восьмая ли звезда
 Среди семизвездья я?
 Горемыка Курманджан
 Разве муж тебе ровня?

Не прошло и года, когда Курманджан решилась на отчаянно смелый для женщины поступок: избавиться от нелюбимого и вернуться на родину. Тайно ночью, оседлав резвого скакуна, она направилась по горным тропам из Кашгарии в Алай. Тоскуя по родному Жапалаку, где провела детство и юность, она сложила стихи:

Сорока летит в Кары-Ой,
 Жапалак представляю родной.
 Летит куропатка в Кен-Ой,
 Жапалака простор предо мной.
 В грусти я по тебе, Жапалак,
 И тоску не развеять никак.
 Хоть бы каши «кёчо» пригубить,
 Грусть развеялась бы, может быть

Возвращение на родину круто изменило судьбу юной Курманджан.

Состязание (айтыш) Курманджан и акына Амирбека

Курманджан: Имя мое — Курманджан, должен знать.
 Плетку с земли мою надо поднять.
 Будешь достойным, доверья заслужишь.
 Шапку при мне полагается снять.

Амирбек: О свадьбе прослышав, приехал незван
 На этом гнедом длинношеем коне.
 Здесь нет никого, кто знаком был бы мне.
 Приехал, Бог мой, ради Вас, Курманджан.

Куртанджан: Думаю я, что акын предо мной,
И в состязанье вступаю с тобой.
Рвешься вперед, как скакун Алымбека,
Не уступлю, как скакун мой лихой.

Амирбек: Курман, Курманджан — это имя твержу.
И сердце трепещет, я словно в жару.
Щедротам безмерным воздам похвалу,
О том, что всегда верна делу, скажу.

**Плач (кошок) царицы Курманджан
в час казни младшего сына Камчыбека**

Сокол мой, сынок Камчыбек,
Покидаешь ты бранный мир,
Оставляешь неверный мир,
Сеть расставил жестокий век,
Захлестнули тебя петлей,
Расстается душа с тобой.
Я скрутила горе свое,
Чтоб народ от беды сберечь,
В сердце скрыла горе свое,
Чтоб народ в беду не вовлечь.
Ты главы своей не склонил,
Честь джигита ты защитил.
Как в куреше, по пояс гол,
Смерть презревши, в расцвете сил
Ты на схватку без страха шел.
На страданье обречена,
Я рыданье сдержать должна,
Не моргнув, не сомкнув ресниц.
Враг коварен, меня сломить,
Как иглой, мое сердце пронзить
Перед казнью задумал так.
Не дождется злорадный враг!
Смерть оплакивая твою,

Я в одежде белой стою.
Оправдал ты мое молоко!
Перед смертью, в муках теперь.
Завела судьба далеко,
Завела в тупики потерь.
Смерть без страха встречай,
не робей,
Как во тьме, понурый не стой!
Ведь петля на шее твоей
И меня обвила змеей.
Я не в силах спасти тебя,
От судьбы увести тебя,
И молясь, ладони скрестив,
Не дано мне тебя спасти.
Я поднять народ не вольна,
Защитить народ я должна,
Много бед принесет война,
И тебя не спасет она.
Разжигать не надо огня!
Боль твоя терзает меня.
Не настал восстанья черед.
Я возьму на себя одна
Тяжесть, легшую на народ.
Жертва эта принесена!
«У кыргызов баба – датка,
У них правит она пока», –
Унижали меня враги.
Словно море, плещется горе,
Жизнь твоя хоть и коротка,
Честь свою ты сам береги.
Сын мой верный,
прощай, прости.
Ты шейит на святом пути!

Из дивана стихов Зыйнат

Конь на просторе
и всадник с луком в руке,
И ковер из цветов ароматных
рядом с нами и вдалеке.
Нам прекрасная мальва,
и алый тюльпан,
и душистая мята-райхон
Посылают с улыбкой
свой ласковый
нежный поклон

За началом — продолжение

Курманджан поражала своих современников девичьей красотой, благородством жены и матери, государственной мудростью, дальновидностью в установлении отношений с Россией. Она олицетворяла лучшие черты, присущие кыргызскому народу. Те, кто встречался с ней и оставил письменные свидетельства встреч, восхищались ею.

Об «алайской царице» написаны художественные произведения: «Келкел» (в русском издании — «За тучей белеет гора») Толёгона Касымбекова, роман в стихах «Курманджан» Сооронбая Джусуева, повесть Амана Газиева «Курманджан-датха — некоронованная царица Алая», рассказы и стихи. Жизнь и деятельность ее столь протяжены, многоплановы и значительны, что еще не раз будут о ней писать и в научных сочинениях, и в остросюжетных произведениях, ставить документальные и художественные фильмы.

Недавно открылась еще одна сторона ее многогранных интересов и деятельности. Она жила в мире поэзии —

народной кыргызской и традиционной восточной, дышала воздухом богатейшей поэтической культуры региона. Дошла до нас — по причине небрежения и недальновидности — лишь малая часть ее наследия. Это яркая страница кыргызской поэзии XIX века.

Публикации в этом издании пусть послужат призывом к разысканию и обнародованию поэтического творчества Курманджан-датхи, славной дочери кыргызского народа.

Михаил Рудов

ПУЛАТ-ХАН

**Исхак молдо Хасан уулу.
1844—1876**

***Историческая
повесть***

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предводитель повстанцев против гнета Кокандского ханства, кыргыз из рода бостон, родившийся в семье мудариса, Исхак принял имя внука кокандского хана Алим-хана и под именем Пулат-хан возглавил народное движение в 1873—1876 г. В октябре 1875 г. повстанцы овладели Кокандом, но когда российские войска вошли в ханство на помощь бежавшему хану, Пулат-хан объявляет газават (войну с «неверными»), но терпит поражение. Русские войска под руководством полковника М. Д. Скобелева разбивают повстанцев. Кокандское ханство присоединяется к России. Сподвижники раненого Пулат-хана предают своего вождя и передают в руки Скобелева.

1 марта 1876 г. мулла Исхак Хасан уулу был повешен, как самозванный хан, по приговору военного суда в г. Маргелан.

В памяти кыргызского народа остался как выдающийся борец против иноземного ига.

Плоских В.

НОЧЬ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

На Коканд опустилась ненастная и холодная, с дождем и ветром, воровская ночь.

Но в ханском дворце — уютная тишина. Тускло горят светильники в многочисленных дворцовых переходах. Дремлют, опершись на парадные пики, часовые. Спят дворцовые слуги. Спит гарем. Тихо похрапывает в своей опочивальне сам властелин Алим-Бахадур-хан. Лишь ветер злобно воет за стеной да с размаха швыряет капли дождя в витражи стрельчатых окон...

Неслышно ступают сафьяновые сапоги по мягким коврам. Встрепенувшиеся часовые не успевают задать вопрос — без звука падают, пронзенные кинжалами. Двери ханской опочивальни раскрываются, шум короткой борьбы, сдавленный крик, перешедший в хрипенье... И снова тишина.

...Глубоко за полночь любимая жена Алим-хана красавица Мамлакат проснулась от чьего-то прикосновения. Она узнала своего евнуха.

— Вставай, хатун, беда!

Еще объятая сном, она села на постели и привычно спросила:

— А где мой сын?

— Тише! Мальчика уже собирают. Одевайся: вот плащ, вот чачван...

Жирное доброе лицо евнуха кривилось, растягивалось, сжималось... Или это светильник бросает такие тени? Но его глаза полны ужаса.

— О, Аллах! Ты, пугаешь меня, Афдал.

— Быстро! Быстро! Если хотите спасти сына. Я слышу, сюда уже идут.

Мамлакат лихорадочно натягивала шаровары прямо на ночную рубашку. Потом — какие-то поношенные тряпки, старый чачван и такой же старый плащ; руки ее дрожали и евнух помогал ей. Она знала: он был предан ей и телом и душой. Она больше не спрашивала о причине беспокойства: в ханском дворце ночные убийства, бесследно исчезнувшие люди — обычное дело...

— Но где мой сын?

— Вот он...

Встрепанная служанка с расширенными от испуга глазами ввела в опочивальню хорошенькую девочку; девочка зевнула и захныкала голосом ее сына...

— Я спать хочу... Зачем меня так одели? Мама, куда мы идем?

Евнух тем временем схватил со столика шкатулку с драгоценностями и бросил ее в мешок, сгреб несколько дорогих одежд... Далеко в переходах послышался невнятный шум, потом громкий крик... Евнух кинулся к двери с легкостью юноши.

— Скорее, скорее! Промедление будет стоить жизни! Нет, не сюда... Мы выйдем через другие двери... Опустите чачваны... Закройте лицо, ханзаде, прошу вас!

Евнух, две женщины и девочка бежали узкими переходами. Навстречу им бежали другие. В раскрытых дверях многочисленных комнат метались тени испуганных обитательниц гарема. Повсюду раздавались встревоженные голоса, кто-то истерически рыдал. От движения одежд язычки светильников изгибались, гасли.

Вот и заветные двери — они вели в хозяйственный двор; его окаймляли помещения для прислуги, амбары с припасами, обширное строение ханской кухни. Здесь еще было тихо. Лишь несколько поварят под навесом при свете факела чистили овощи и рубили мясо для утренней

трапезы хана и его придворных: во дворе вставали рано, вместе с утренним азаном — призывом к первой молитве.

В это время вся урда уже светилась огнями, оттуда доносились громкие крики, лязг оружия, топот и ржание лошадей. Мамлакат еле выговорила дрожащими губами:

— Что же случилось, Афдал?

Евнух тихим шопотом отвечал на ходу:

— Убили светлейшего повелителя... Теперь он охотится за наследником трона, вашим сыном...

— Кто он?

— Потом, потом! Надо спешить...

В стене были ворота: через них обычно доставлялись припасы в ханский дворец. Сейчас они были на запорах. У маленькой, также запертой, калитки обычно дремал стражник; теперь он стоял, вытянув шею; в темноте блеснули белки его глаз.

— Это ты, Юнус?

— Ходжа Афдал! — стражник узнал евнуха и продолжал встревоженным голосом, — я вижу в урде огни... Какой-то шум... Что произошло?

— Не наше с тобой это дело, Юнус. Пусть в этом разбираются великие, а мы будем выполнять наши маленькие дела. Открой калитку: видишь, мы спешим на базар.

— Какой базар ночью? — изумился часовой.

— Разве ты не слышал о нраве третьей жены пресветлого хана? Наш повелитель подарил ей вчера ночью несколько тилла. А сегодняшней ночью ей вздумалось купить на них аравийские благовония. И вот она подняла служанок ни свет ни заря и отправила на базар, а мне велела сопровождать их. Ничего, пока мы доберемся до базарной площади, будет уже утро.

Стражник отпирал калитку и бормотал:

— Ай-яй-яй, что за женщина! Ты бы лучше посоветовал ей приобрести не благовония, а хороший нрав.

— Хороший нрав не купишь на базаре. Да и за такой совет можно угодить под плети. Постерегись говорить плохое о стоящих над нами.

— Разве я сказал плохое? Я пошутил! — встревожился стражник.

— Я тоже пошутил. Чего ты копаешься? Нам ведь надо поспеть назад ко второму намазу. Так и быть, Юнус, буду возвращаться — принесу тебе насваю.

Юнус наконец-то справился с замком и четыре фигуры выскользнули наружу.

Справа от дороги, прямо от зубчатых стен урды, начался знаменитый ханский виноградник площадью во много танапов. Здесь произрастали самые сладкие сорта. Иноземцы, попадавшие в Коканд, спешили полюбоваться этим виноградником — слава о нем давно перешагнула городские пределы.

Евнух повел спутников не по дороге, а через этот виноградник. И правильно сделал: скоро они увидели огни там, где оставалась калитка; потом раскрылись ворота и вереница скачущих факелов устремилаь по дороге... Глухо и дробно застучали копыта.

Беглецы уходили все дальше и дальше. Миновав виноградник, свернули на узкую улочку, потом долго пробирались по ночному городу извилистыми переулками, где даже арба не могла бы проехать. Когда же совсем рассвело, евнух привел их к домику; за высоким дувалом прятался небольшой густой сад. Евнух трижды постучал в калитку.

— Здесь живет мой племянник Якуб. Он все сделает.

...Когда открылись городские ворота, из города выехала двухколесная крытая повозка. Возница, молодой парень, усиленно погонял лошадь. В арбе, невидимые глазу посторонних, сидели беглецы.

Достигнув развилки, возница почтительно спросил:

— Куда же теперь?

— В горы, в Каратегин, — был ответ.

...Так в трагическую ночь 1809 г. бежала из Коканда жена тогдашнего правителя знаменитого Алим-хана; она спасла от неизбежной смерти своего малолетнего сына, наследника престола ханзаде Аталык-Ибрагим-бека.

Алим-хан был зарезан ночью в своих покоях родным братом и его подручными. Убийца, Омор-хан, повелел уничтожить всех своих племянников, дабы между ним и кокандским престолом не оставалось никаких препятствий.

Через двенадцать лет Омор-хан лишился жизни точно таким же образом...

ЗАГАДОЧНАЯ ДЕПУТАЦИЯ (через 63 года)

Ранней осенью 1872 г. в одном из пригородов Самарканда по пыльной улице ехала небольшая группа богато одетых всадников-кыргызов. Самарканд в то время был уже под властью российского императора, однако в жизни местного населения мало что изменилось: тот же многовековой уклад, те же халаты и чалмы; так же высились минареты в гуще по-осеннему расцвеченных садов.

Всадникам встретился водонос, приветствовавший их вежливым поклоном. Ехавший впереди дородный старик в парчовом халате бросил ему серебряную таньгу:

— Укажи-ка нам путь к мечети Ходжа-Ахрар.

— С радостью и повиновением, — весело оскалил белые зубы водонос.

— Она вон за этим садом. Пусть глянут почтенные: отсюда виден ее минарет.

Говор у него был какой-то странный, непривычный для слуха.

У ограды мечети всадники спешили. У вышедшего служки спросили:

— Здесь ли живет некий молдо Пулат-бек, наставник при медресе?

— А зачем он вам? — в свой черед спросил служитель.

— Вопрос задал первым я, — надменно сказал седобородый всадник. — И тебе надлежит ответить.

Служитель и ответил — спокойно, рассудительно:

— Если человека спрашивают, живет ли он здесь, человек вправе поинтересоваться: кем задан вопрос и почему?

Седобородый сказал недоверчиво:

— Значит, вы и есть Пулат-бек?

— Я и есть.

— Почтенный! По одежде мы приняли вас за простого служку. Еще раз простите. Я — Шир-датха, родопрavitель племени найман. Со мной Сулайман-удайчи и Муса-бек из племени куткул-сеит.

И всадники в дорогих халатах поклонились человеку, на котором был старый, но аккуратно заштопанный и чисто выстиранный халат.

— Я всего лишь наставник, а не имам, и кланяться мне не надо. Входите. Эй, сестра! К нам гости.

Он провел неожиданных гостей в небольшую комнату, попросил извинения и вышел. Через несколько минут вошла женщина с закрытым лицом — по обычаю узбеков, расстелила достархан, положила стопку лепешек, расставила щербатые пиалы. Хозяин же вместо ожидаемых чайников внес нечто такое, отчего у гостей глаза полезли на лоб. Это «нечто» было медноблестящим как кумган, но большим и пузатым; по бокам его торчали две ручки, впереди — подобие орлиного клюва, а сверху выступала короткая труба, над которой дрожал раскаленный воздух. Видя изумление гостей, хозяин пояснил:

— Это русский чайник, мне его подарил друг. Называется «самовар».

Он поставил пиалы под орлиный клюв, повернул что-то сверху — из клюва полился кипяток.

— Очень удобно в хозяйстве, — продолжал Молдо-Пулат. — Совсем мало дров нужно и долго сохраняется тепло.

Гости молча пили, приходя в себя, с опаской поглядывали на самовар — тот пищал по-особому, будто пел протяжную песню.

Сластей — халвы, засахаренных фруктов, изюма — почему-то не подавали, видно, от бедности. Но рядом

с самоваром стояла пиала (тоже щербатая), полная густой полупрозрачной жидкости абрикосового цвета. Пулат-бек усиленно приглашал отведать из нее, но гости только благодарили. Тогда хозяин взял деревянную лопатку, зачерпнул тягучей жидкости, щедро намазал на лепешку. Но комнате поплыл приятный аромат.

Пришлось попробовать. Кушанье оказалось необыкновенно сладким — куда слаще сахара или халвы. На любознательные вопросы хозяин ответил:

— Это мне тоже подарил все тот же орус. А лакомство называется «мед». Его делают особые цветочные мухи.

Гости вторично разинули рты. Поистине, этот Молдо-Пулат способен удивлять!

— Ничего удивительного, — пояснил хозяин. — Орусы давно разводят цветочных мух, как мы — баранов. Эти мухи с начала весны и все лето собирают с цветов сладкие капли и складывают в маленькие домики, которые построил им хозяин. А осенью хозяин забирает у них половину, как плату за жилье.

Гости крутили головами: мир полон чудес!

Они украдкой оглядывали маленькую комнатку, похожую на келью дервиша-монаха. Долгий путь с гор Чаткала проделан был сюда ради вот этого человека, выглядевшего таким бедным, ничтожным...

За чаепитием велись пустые обязательные разговоры о здоровье семьи, скота, о торговле и т. д. Пулат-молдо отвечал коротко и вполне откровенно: семьи у него нет, живет он с сестрой и ее мужем, землей и скотом не владеет, добротных подаяний учеников медресе ему вполне хватает на пропитание; у него есть книги; ни в чем другом он не нуждается.

— Я вижу, вы не из тех, кто без всякого дела разъезжает по стране. Пусть скажут почтенные гости о цели их приезда.

Гости переглянулись. Шир-датха откашлялся:

— Вы правы. Мы не из бездельников. Тронуться в путь нас заставила крайняя нужда. Нет-нет, не в золоте и серебре наш интерес. Мы приехали, надеясь приобрести то, что дороже всех драгоценностей. Знает ли почтенный хозяин, что творится в ханстве?

— А что может твориться в ханстве? Хан царствует, подданные вносят подати...

— Все так, но это только половина истины. А вот другая половина: Худояр-хан сошел с пути справедливости на кривую дорогу неправды. Жадность его не знает предела. Он преступил шариат и нарушил законы, установленные Аллахом. Знаете ли вы, что хан увеличил зякет втрое?

Хозяин отрицательно покачал головой.

— Теперь у кочевников вместо одного барана забирают трех; вместо одной сороковой части имущества забирают одну двадцатую и даже одну десятую часть! Скотоводы стонут! Стонут и земледельцы: человек не может шагу ступить, чтобы с него не потребовали новую подать!

Вмешался Сулайман-удайчи:

— Кочевник не может спуститься с гор и пригнать баранов на продажу, потому что везде его ждут ловушки: за прогон скота по дороге — подать; за проезд через реку — подать; за место на базаре — подать, и если я продал баранов, то плачу подать в полтаньга с головы; с рогатого скота — целую таньга, с лошади — даже две таньга... Что же остается продающему?

— Даже за колючки, за курай, за кизяк, собираемый для топлива, мы платим подать. А кизяк-то — от нашего же скота... А уж если человек привез на продажу арбу хвороста, у него тут же забирают половину в пользу хана, и хан продает его через своего сборщика.

— Если охотник привез на базар пару диких уток или гусей, каждую вторую птицу забирает хан...

— Он дошел до такой низости, что даже с имамов за назначение в мечеть собирает по пять таньга...

— И этого ему мало! Если хан узнает, что в каком-то семействе собрались на обрезание или на свадьбу, он посылает туда своих музыкантов и требует для каждого по халату и по пять таньга, которые потом забирает себе.

— А еще у хана есть несколько ученых медведей, волков и собак, которых он посылает вместе с шутами на базар для развлечения продающих и покупающих. И все — кто смотрит и кто не смотрит — должны платить ему по два чека¹ и эти деньги хан употребляет на расходы по своей кухне...

— А земледельцы? Подати за зерно, овощи, бахчи и сады превзошли всякую меру! Многие разорились и теперь дороги полны обнищавших дыйкан; одни просят милостыню, другие — разбойничают...

— Худояр даже из блохи готов жир вытопить! — уже кричали гости все разом. — Народ не может больше терпеть! И камень лопнет, если раскалить его!

— Чего же вы хотите от меня? — тихо спросил Пулат-бек.

Гости опомнились. Шир-датха сделал знак остальным молчать:

— Почтенный, высокоученый хозяин видит теперь: нынешний хан довел правоверных до полного разорения. Он — посланник шайтана, злой джинн, сидящий на наших шеях. Он идет против шариата, значит, против Аллаха. Такого хана больше терпеть нельзя.

— Но я-то что могу? — сказал Пулат-бек.

Шир-датха начал вкрадчиво:

— Мы приехали к вам потому, что Аллах отметил вас особой печатью...

Нетерпеливый Сулайман-удайчи перебил:

¹ Одна копейка серебром.

— От знающих людей мы слышали: вы — единственный, кто имеет законные права на ханский трон. Так ли это?

Пулат ответил уклончиво:

— Что же вы хотите?

— А вы не догадываетесь?

— Догадываюсь... Вы решили поднять бунт, свергнуть Худояр-хана и поднять на белой кошме другого... И этим другим должен стать я...

— Истинно! — хором воскликнули гости. А Шир-датха добавил:

— Нас выбрал народ посланцами к вам, блистательный.

— Я бедный человек, — сказал Пулат. — И совсем не знаком с жизнью. Сказано: не плыви по реке, если не знаешь ее водопады и водовороты. Всю жизнь я провел среди книг — единственных друзей. Я — маленький человек и не гожусь на такую высокую должность.

Посланцы иного и не ожидали: всякий уважающий себя стал бы поначалу отказываться из приличия. И гости принялись горячо убеждать. Говорить они умели: недаром кыргызские родоправители избрали их посланцами.

— Посмотрите на несчастный народ!

— Прислушайтесь к его стонам!

— Сам Аллах благословит вас на праведное дело!

...Но оставим гостей на попечение хозяина и расскажем предысторию этого визита...

* * *

Тогда, в 1809 г., шах Каратегина радушно принял беглецов. Он определил содержание вдове, наградил слуг за верность и усердие, и маленького Ибрагима взял на воспитание.

Когда Ибрагим подрос, шах женил его на своей дочери и отправил на службу к эмиру Бухарскому в Самарканд.

В 1842 г. был зарезан в своем дворце-урде очередной кокандский хан — Мадали. Вот тут-то и выступил Ибрагим

в роли претендента на престол — наконец-то шах Каратегина и эмир Бухары дождались своего часа. Но, видно, изгнанник родился под несчастливой звездой. В первом же столкновении он попал в плен к другому претенденту на престол — Шералы, которого поддерживали могущественные кыргызские родоправители. Несчастный пленник был убит.

После его смерти жена и дети (сын и дочь) остались в Самарканде без всяких средств. Прежний шах-отец к тому времени умер насильственной смертью, а его преемник вообще не собирался помогать дочери и внукам того, убийство которого он организовал. Вдова неудачника-принца тоже больше не интересовала эмира Бухарского.

Несчастливая царская семья влачила жалкое существование на подавляя прихожан самаркандской пригородной мечети Ходжа-Ахрар. Так продолжалось некоторое время. Умерла и вдова.

Мутаваллий (попечитель) мечети давно уже присматривался к дочери вдовы: девушка-подросток походила на нераспустившийся бутон. Повзрослев, она превратилась в розу, смущающую умы. Но мутаваллия останавливало слишком высокое происхождение девушки. Тогда он заложил свое имущество, полученные золотые тилла сложил в пояс и отправился в Бухару к трону властелина.

Тогдашний эмир принял дары и выслушал просителя. Мутаваллий яркими красками расписал беспросветную нужду царских сирот и просил только об одном: позволить ему заботиться о них.

Эмир сначала кривился и морщился, но, услышав о просьбе, сразу повеселел:

— А в брачном ли возрасте эта девушка? Да? Так женись на ней и дело с концом!

Мутаваллий горячо поблагодарил, но добавил осторожно:

— Спешу донести до слуха повелителя: девушка для меня, ничтожного, слишком знатного рода. Может не согласиться.

Эмиру не терпелось свалить с плеч эту обузу. Он обратился к главному писцу:

— Повелеваю: упомянутую девицу выдать замуж за этого достойного мутаваллия. Напиши фирман и приложи печать — дело государственное!

Таким-то образом внучка Алим-хана Кокандского стала женой обыкновенного попечителя мечети. Мутаваллий, обретя желаемое, обнаружил, что его высокородная супруга ни в чем не отличалась от обыкновенной смертной женщины.

— За что же я заплатил такие деньги? — горестно вопрошал он.

Его шурин по имени Пулат оказался очень способным юношей, склонным к наукам. При мечети Ходжа-Ахрар находилось маленькое медресе с двумя десятками учеников. Юный Пулат прислуживал в нем с самого детства; и по прошествии нескольких лет выяснилось, что он умеет читать, писать и отлично знает Коран — все это получилось как бы само собой.

Мутаваллий поставил его учителем:

— Ты будешь учить нерадивых, а жалованье буду получать я: надо же мне возместить хоть часть моих убытков!

С тех пор вот уже второй десяток лет внук могущественного Алим-хана служил в медресе, вдалбливая в бритые пустые головы учеников «алиф, лам, ра...». Питался скромно и ютился в маленькой келье, обстановку которой составляли соломенный тюфяк, два ватных одеяла, медный кумган в нише, да самовар. Но он не жаловался: погруженный в свои книги, он не испытывал, казалось, никаких неудобств от такой жизни.

И вот теперь этот человек сидел перед посланцами кыргызских родоправителей. Ему в то время было 32—33 года. Лицо его можно было бы назвать красивым, если бы не следы оспы, которую он перенес в детстве, да не кривой левый глаз.

Несмотря на крайнюю бедность, которая проглядывала во всем, Шир-датхе показалось: облик этого человека исполнен одновременно величия и скромности. Именно такой хан им и нужен: величие — для простолюдинов, скромность — для родоправителей...

Время для смены хана как раз пришло. В конце 60-х — начале 70-х годов прошлого века обширное Кокандское ханство сотрясали нескончаемые бунты. Невыносимый налоговой гнет вызвал возмущение всех народов, населявших Фергану и окаймляющие ее огромные горные массивы. Недовольны были все — и оседлые земледельцы — узбеки, таджики, и кочевники — кыпчаки, кыргызы, казахи. То там, то здесь сборщики налогов сталкивались с открытым неповиновением. Особенно выделялись в этом отношении кыргызские племена. Приведем один пример. Современник событий, русский исследователь Н. Маев сообщает: «Суровая зима 1870—1871 г. тяжело отразилась на скотоводстве киргиз...». Множество скота пало от джута. Начался голод. Но ханские сборщики знать ничего не хотели: вынь да по ложь ханскую долю! Забирали последних баранов, обрекая людей на голодную смерть. Весной 1871 г. в Алайской долине восстали скотоводы. Туда был направлен Атабек-датха с большой воинской силой. Он разбил нестройное, плохо вооруженное ополчение, повесил 12 главных зачинщиков и возвел крепость. Но, как пишет уже другой исследователь Л. Костенко, в 1872 г. «...гарнизон укрепления вместе с датхою был захвачен врасплох алайскими киргизами и вырезан до одного человека».

Родоправители многих южнокиргизских племен, не связанные с придворной кликой, начали подумывать о всеобщем восстании, способном смести Худояра. Но им нужен был вождь с громким именем, обязательно из царствующего рода минг — так уж повелось издавна... Лучшее всего на эту роль подходил Пулат-бек — прямой потомок Алим-хана...

⁸ Том XV. В. М. Плоских

...Между тем Пулат-бек говорил:

— В одном вы правы: если Худояр-хан так грабит народ, значит он — исчадие ада. Но не мне возглавлять борьбу с ним. Выберите другого. Только все это — зря. Любой человек, даже самый добрый, став ханом, или погибает от руки заговорщиков-корыстолюбцев, или становится притеснителем. Такова уж природа власти...

На все уговоры и взывания Пулат-бек отвечал твердым «нет».

Тогда Шир-датха решил подъехать с другого конца:

— Разве вам не хочется сесть на место своего деда? Кто еще более достоин этого?

— А зачем мне место моего деда, залитое его кровью?

— Каждый человек стремится от низкого к высокому, от безвестности — к славе, от бедности — к богатству. Так ведется от века. Простите, но ваша теперешняя жизнь — разве это жизнь?

— Все беды человека — от жадности. Купец торгует, обманывает, рискует жизнью — от жадности к богатству. Знатные беки и правители устраивают заговоры, ведут войны, режут друг друга — от жадности к славе и власти. И чего же они находят, добившись вожделенного?

— Того, чего хотели: славы, власти, богатства, всего лучшего, что даровал Аллах человеку. Разве достойно истинного батыра, к тому же знатного, прозябать в безвестности, бедности и унижении?

— Безвестность ограждает человека от дурных слухов и клеветы. Бедность не страшна тому, кто довольствуется малым. Я зарабатываю миску плова и чашку чая, зато не должен никому. А бедность без долгов — уже зажиточность... Унижение, говорите вы? Но чванливые и высокомерные считают себя униженными, если не могут повелевать. А ведь Аллах, да будет преславно имя его, обязал нас быть покорными и скромными.

— О, бек! — воскликнул в нетерпении Шир-датха. — Вспомни своих великих предков! Что бы они сказали, слыша такие рассуждения!

— Предки мои своим примером отвратили меня от подражания им. Лучше вспомните, почтенные, их судьбы. Один из первых основателей нашего рода Рахим-бий, сын Шахруха, правил всего 10 лет и был убит заговорщиками, которых возглавлял его родной брат Абд-аль-Карим. Сын Абд-аль-Карима Бабабек правил только год и тоже был убит. А мой дед, Алим-хан? Когда он был зарезан родным братом, Омор-ханом, моя бабка еле спаслась с моим малолетним отцом. Но и отец погиб, как только попытался занять трон. А дальше? Омор-хана тоже зарезали. Следующего, Мадали-хана, постигла та же участь. За ним правил Шералы, его тоже заставили испить чашу мученичества. Малля-хана в спальне искромсали кинжалами собственные приближенные — люди, которым он доверял. И теперешний корыстолюбивый Худояр дважды убежал из своей урды, спасая жизнь; я знаю побежит он и в третий раз, проклинаемый народом. Вот их пример, вот какую судьбу предлагаете вы мне! Могу еще добавить: на меня уже охотились люди Худояра несколько лет назад, тогда я и лишился глаза...

— Но если прямой потомок славнейших ханов отказывается выступить за восстановление справедливости, то кто же сделает это? Воистину, Аллах послал нам черные дни!

Пулат-бек покачал головой:

— Каждый хан, садясь на белый войлок, объявлял о наступлении эпохи справедливости. Много ханов сменилось, а справедливость так и не восторжествовала... Разве я буду лучше?..

— И это ваше последнее слово? — сказал Шир-датха..

— Да, — твердо ответил Пулат.

— Тогда, — Шир-датха тяжело поднялся, — тогда нам здесь делать больше нечего.

Молча поднялись другие гости. Хозяин проводил их до ворот.

Тут им пришлось еще раз удивиться: в воротах стоял давешний водонос. Но теперь он был в хорошей одежде и выглядел уважаемым человеком. Возгласив неизбежное «салам алейкум», он обратился к Пулату:

— Сиятельный господин! Я принес ваш заказ.

Вынув из сумки лист плотной бумаги, он протянул его хозяину. Депутаты еле сдержали крик удивления: на листе был изображен Пулат-бек, словно живой. Казалось, сейчас заговорит; хорошо были видны даже латки на старом халате.

Пулат принял портрет с благодарностью и заметил:

— Я уже просил не называть меня сиятельным, — а гостям объяснил: — Это мой друг орус, тот, кто подарил самовар. А теперь принес мое изображение, называется «фото». Орус большой мастер, у него есть хитроумное приспособление, которое само рисует за такой короткий срок, что человек не успевает три раза повторить «Аллах акбар», — и уже готово... Не желаете ли попробовать?

Гости не знали, что и ответить. Выручил водонос:

— Во-первых, я не совсем орус. Я — немец, мое имя — Якоб Дитрих, а попросту — Якуб. Во-вторых, могу сфотографировать почтенных беков, но фото будут готовы только через два дня.

Шир-датха обрадовался:

— Мы не можем ждать два дня. А вы, уважаемый Пулат-бек, подумайте хорошенько. И если надумаете, дайте нам знать.

— Нет, я не надумаю. Счастливой дороги!

* * *

Покинув медресе, посланцы некоторое время ехали в молчании. Неудачный исход миссии угнетал всех троих. Наконец Мусабек сказал в раздумье:

— Молдо-Пулат — ученый человек, его знания обширны и глубоки, как Иссык-Куль.

Сулейман-удайчи покачал головой:

— Ученый-то ученый, да больно странный. Как дубана. И чайник у него не чайник, а «самовар», и халва у него не халва, а «мед», и друг у него — то водонос, то фиранк, то «фото»... Да мусульманин ли он?

— Конечно, мусульманин, — возразил Муса. — Он и фиранка, как видно, обратил в истинную веру. Не забывай: Пулат-молдо живет при мечети и служит наставником в медресе. Разве позволили бы все это отступнику?

— Не падайте духом, братья, — ободрил их Шир-датха. — Найдем нового хана. Как говорит народ: если сбежит один ишак, останется другой.

— Где же взять другого?

— Есть тут, в Самарканде, еще Насыр-хан, племянник Худояра. Он, конечно, не тот человек, прав на ханский престол у него мало. А в Узгене живет Музафар, тоже из рода минг...

— А у него какие права?

Шир-датха помолчал немного:

— Пока живы сыновья Худояра — тоже маловато... Лучше бы всего — прямой наследник Алим-хана, этот самый Пулат...

— Поехали домой! — решили остальные делегаты.

* * *

Обратный путь их лежал через Ташкент.

РОКОВОЕ РЕШЕНИЕ

В Ташкенте посланцы остановились в доме курасинца Абду-Мумина, своего земляка. Когда-то Абду-Мумин служил сотником в ханских войсках, совершил много военных, а также иных подвигов под водительством знаменитого временщика Алымкула. В 1865 г. он сражался с орусцами генерала Черняева под стенами Ташкента. После сдачи города и смерти Алымкула сотник оставил военное дело и стал кочевать в родных Чаткальских горах. Однако вскоре это занятие ему наскучило; в 1867 г. он вернулся в Ташкент и занялся торговлей. Ташкент, присоединенный к Российской империи, оставался, как и Самарканд, чисто азиатским городом: с приходом русских в нем мало что изменилось.

Абду-Мумин жил не сказать чтобы богато, но в полном достатке. Гости расположились на большом ковре-паласе, на грудах одеял; хочешь откинуться — пожалуйста, под локтями — подушки. И пиалы для чая нарядные, без единой щербинки... И слушал-расспрашивал хозяин не так, как тот сиятельный молдо, а с живым участием, с прицелкиванием языком и покачиванием головой. Такому и рассказывать интересно.

Гости поведали ему о своей неудаче с Пулат-беком. Абду-Мумин слушал, качал головой и радушно подливал гостям ароматного чаю.

— Предки Пулат-бека были настоящими батырами, не выпускали из рук саблю и умирали как надлежит мужчинам, — говорил он. — А этот потомок Алим-хана... Видно, правду говорят в народе: не каждый, у кого

есть борода, — дедушка... А Худояр похож на засохший плод инжира: держится и держится на ветке, пока птицы не расклюют или очень сильный ветер не стряхнет. Вот и надо стать птицами, превратиться в ветер! Я уже стар, но хоть сейчас готов опоясаться мечом войны — такое дело благословит сам Аллах!

— Но где взять замену Худояру?

— Дурак теряет, умный подбирает. Разве мир совсем опустел? Когда борода моя не была еще такой белой, храбрецы решали, какому хану сесть на трон, а какого отправить в райские кущи. Покойный Алымкул сменил четырех ханов; сменил бы и пятого, если бы не орусy.

Подали плов. Прежде чем приступить к трапезе, Абду-Мумин велел служанке:

— Позови муллу Исхака. Пусть прочтет молитву.

Скоро вошел юноша среднего роста, в белой кисейной чалме, с черными живыми глазами. Шир-датха глянул на него — и поперхнулся чаем. Мусабек вытаращился, словно увидел привидение, и закричал в испуге: «Калак!».

— О, бой! — воскликнул потрясенный Сулейман-удайчи.

Мумин с удивлением смотрел на гостей: чем их так поразило вид его работника?

Юноша ровным тихим голосом прочитал молитву, затем обратился к хозяину:

— Мне необходимо отлучиться до вечера.

— Раз необходимо — иди, — отвечал Абду-Мумин. Когда молодой человек вышел, Сулайман-удайчи сказал:

— Или мои глаза обманывают меня, или я не в своем уме...

— Не иначе, тут вмешался шайтан, — поддержал Мусабек,

Абду-Мумин спросил нетерпеливо:

— Почтенные! Что вас так удивило и почему вы упоминаете шайтана в нашей благочестивой беседе?

Шир-датха вместо ответа спросил:

— Скажи, юзбаши, кто этот человек?

— Как кто? У меня живет. Зовут его мулла Исхак, сын Хасана. Но почему у вас такой вид, словно вы действительно шайтана встретили? Клянусь бородой пророка, это вполне достойный юноша. Он учился в двух медресе, правда, ни одного не закончил... Однако очень многознающий, ученый человек! Книги арабские читает так же легко, как я ем бешбармак. Но я ничего не понимаю...

— Твой мулла похож на Пулат-бека, словно его отражение в воде! Только у твоего оба глаза целы.

— Аллах велик! — воскликнул Абду-Мумин. — Что вы говорите! Этого не может быть!

— Они примерно одного возраста, — рассуждал Шир-датха как бы про себя. — Может быть, покойный Ибрагим-бек, отец Пулата, когда-то приблизил к себе мать этого юноши?

— Этого не может быть! — закричал Абду-Мумин. — Я знаю отца муллы Исхака, знаю и мать его — очень почтенная байбиче. Они никогда не покидали окрестностей Маргелана, а Ибрагим-бек никогда не был в тех местах!

— Жаль, — задумчиво сказал Шир-датха. — Жаль, что этот скакун не благородных кровей...

Долго еще велась беседа об этом удивительном совпадении, а под конец в голове Абду-Мумина созрела еретическая мысль:

— А если мы выдадим муллу Исхака за Пулат-бека?..

Эта мысль наверняка уже бродила под тюбетейкой каждого сотрапезника, но, высказанная вслух, поразила всех...

...Обсуждение велось, что называется, вдоль и поперек. Все понимали, какое дело затевают: в случае неудачи уже мерещились впереди и палач в красной одежде с топором, и заостренный кол, скользкий от крови, и намыленная веревка...

Убеждали сами себя:

— Оба похожи друг на друга, как мои ладони...

— Оба — почти муллы, знают Коран...

— Настоящего Пулата никто из кочевников не видел, — толковал загоревшийся Абду-Мумин. — Он всю жизнь просидел затворником в своем медресе. А мой мулла умеет вести поучительные беседы, может и повелевать. Клянусь саблей, он рожден для настоящего дела!

— Что делать! — вздыхал, соглашаясь, Шир-датха. — За неимением плова едят и кашу... Перелезают там, где дувал ниже. Только согласится ли мулла Исхак? Тут и смельчак задрожит.

— Разве нельзя уговорить? — возразил хозяин. — Сладкая речь даже змею выманит из норы. К тому же, каков подлинный Пулат? Будет ли он прислушиваться к советам? Мы не знаем. А Исхака я знаю хорошо. Лучше проверенный шайтан, чем непроверенный ангел.

— Мы не можем больше терять времени в поисках, — поддержал Сулейман-удайчи. — Худояр-хан разорит нас вконец, а может быть, и наши головы возьмет. Кто знает, не донесли ли уже ему соглядатаи о нашем посещении мечети Ходжа-Ахрар? Надо брать того хана, который под рукой.

— Но справится ли он? — все сомневался Шир-датха. — Ишака, сколько ни бей, конем не сделать.

Абду-Мумин обиделся:

— Это мой-то мулла — ишак? Да он на семь дней раньше шайтана родился! Этот парень только и мечтает, в чей бы казан пальцы запустить!

Итог подвел Сулайман-удайчи:

— Друг друга мы уговорили. Теперь осталось уговорить муллу. Подождем его возвращения...

Стемнело. Служанка зажгла светильники. Муллы Исхака все не было и гости стали укладываться в гостевой комнате на ночлег.

— Не нравится мне все это, — тихонько ворчал Шир-датха. — Этому недоучившемуся мулле, продавцу насвая мы должны будем кланяться?

— А как иначе? Если у тебя к псу дело, приходится говорить ему «братец», — отвечал Сулайман-удайчи.

— Может быть, лучше попытаться договориться с каким-нибудь сыном Худояра? С тем же Наср-эд-дином ханзаде? Он — наследник престола и, наверное, рад будет посрамлению отца. У ханов это бывает.

— Нет уж! Наср-эд-дин глуп и к тому же испорчен, как и отец.

— Если есть из кого выбирать, бритого предпочитают лысому, — поддержал Мусабек.

Утомленные дорогой, обильным ужином и обсуждением великого замысла, они скоро заснули и спали крепко. Они не слышали, как вернулся мулла-полуночник, как всю ночь проговорили старый Абду-Мумин и его молодой слуга.

Кто же он, этот человек, которому заговорщики решили отвести такую важную роль в истории Кокандского ханства?

Сведения о биографии нашего героя в источниках весьма кратки.

Мулла Исхак Хасан-оглы происходил из рода бостон южнокиргизского племени ичкилик. Его отец — из простых скотоводов, служил мударисом (учителем) маргеланского духовного училища «Ак-Медресе».

Окончив сельскую школу «мектеби», Исхак сначала учился в кокандском медресе «Тумкатаре», а потом вернулся в Маргелан, к отцу в «Ак-Медресе». В 1867 г. он бросил учебу по неизвестным причинам (но известно, что против воли отца) и поселился в кочевье рода бостон. Через два года он переселился в родной кишлак Ухне; короткое время служил имамом в местной мечети. И вот он уже в Андижане; здесь он тоже занимал должность имама в одной из городских мечетей. Видно, средств не хватало и он стал торговать табаком-насваем. Интересы торговли вынуждали его часто ездить в Ташкент. В Ташкенте судьба его свела

с Абду-Мумином, у которого он и остался жить — то ли на положении работника, то ли друга-собеседника.

По сведениям современников — отмечают историки — с детства Исхак отличался живым умом и склонностью к авантюрам. «...Рассказы Абду-Мумына о Мусульманкуле, Алымкуле (знаменитые временщики), о выступлениях кыргызов и кипчаков, потрясавших ханство и ставивших на престол своих ханов, произвели сильное впечатление на молодого муллу — Исхака — и породили в нем стремление к приключениям»...

...За утренним достарханом хозяин с пожелтевшим лицом (след бессонницы) объявил гостям:

— Мы обо всем договорились. Сейчас он войдет.

Вскоре вошел вчерашний юноша, вежливо поприветствовал гостей и скромно сел, как и положено младшему, ближе к двери.

Пили чай, ели сладости; посланцы украдкой бросали взгляды на своего избранника. Он держался со спокойным достоинством, но рука, принимавшая пиалу, слегка дрожала, горело молодое лицо, а в черных глазах его полыхал огонь...

— Исхак! — обратился к нему Абду-Мумин. — Объяви почтенным бекам свое решение.

Юноша осторожно поставил недопитую пиалу на скатерть; было так тихо, что все слышали, как она стукнула.

— Я согласен, — сказал он просто.

— Подумал ли ты, юноша, о последствиях, если дело наше не удастся? — сказал Шир-датха.

— Удастся, удастся! Зачем пугаться того, чего нет и может не будет! — торопливо воскликнул Сулейман-удайчи.

— Да я хорошо подумал, — отвечал мулла Исхак. — Я всегда чувствовал, что Аллах предопределил мне особую судьбу — именно этим оправдывается мое существование на земле. Я понимаю, что ждет меня в случае неудачи:

долгие пытки, а концом их будет страшная казнь. Но я решился и не хочу знать, есть ли обратная дорога. Назад ходу не будет. Да я и не хочу назад! Я надеюсь на счастливый исход. Мы отправляемся в большой путь — спасти наш бедный народ. А это значит: Аллах на нашей стороне. Так стоит ли сомневаться в победе?

— Вот слова, достойные истинного хана! — воскликнул Абду-Мумин.

Гости вслед за хозяином выразили шумное одобрение. Мулла Исхак продолжал:

— Я — ваш избранник, а вашими душами и замыслами распоряжается Аллах. Отсюда неизбежно — я через вас — избранник Аллаха на это тяжкое дело.

Он поднялся на ноги. Лицо его пылало, глаза сверкали огнем. У присутствующих похолодело внутри, невольно они встали.

— Объявляю, — голос его приобрел какую-то особую звучность, — что отныне и навеки отрекаюсь от прежнего имени, данного мне временно, и принимаю до конца отпущенных мне дней имя Пулат-хана, сына Ибрагим-хана, внука Алим-хана, правнука Нарбуты-хана! Аллах акбар!

— Аллах акбар! — повторили все присутствующие.

— А теперь, — продолжал новоиспеченный Пулат-хан. — Укажите мне место, приличествующее моему сану, и продолжим беседу.

— Как он умен! — шепнул Сулайман-удайчи Муса-беку.

— А как учен! — отозвался тот.

«Да, этот сможет быть ханом», — подумал Шир-датха...

В этот день Пулат-хан (отныне будем называть его так) поклялся выборщикам в верности и в свою очередь потребовал того же от них. И гости, и сам хозяин были несколько потрясены: куда делся скромный юноша, зашедший в эту комнату утром? В полдень же перед ними на почетном месте уже восседал истинный правитель, и, несмотря на молодость, уста его изливали зрелые мысли...

В ПОИСКАХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Ранней весной 1873 г. по дороге в Маргелан ехал всадник. Горная кыргызская лошадка неспешно трусила по тропе; воздух был чист и свеж после первого весеннего дождя; тополя, вереницей тянувшиеся вдоль дороги, кокетливо накинули на себя нежно-зеленую кисею; утреннее солнце ласкало кожу и ехать было одно удовольствие.

На полях уже начинались весенние работы и прохожие попадались редко. Те же, кто встречался на пути нашего всадника, неизменно обращали на него пристальное внимание. Одни смотрели с неподдельным интересом, другие — с испугом. Шедший навстречу дервиш с посохом, в вывороченной бараньей шапке, долго плевался вслед.

Все это легко объяснялось: всадник был в европейской одежде.

После заключения в 1868 г. мирного договора между ханством и Российской империей на кокандских дорогах стали изредка появляться российские купцы, но большинство из них — казанские татары — не сильно отличались одеждой от местных жителей. В этой чисто мусульманской стране чаще можно было встретить индуса, чем европейца. Поэтому едущий «капыр» — неверный — был местным жителям в диковинку.

Уже при подъезде к Маргелану всаднику попала огромная толпа не менее двухсот человек, одетых в рваную и грязную одежду, с кетменями на плечах. Несколько всадников, что-то вроде конвоя, лениво покачивались в седлах.

Путешественник остановил лошадку и долго смотрел им вслед.

— Что это за люди и куда они направляются с таким мрачным видом? — обратился он на узбекском языке к прохожему, по виду — горожанину со средним достатком.

Горожанин подозрительно оглядел спрашивающего, но, поколебавшись, все-таки ответил:

— А какой вид должен быть у тех, кого гонят на строительство Худояр-хан-арыка, отрывая от собственных дел?

И торопливо пошел прочь.

В Маргелане путешественник долго плутал по улицам и переулкам, расспрашивая прохожих, пока не нашел нужный ему адрес. За высоким глиняным дувалом виднелась плоская крыша домика, осененная еще голыми ветвями инжирных деревьев. Он долго стучал в калитку. Но вот слышались шаркающие шаги и старческий кашель. На той стороне долго возились со щекотдой и надтреснутый голос успокаивал рычащего пса.

— Молчи, Барс, уйми свое раздражение. Сейчас посмотрим, кого послал нам Аллах.

Калитка распахнулась; за нею стоял старик, державший за ошейник собаку.

От удивления седые брови хозяина вздернулись до самой чалмы:

— Что нужно фиранку в моем доме?

Пришелец ответил:

— Разве истинный ученый отвергает собрата по науке только из-за того, что у него другая вера? Почему же тогда столпы мусульманской учености почтительно признали мудрость, проникательность и многоведение Афлатуна (Платона). А ведь он жил еще до пророка и, следовательно, не был правоверным.

— О-о-о! — воскликнул хозяин — фиранк говорит на нашем языке, словно уроженец Ферганы! Он знает имена великих мыслителей! Входи, дорогой гость! Пусть вера у нас разная, зато любовь к мудрости ушедших одинаково сильна.

Старая служанка накрыла достархан на крытой галерее — айване — посреди маленького садика, в котором уже пышно цвел миндаль. Страстно ворковали среднеазиатские горлинки, глухой таинственный голос удода звучал за виноградником. Гость и хозяин за ароматным чаем начали степенную беседу.

— Прости, почтенный ходжа Юсуп, что не представился сразу, — говорил гость, — зовут меня Якоб Дитрих, по-вашему — Якуб; я — из немцев, есть такой народ в Европе. Вот уже пятый год живу в Туркестане.

— Откуда известно почтенному ходже Якубу мое имя? Впрочем, в Маргелане меня все знают, да это и не удивительно: я родился и прожил большую часть жизни здесь.

— От маргеланцев я узнал только твой адрес, — ответил гость. — Имя же мне сказали в Самарканде, в мечети Ходжа-Ахрар.

— О! — воскликнул хозяин. — Я целых десять лет прослужил в медресе при этой мечети. Живет ли еще там любимый мой ученик Пулат-хан Ибрагим-уулу или уже куда-нибудь переехал? Раз ты был в мечети Ходжа-Ахрар, ты должен был слышать о нем.

— Я слышал о нем, видел его и много раз беседовал с ним вот так же, как сейчас беседую с тобой. В доказательство прочти эту записку: в ней посылаются тебе розы привета.

Старик развернул вчетверо сложенный листок и воскликнул с умилением:

— Недаром я научил его правильно излагать свои мысли. Главное достоинство письменной речи — многое в немногом. Убедись сам.

В записке было только одно слово: «Приюти».

— Это означает, — продолжал хозяин, — что ты — человек хороший, верный, не способный на подлое дело. Ты хочешь остановиться в Маргелане? У меня как раз есть лишняя комната — в ней никто не живет. Отныне

она твоя... Как бы мне хотелось сейчас увидеть моего любимого ученика!

— Это можно, — отвечал гость. Он вытащил из сумки бумажный конверт, а из него — кусок плотного картона и подал хозяину.

Ходжа Юсуп недоверчиво принял картонку, далеко отставил, стал вглядываться... И вдруг отпрянул в испуге.

— Суф! О, Аллах, что это?

— Это портрет Пулат-хана.

— Я видел изображения людей в рукописях времен Тимуридов и Бабура, в индийских, китайских и арабских книгах. И хотя пророк запретил изображать живые существа, я не осуждаю художников, если их картины выполнены с мастерством. Но ничего подобного я не видел! Не колдовство ли это? Ведь он сейчас заговорит!

— Нет, — смеясь, отвечал гость. — Просто у меня есть приспособление, которое само рисует картины. Называется «фотография». Эту хитрость придумали в Европе.

Старый ученый тотчас стал спрашивать о достижениях европейских мудрецов.

— Правда ли, что существует такое приспособление, через которое луна и звезды кажутся во много раз больше, чем те, что мы видим?

— Правда. Приспособление называется телескоп.

Ходжа Юсуп очень сокрушался, что ему навряд ли удастся посмотреть через этот телескоп. Якоб только успевал удивляться молодому пылу, с каким старик говорил о «тайнах мира», «начале всех начал и конце всех концов», так что к концу беседы у гостя загудело в голове.

Рядом с ними, положив голову на лапы, лежал Барс и повиливал хвостом — он тоже принял гостя за своего и участвовал в беседе молча. Из маленькой конюшни доносился хруст сена — то ужинали лошадь гостя и ослик хозяина.

И лишь когда небосвод усыпали звезды, собеседники отправились спать.

Наутро Якоб предстал к утреннему чаю в новом обличье: в стареньком халате, засаленной тюбетейке и стоптанных сапогах.

— Я очень хочу понять жизнь и помыслы ферганцев, а в таком виде меньше привлекаешь нежелательное внимание, — объяснил он хозяину. — В Самарканде я обычно переодевался водоносом.

Ходжа Юсуп одобрительно кивнул:

— Познавать жизнь — это хорошо. Но пусть не обидится гость, если я предложу ему новый красивый халат. У меня их два. Зачем мне второй?

— Да простит меня хозяин, но если хочешь узнать душу народа, надо ничем не выделяться из себе подобных. Ибо из-за богатого наряда к тебе станут относиться хоть и почтительно, но без должной откровенности.

— Так-то так, но есть и другой конец палки: ты рискуешь нарваться на грубость. К бедняку даже хозяин какой-нибудь жалкой чайханы относится с пренебрежением.

Целую неделю Якоб Дитрих изучал (как он полагал) жизнь Востока, толкаясь на базаре или сидя в чайханах. А вечером наслаждался беседами со старым ученым. Ходжа Юсуп располагал к доверию и Якоб поведал ему свою историю.

С ранней юности он отличался удивительной способностью к языкам, а также неистребимой страстью к переменам мест. Он нигде не мог усидеть долго. Словно злой бес толкал его на поиски приключений. Может быть поэтому он ничего не добился в жизни; в свои 35 лет не имел ни семьи, ни дома, почти никакого имущества. Перепробовал много профессий, но ни на одной не остановился. Учился на фельдшерских курсах в Петербурге, но работать фельдшером не стал. Был плотником, каменщиком, часовым мастером, портным; наконец увлекся фотографией и достиг замечательных успехов. Он мог бы осесть, завести мастерскую, приобрести достаток и семью... Но нет! Что-то гнало и гнало его по дороге жизни.

⁹ Том XV. В. М. Плоских

Когда генерал Черняев взял Ташкент, а затем в 1868 г. был заключен договор с Худояром, Якоб Дитрих отправился с попутным обозом в Среднюю Азию.

Восток! Страна чудес, удивительная и таинственная. Ему мерещились приключения из арабских сказок, чародеи и волшебники, джинны и гаремные красавицы, халифы, переодетые дервишами, пещеры, полные золота, и прочая романтическая чепуха.

За пять лет он исколесил всю Среднюю Азию, но ничего подобного не встретил; все это, как он полагал, еще впереди...

В чайханах больше всего разговоров велось о новых и новых податях, вводимых теперешним правителем Худояр-ханом. А тут еще одна напасть свалилась — хан задумал построить канал и назвать его своим именем: Худояр-хан-арык. Этим он хотел увековечить себя в истории. А народу-то какво? Забирают кормильцев семей и отправляют на строительство, да еще велят на первые 15 дней брать свои харчи.

Посетители рассказывали страшные вещи... Будто люди мрут там как мухи, питание совсем плохое, надсмотрщики свирепствуют.

Якоб все это слушал и его словно бес подталкивал: захотелось самому поглядеть на эти страсти. Он взял у ходжи Юсупа ишака, оставив в залог лошадь. И вот в одно прекрасное утро Якоб Дитрих затрусил на ишаке по большой дороге, узнавая у прохожих, как проехать на строительство Худояр-хан-арыка.

Много ли, мало ли прошло времени, и непоседливый путешественник достиг желаемого. Остановившись у придорожной чайханы, он издали увидел огромную насыпь с добрую гору величиной; по ней сновали тысячи людей, подобно муравьям из растревоженного муравейника.

Он вошел в чайхану, заказал себе чаю с лепешками и сел в сторонке. Посетителей было немного.

Но вот послышались стук копыт, громкие голоса. Чайханщик побежал встречать гостей. Скоро ввалилась толпа. Впереди, сопровождаемый беспрестанно кланяющимся чайханщиком, шествовал чернородый пузатый бек в дорожной одежде. За ним — огромного роста детина в халате похуже; что-то в лице детины было отталкивающее — наверное, свирепость. Последними шли четверо стражников, которые покорно уселись у дверей.

Всем подали чай: беку — огромный и пузатый, как он сам, чайник, расписанный золотом, и кучу белых румяных лепешек на подносе. Детина получил то же самое, но похуже качеством. Стражникам же подали надтреснутые чайники, бывшие долго в употреблении.

«Вот она, — подлинная картина Востока!» — подумалось Якобу.

Бек долго пил чай, отдуваясь. Наконец, окинув взглядом полупустую чайхану, изволил заметить Якоба.

— Эей, Сарымсак! — громко окликнул он детину. — Спроси у хозяина, что это за человек?

— Прохожий... проезжий... Совсем незнакомый, — залебезил хозяин.

— Я сам могу ответить, — подал голос Якоб. — Я русский подданный, живу сейчас в Маргелане, снимаю комнату у мавляны ходжи Юсупа. Здесь нахожусь проездом из любопытства: хочу посмотреть на великую стройку, которая прославит Худояр-хана-Бахадура.

Бек и детина Сарымсак переглянулись. Стражники навострили уши.

— Слышал ли почтенный Фулат-бек, — сказал Сарымсак, обращаясь к вельможе. — Этот человек — просто любопытствующий, которому нечего делать.

— Так-так, — сказал Фулат-бек задумчиво. — Нечего делать... Просто любопытствует..

И он обратился теперь уже прямо к Якобу:

— Ходжу Юсупа я хорошо знаю... Значит, ты его постоялец... Откуда приехал?

— Из Самарканда.

— Из Самарканда! — Фулат-бек многозначительно посмотрел на Сарымсака; тот понимающе поджал губы (Самарканд был под властью русских).

— Семьи нет?

— Я не женат...

— Тем лучше! Значит у тебя нет ни дома, ни семьи, ни имущества?

— Со временем все это будет.

— Но сейчас-то нет! Значит, тебе и заботиться не о ком. А знаешь ли ты повеление нашего великого хана: от каждого дома выставлять по одному человеку на строительство Худояр-хан-арыка?

— У меня нет дома.

— Но ты живешь у ходжи Юсупа! Старик из-за дряхлости не может ворочать кетменем, а по своей бедности и нанять вместо себя никого не может.

— Я ведь не кокандский подданный. Я — орус.

— Глупец! — загремел Фулат-бек. — Ты надеешься обмануть нас? Ты даже не знаешь, что оруссы не ходят в нашей одежде и плохо говорят по-нашему!

— Мой юзбаши! — вмешался Сарымсак. — Этот человек очень подозрителен. Может быть, это лазутчик капыров и других врагов ханства, подсматривающий и подслушивающий? Ведь он приехал из Самарканда! Не лучше ли отделить ему голову от туловища? А еще лучше посадить на кол!

— Это успеется! — решил Фулат-бек. — А пока пусть поработает на благо правоверных... Если будет хорошо работать и мало болтать, мы, пожалуй, оставим его в живых.

Якоб Дитрих до того растерялся, что только и мог сказать:

— А как же ишак?

— Так у тебя есть ишак? Совсем хорошо. Пусть и он потрудится на благо правителя.

— Но это не мой ишак! Я одолжил его на время у ходжи Юсупа.

— Еще лучше! Пусть и ишак тоже потрудится за своего немощного хозяина. Отработаете свое, а потом благополучно вернетесь к ходже Юсупу.

— Если останетесь живы! — с громким смехом добавил Сарымсак. И подал знак стражникам.

Так Якоб Дитрих попал на строительство канала.

НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ КАНАЛА

Якоб только слышал про сибирскую каторгу. Теперь здесь, в Средней Азии, он увидел нечто подобное воочию. Тысячи насильно согнанных дехкан копошились на огромной насыпи. Одни рубили кетменями землю, другие с корзинами или кожаными мешками карабкались вверх по скользкой круче. Строительство канала приближалось к концу, и как раз в этом месте его русло проходило через огромную заболоченную впадину. Требовалось соорудить с обеих его сторон высоченные дамбы — этим и занимался согнанный люд. Сюда-то и привел злосчастного Якоба надсмотрщик Сарымсак.

— Кетмень и корзину я тебе дам из ханской казны, — сказал он. — За них ты должен уплатить полтора таньга.

Якоб вынул кошелек, отсчитал деньги. Крохотные глазки Сарымсака загорелись алчным огнем.

— По ханскому указу каждый прибывший на богоугодное строительство должен иметь при себе пищу на 15 дней. Где твой мешок с едой?

— Но ведь я не собирался на арык!

— Пропитание на 15 дней будет стоить 30 таньга. «За такие деньги должны кормить очень хорошо», — подумал Якоб и опять вынул кошелек. Увидев, что в кошельке что-то осталось, Сарымсак продолжал:

— Тебе также предоставляется место для ночлега. Цена — четыре таньга.

Якоб вытряхнул содержимое кошелька на ладонь.

— Только три с половиной...

— Ладно, давай. Что с тебя взять, голодранца.

В первый день Якоб так устал, что еле добрался до длинного глинобитного сарая и растянулся на подстилке из камыша, брошенной прямо на пол. Рядом — плечо к плечу — лежали такие же бедолаги. От них разлило смрадом давно немых тел.

Утром, чуть свет, раздалась грубая ругань надсмотрщиков. Люди поднимались с кряхтением и стонами. Во дворе под навесом в огромном казане уже был завтрак: болтушка из толокна и каждому — по головке лука.

— Берите от ханских щедрот! — кричали повара. — Только не просите добавки!

Якоб уселся, скрестив ноги, прямо на земле, в кружок с теми, с кем работал вчера. И все расположились такими же группами, по десять человек, каждая со своим десятником — онбаши. В группе Якоба десятником был высокий, еще молодой джигит с мрачным красивым лицом. Звали его Мамыр.

— Чтоб хан подавился этой луковицей... А где же Джапалак? Нас только девять. А вот и он...

Подошел тощий человек в драном чапане.

— Мне не досталось, — печально сказал Джапалак, держа пустую миску в руках. И поглядел голодными глазами на товарищей. Все сосредоточенно хлебали, хрустели луком, не поднимая глаз.

Якоб, которому болтушка в горло не шла, протянул свою миску:

— Возьми, не побрезгуй...

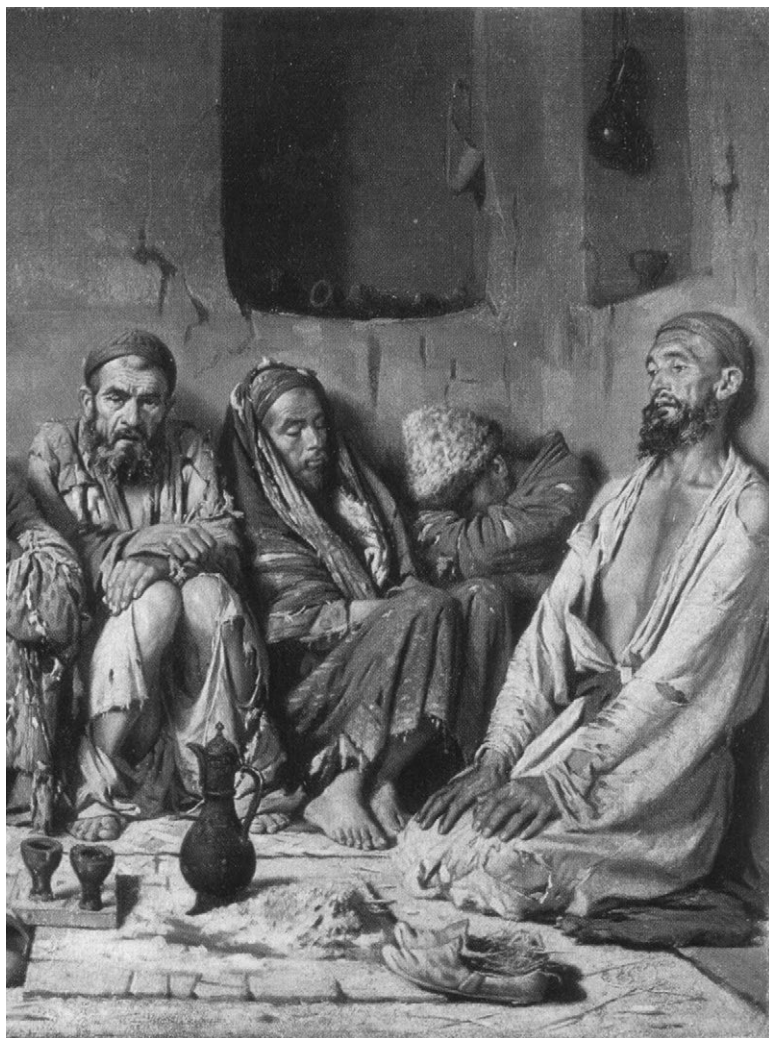
Одновременно с ним протянул кису и Мамыр:

— Здесь как раз осталась половина... У Джапалака просветлело лицо:

— Э! У меня тогда получится полторы кисы!

И опять начался тяжелейший в жизни Якоба день. К полудню он выдохся; дико сосало под ложечкой.

И когда в короткий перерыв принесли ту же болтушку, он жадно выхлебал ее, хрустя луковицей и не поднимая глаз.

Рядом – плечо к плечу – лежали такие же
бедолаги

К вечеру вконец обессиленные люди работали вяло. Надсмотрщик Сарымсак (которого прозвали Шайтан-кулом, т. е. рабом дьявола), обрушил свой гнев на двух несчастных — Исенбая и Судан-Уру. Он хлестал их камчой, приговаривая:

— Ленивцы, потребители ханского добра и моего терпения! Если конь упрямится, его бьют. Но какие вы кони? Вы — ишаки! Я выбью из вас упрямоту, дармоеды!

— Мы джигиты! — кричали избиваемые. — Мы такие же, как и ты! У нас нет сил — за что же бьешь?

А вечером за жалким ужином десятник Мамыр сказал:

— Поистине мы не кони, а ишаки, если слушаемся этого Сарымсака-Шайтанкула. Будь мы джигитами, давно свернули бы ему шею.

— А потом хан посадит нас на кол, — сказал Назарбай, самый тихий и пожилой из этой десятки.

Мамыр угрюмо посмотрел на него:

— Слушай, сарт. По виду ты — почтенный, в годах человек. Как же ты попал сюда? Неужели не мог откупиться?

— Вот я расскажу вам свою историю, а вы уж судите сами. Десять лет назад в месяце мухарраме я купил у жителей кишлака Янги-Яр несколько танапов пустоши. Ничего не росло. А поглядите теперь!.. Молодой сад подобен райским кушам. Виноградник дает самые сладкие гроздья во всем вилайете, каждая гроздь — с курдюк гиссарской овцы. Построил я и дом, и загон для скота, вырыл хауз и провел к нему арык. Расходы составили более 2000 тилла... А в позапрошлом месяце — да будет проклят тот день! — проезжал мимо пресветлый наш хан...

— «Чей это сад?» — спросил.

Очень понравилась хану моя усадьба.

— «Купца Назарбая».

— «Сколько он заплатил за участок?» Советники быстро порасспросили в кишлаке.

— «Сто тилла».

— «Сто тилла за такой превосходный участок с плодовыми деревьями, постройками, хаузом! Неужели в моем государстве земля так дешево ценится? Не верю!».

— «Здесь был пустырь, голая глина да камни, — пояснили советники. — Это все купец Назарбай насадил и построил».

Хан выслушал и сказал:

— «Назарбай заплатил за участок сто тилла. Выдать ему сто тилла! А землю эту я беру в свою казну».

Пропал мой десятилетний труд, пропали 2000 тилла. Все, что у меня было.

— Но у тебя же осталось целых сто тилла, выплаченные ханом! — воскликнул Исенбай.

— Ох, — вздохнул Назарбай, — пятьдесят мне пришлось истратить на похороны моего почтенного отца...

— А остальные 50? — спросил Судан-Уру.

— Тридцать занял мой двоюродный брат: ему позарез надо было расплатиться с ростовщиком. А с остальными двадцатью отправился я на базар попытать счастья в кости. Наверное, шайтан подстрекнул, ну и... сами понимаете. Потому-то я здесь.

— Вот что я предлагаю, — сказал Мамыр Мергенов. — Надо бежать.

Половина присутствующих согласилась. Остальные — два узбека и два таджика — молчали. Лишь один Назарбай запротестовал:

— Вы — кочевники. Уйдете в горы — и нет вас. А нам куда деваться? К тому же и брат обещал отдать 30 тилла.

— Как хотите, а мы бежим. Кто со мной? — повторил Мамыр.

А на следующий день и случилось то самое, о чем шел разговор вечером. Поймали двух беглецов. Их волокли конные стражники на веревках, со скрученными руками. Один был средних лет дехканин-узбек, второй — из оседлых кыргыз-кыпчаков.

Несчастных втащили на временно сооруженный помост, чтобы всем было видно. Палачи — Сарымсак и семеро его приспешников — стали рядом с крепкими карагачевыми палками в обнаженных до плеч волосатых руках. Сам начальник стражи юзбаши Фулат-бек, личный доверенный хана, обратился к согнанной толпе.

— Сейчас вы увидите, какое наказание ждет тех, кто своими гнусными деяниями подрывает всеобщее благоденствие. Ибо арык, о котором денно и ночью печется наш великий хан, есть источник процветания, жила сытости и доказательство забот нашего хана о всех мусульманах. От арыка польза всем. А эти презренные нечестивцы заботятся лишь о собственных шкурах. Так не будем их жалеть. И пусть те, кому шайтан станет шептать о бегстве со строительства, поглядит и остережется. Приступайте!

Тотчас палачи набросились на осужденных, повалили на помост, стащили одежды. Каждому на шею и ноги уселся палач, двое с палками стали по бокам.

— Ур! — крикнул Сарымсак-Шайтанкул. И началось... Поначалу были слышны крики несчастных, потом — лишь глухие удары...

Их забили насмерть.

Вечером артель сохраняла угрюмое молчание. Лишь Назарбай пробормотал:

— В прошлом году двоих беглецов на глазах у людей закопали живыми в землю...

А Якобу было так плохо, что он не стал даже ужинать.

На заре его разбудили чьи-то приглушенные рыдания. Плакал Джапалак. Якоб сел, протирая глаза, и увидел: артель сильно уменьшилось. Мамыр Мергенов, Исенбай и Судан-Уру исчезли.

— Зачем вы тайком покинули меня, братья! — всхлипывал Джапалак. — Не поверили? Или потому, что я родом с севера, а вы с юга?

Якоб ласково коснулся его руки:

— Не говори так. Мамыр — каракульджинец, Исенбай — узгенец, это верно. А Судан-Уру ведь северный кыргыз, из Токмакского уезда. Не огорчайся, причина тут другая. Эти трое — отчаянные, решительные люди, а у тебя сердце мягкое... Ты стал бы им обузой.

В тот день приехал мастер-ирригатор усто Ишимбай, человек, по указанию которого проводили канал. За свою долгую жизнь усто провел множество больших и малых каналов, и все они действовали. Вот почему его так почтительно сопровождал сам Фулат-бек со своими прихлебателями.

Ишимбай проехался вдоль дамб, поднялся наверх, опять проехался, потом опять спустился, при этом все внимательно осматривая. Седые брови его хмурились.

— Работу надо прекратить — сказал он. — И отвести людей подальше. Может случиться обвал дамбы. А все виноваты неожиданные весенние дожди — таких не было на моей долгой памяти. И сам я тоже виноват — не предусмотрел. Остановите работу.

— Что вы говорите, почтенный! — ужаснулся Фулат-бек. — Наш пресветлый хан во что бы то ни стало желает закончить арык, названный его именем, к месяцу рамадану.

— Не получится. Могут погибнуть люди.

Фулат-бек окрысился:

— Ваше дело, почтенный, указывать, в каком месте проводить арычную жилу, а за сроки работы отвечаю перед ханом я!

— Как хотите, — проворчал усто Ишимбай. И уехал. У него было много дел в другом месте.

В тот же день случился обвал.

Два дня откапывали трупы. Их оказалось 180. В урду помчались гонцы. Скоро примчались ответные гонцы с приказом хана: продолжать работы!

Вернувшийся усто Ишимбай рвал седую бороду:

— О, Аллах! Почему я не умер прежде этих несчастных!

Старику стало плохо и его увели под руки.

Через два дня произошел второй обвал. Погибло восемь человек. Лишь после этого Худояр-хан позволил на время прекратить работы. Рабочих отправили по домам, чтобы не кормить дармоедов.

Артель разъезжалась. Назарбай мечтал:

— Вернет мне долг брат, поеду в сторону Коканда и открою чайхану, совсем-совсем маленькую. На большой кокандской дороге много путников и каждого томит жажда. А ты куда, Джапалак?

— Куда ветер подует, — отвечал тот и в свою очередь спросил:

— А ты куда, Якуб?

— Прежде всего верну ишака хозяину. Есть у меня в Маргелане старый, мудрый, ученый друг.

ПЕРВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

Вот уже месяц как Якоб Дитрих опять живет у старого мавляны ходжи Юсупа. С утра отправляется на базар, предлагает свои услуги ветеринара. Бреет желающих острой немецкой бритвой. От клиентов нет отбоя.

После обеда Якоб сидит в чайхане, слушает разговоры посетителей. Изучает восточную жизнь. Она ему нравится: вокруг происходят удивительные вещи. Даже работа на канале уже не кажется такой ужасающей: что ж, и на западе есть колодники, и в России существует каторга.

Пришел чудесный месяц май, и в чайханах поползли слухи о смутах в горах. Упоминали имя Мамыра Мергенова. Взволнованный Якоб слушал в оба уха. Его многие знали; шутки и веселый беззлобный нрав Якоба располагали к нему и люди не опасались говорить при нем о сокровенном.

В июне слухи усилились. Говорили о поголовном восстании в Каракульдже и Гульче, в Ляйляке и Чаткале. Рассказывали, будто целое войско повстанцев разгромило ханских сарбазов и теперь идет на Андижан, Маргелан и Наманган. Словом, со всех сторон!

Все чаще стали упоминать имя Пулат-хана. Будто бы он, победоносный, захватил уже многие селения в ханстве и со дня на день будет в Коканде.

Посетители чайханы — в основном узбеки и таджики — вздыхали:

— Пошли Аллах ему удачу! Пусть бы скорее пришли кочевники.

— Хоть они и мастера пограбить...

— Так, как грабит нас Худояр-хан и его сборщики податей, никакой кочевник не сможет.

— Неужели Пулат-хан — это мой друг из самаркандской мечети? — думал Якоб и расспрашивал:

— Кто такой Пулат-хан?

— Эй, брадобрей! Неужто не знаешь? Пулат-хан — внук Алим-хана, законный наследник власти в нашем ханстве. Пусть он только появится — Худояру сразу придет конец.

Говорившие все время оглядывались. Кто знает, не ханский ли шпион вон тот вошедший?

Вечером Якоб поведал хозяину о слухах и о своем решении отправиться на встречу с Пулат-ханом.

— Раз уж ты решил пойти к нашему несравненному Пулат-хану, я не буду отговаривать, — отвечал ходжа Юсуп. — Я и сам бы отправился с тобой, если бы старость не навалила батманы немощей на мою спину.

Старик помолчал немного, колеблясь.

— Хочу тебе поведать, Якуб, о самом сокровенном. Главный труд моей жизни — «Тарихи-Шахрухи». В нем содержится история Кокандского государства со времени его основателя — Шахрух-бия. Я проследил путь кокандских правителей до теперешнего бессердечного Худояра, о котором написал всю правду: «Он вынул руку насилия из рукава несправедливости и не обходится ни одного мгновения без гнусного обычая гнета и непомерной жестокости!». Вот что я написал! Потомки должны знать и черные дела теперешних властителей и отделять их от восхвалений, которыми осыпают владык придворные лизоблюды. Ибо не будет и в будущем добра без знания правды о прошлом... Во время моего пребывания в мечети Ходжа-Ахрар я работал над описанием правления Алим-хана, деда Пулата. Мой ученик прочитал о войнах и разорении народа. И не обиделся. Этот мальчик обладал справедливой душой... Надеюсь, таким он и остался.

Старик раскрыл маленький ларец и вынул оттуда свиток, завернутый в шелк.

— Двенадцать лет назад, покидая Самарканд, я составил эту бумагу... Мне представлялось: вдруг когда-нибудь смуты и взаимные убийства опустошат ряды нынешней ветви царствующего рода минг и народ не будет знать, кого посадить на трон. Тогда люди могли бы призвать моего Пулата. Он достоин этого и по величию души, и по праву рождения. Но к тому времени может не остаться знающих о происхождении отшельника из мечети Ходжа-Ахрар... И я составил эту бумагу, засвидетельствованную восемнадцатью стариками, на глазах которых развернулась скорбная история этой семьи... Возьми же свиток и передай Пулат-хану... Может быть кто-то из детей Худояра захочет оспорить право на трон, а я уверен так оно и будет, — вот тогда эта «свидетельствующая» бумага и заговорит и убедит не верящих...

Якоб принял свиток.

— Хорошо, отец, я обещаю это сделать.

— Я всю жизнь прожил среди книг, не касаясь забот сегодняшней жизни. Этому же я учил и Пулата. Я думал, это поможет ему избежать кинжалов убийц и обрести душевный покой... Наверное, я ошибался... И не иначе как Аллах заставил Пулата на тридцать пятом году своей жизни избрать иной путь... Аллах милосердный, милостивый всегда прав. Позволительно ли человеку отвернуться от несчастий народа, если он в силах ему помочь? Я сомневался в этом, но Аллах развеял мои сомнения благодаря моему ученику... Ибо судьбы живущих дороже мертвых книг...

* * *

Что же происходило в действительности?

Тройной зякет, наложенный Худояром, вызвал решительный протест кочевников. Сначала они выразили его

пассивно: 20 000 кыргызских и 10 000 кыпчакских юрт откочевали к Кашгар-Давану, в местности Кирлик и Хазараты, считавшиеся неприступными для ханских войск. Однако пронырливые зякетчи добрались и туда. Застигнутые врасплох кыргызы просили у начальника зякетчи семидневной отсрочки для выплаты. Начальник, совершивший такой долгий вояж по неприветливым горам, не собравший и половины ожидаемого, разъярился:

— Ни одного дня! — кричал он. — Я научу вас уважать ханскую волю!

— Но тогда ты не получишь требуемого, — отвечал айильный аксакал Оморбек-бий. — Мы просто не успеем.

Его поддержали другие аксакалы. Зякетчи совсем обезумел.

— Хватайте их! — закричал он стражникам. — Хватайте всех крикунов!

Стражники тотчас сцапали Оморбека и еще нескольких, скрутили им руки за спиной.

— Эти возмутители тишины и губители спокойствия будут доставлены в урду, где их на площади посадят на кол! В назидание другим! Это я вам обещаю!

В толпе поднялся ропот, раздались проклятья в адрес зякетчиков.

— Бейте этих собак! — взревел начальник, впав в неистовство.

Джигиты принялись угощать камчами впереди стоящих. Раздались вопли, ругань, однако толпа попятилась. Внезапно раздался звонкий девичий голос:

— Эй, люди! Что же вы терпите? Можно ли назвать вас после этого мужчинами?

— Бейте собак! — зло кричал зякетчи. — Пусть собаки знают свое место!

Но в настроении толпы уже произошел перелом. Люди по-настоящему обозлились. В ответ на удар камчой кто-то огрел стражника палкой и свалил с седла. И началась

¹⁰ Том XV. В. М. Плоских

потасовка. На помощь своим отовсюду бежали. Сипаи, бросив камчи, начали стрелять в толпу. Но теперь ее уже нельзя было остановить...

На месте побоища остались зякетчи и четверо сипаев, остальные ускакали. Кыргызы потеряли шестерых.

— Теперь обратного хода нет, — сказал Оморбек-бий. — Теперь Худояру-собаке объявляется война!

Худояр-хан, узнав о случившемся, отдал приказ беку ближайшего к бунтовщикам горного укрепления выступить с войском. В сражении комендант-бек и его отряд сложили головы.

Худояр-хан разгневался. Он вызвал своего лучшего полководца Абдурахмана Афтобачи:

— Возьми 1000 сипаев и накажи непокорных.

* * *

В это же время и по той же причине восстали кочевники Андижанского вилайета: племена мундуз, кушчу, басыз, багыш и карабагыш. Их возглавил Мамыр Мергенов. Несколько тысяч конников двинулись к городу Ханабаду и заняли его без боя. Оседлое население открыло им ворота.

* * *

Между тем события в Кирлике и Хазараты продолжали развиваться. Через своих посланцев Абдурахман Афтобачи предложил вождям восстания встретиться. Авторитет полководца, главы кыпчакских племен, был очень высок и кыргызские старейшины (Оморбек, Бердибек, Каратай и др.) согласились.

— Худой мир лучше хорошей ссоры, — убеждал их Афтобачи. — Хан мусульманин и вы мусульмане, зачем же враждовать?

— Но подати, которые наложил хан, превосходят всякую меру!

— В этом виноваты русские. Они забрали половину ханства и теперь собирают доходы в пользу Белого царя. Ханская казна пуста... Что остается делать хану?

— Э-э! Каждый должен протягивать ноги по длине своего одеяла. А Худояр-хан, потерявший земли, хочет теперь с двоих собрать то, что раньше брал с шестерых.

— У него в урде плохие советники... Выберите достойных и красноречивых, пусть они отправятся в Коканд и поговорят с ханом. Должен же он понять...

— А что будет порукой? А если хан не выслушает и прикажет посадить наших выборных на кол?

— Я останусь с вами. Порукой будет моя голова, — ответил Афтобачи.

На том и порешили. Выбрали сорок уважаемых аксакалов и отправили в Коканд. Афтобачи остался заложником.

Но Худояр-хан даже не принял послов. По его приказу все они были обезглавлены в урде.

У Худояра был свой расчет: он надеялся, что кыргызы не выпустят Афтобачи живым. Хан боялся своего полководца и не доверял ему.

Возмущенные кочевники окружили лагерь кокандцев, а их предводители явились к палатке полководца.

— Выходи, лжец! Где твои обещания? Чем ты расплатишься за жизнь наших людей?

Абдуррахман вышел. На его шее висела боевая прославленная сабля — знак покорности. Толпа оторопела. Афтобачи низко склонил голову и долго стоял молча, а когда поднял лицо, по его щекам катились слезы.

— Братья! — сказал он. — Я скорблю вместе с вами и посыпаю голову пеплом. Теперь вы вправе убить меня. Видимо, повелитель Коканда именно на это и рассчитывал, когда приказал лишить посланников жизни. Я в ваших руках. Поверьте, с моей стороны не было никакой хитрости. Я только хотел избежать кровопролития. Иначе, разве бы я подал вам такой совет, а после этого остался среди вас?

Кыргызские вожди, посоветовавшись, пришли к такому же выводу: Абдуррахман прав, Худояр их руками хочет уничтожить кыпчакского вождя и тем самым смертельно рассорить кыргызов и кыпчаков. Не бывать этому!

И Абдуррахмана отпустили целым и невредимым вместе с его сипаями.

* * *

Тем временем хан спешно двинул войска к Ханабаду. В ожесточенном сражении плохо организованные и еще хуже вооруженные повстанцы были разбиты. Потеряв убитыми триста человек и множество пленных, они отступили в горы. Их упорно преследовали правительственные войска. Пленных по приказу хана разделили на группы по пять-семь человек. Заняв кишлак, очередную группу сажали на кол — «для назидания и устрашения». Мамыр Мергенов со своими ближайшими родичами из племени мундуз (всего 2700 юрт) ушел через горы в русские владения, на территорию Токмакского уезда, — в Тогуз-Торо и Кетмень-Тюбе.

ПУЛАТ-ХАН – ПОЛКОВОДЕЦ

Во всем обширном Кокандском ханстве только самые близкие люди знали подлинного Пулат-хана. Он жил тихо и неприметно, погруженный в свои книги; для всего остального мира след потомка Алим-хана затерялся на дорогах жизни и слух о нем, казалось, заглох навсегда. Да и кому был нужен отпрыск свергнутой династии, когда на престоле сидел прямой потомок другой царствующей ветви? Простым людям было не до придворных интриг, им хватало своих забот! Представители же феодальной верхушки вспомнили о Пулат-хане лишь тогда, когда потребовалось найти кандидата для противостояния Худояр-хану.

И потому, когда самозванный Пулат-хан в сопровождении двухсот джигитов появился на Чаткале и об этом распространился слух, никто не усомнился в подлинности носителя столь громкого имени. Абду-Мумин, Ширдатха, Сулайман-удайчи и Мусабек, верные клятве, никому не проговорились, даже самым близким. Никто не знал в лицо истинного Пулата, поэтому все сошло гладко. Весь этот край — долины рек Ала-Буки, Урюкты и Касана — сердечно приветствовал вождя, пришедшего возглавить борьбу с ненавистным Худояром.

В короткий срок под знаменем Пулат-хана собралось ополчение в несколько тысяч человек. Восставшие заняли кишлаки Ала-Бука, Ахтам, Нанай, Кок-Яр, Мамай и Сафит-Булян. Их амины и аксакалы признали власть Пулат-хана.

Новый вождь начал действовать как опытный полководец. Стремительно заняв кишлак, он двинул войска к Намангану. Слух об успехах повстанцев распространялся

мгновенно, как пламя пожара, сея тревогу. Наманганский бек, собрав подручных, выступил навстречу повстанцам быстрым маршем.

Но чем ближе подходили каратели к горам, тем медленнее становилось их движение. Многочисленные лазутчики приносили неутешительные вести: повстанцев — тьматмушная, все жители на их стороне.

Заняв кишлак Сафит-Булян, беки стали лагерем между ним и кишлаком Ала-Бука.

— Надо хорошенько разведать силы и намерения бунтовщиков, — решили они на военном совете. — Нельзя прыгать с обрыва, если не знаешь глубины пропасти.

Два дня стояли правительственные войска. На третью ночь страшный шум поднял на ноги уснувший лагерь. Враг напал!

Как это всегда бывает при неожиданном ночном нападении, страшная неразбериха перешла в панику. Сипаи и сарбазы метались по лагерю: кто ловил коней, кто просто бежал сломя голову; командиры, надрываясь, скликали своих подчиненных; отовсюду слышались конское ржание, дикие крики, стрельба из ружей; то там, то здесь вспыхивал и гас огонь. Беки, выскочив из юрт, в окружении телохранителей, тщетно пытались разобраться в происходящем.

Шум окончился так же внезапно, как и начался: нападающие исчезли.

Утром глазам беков предстала печальная картина: несколько десятков убитых, еще больше раненых, угнана часть коней, опрокинуты юрты, сожжены и порваны палатки... Беки подозревали, что большую часть урона нанесли себе сами доблестные ханские воины. В кромешной тьме, спросонья, немудрено потерять голову...

Зато в повстанческом лагере царило ликование. Первый бой оказался удачным! Вылазкой руководил Пулат-хан. Теперь он разъезжал на аргамаче под приветственные крики своих джигитов и на довольном его лице играла

улыбка. В ночном бою он получил скользящий удар пикой в голову, которая содрала только кожу. Но повязка на лбу, сквозь которую проступила кровь, говорила сердцу бесхитростных людей многое. Их вождь — настоящий батыр, не знающий страха; он сражается как лев. С этого боя и пошла слава Пулат-хана как неустрашимого воителя, бьющегося в первых рядах войска. Древние старики еще в начале XX века рассказывали легенды о своем знаменитом предводителе.

На следующий день, наведя порядок, озлобленные беки двинули отряды на реку Ала-Бука, где находился лагерь повстанцев. Однако застать победителей врасплох им не удалось. Опытный Абду-Мумин загодя занял удобную позицию вдоль глубокого оврага с обрывистыми склонами. Ханские войска подошли вплотную к этому оврагу. С обеих сторон началась энергичная словесная перепалка: проклятий, оскорблений и худых выражений никто друг для друга не жалел. Однако ни одна сторона не решалась перейти овраг на глазах неприятеля.

Так простояли несколько дней. И на той, и на другой стороне оврага варили в казанах похлебку, изредка палили из ружей.

На военном совете Пулат-хан сказал, что так продолжаться не может: к бекам в любой момент явится помощь и тогда их не одолеть.

— Наши люди воодушевлены первой победой. Надо повторить такую победу! Иначе мы без пользы съедим припасы, а постоянно пополнять их из ближних кишлаков нельзя: мы не должны брать пример с алчных зякетчи. Если не будет победы, люди в конце концов разбредутся.

— Ишь ты, — тихонько проворчал глава рода дёёлёс Мырзакул, — юнец нас поучает! Вчера из яйца вылутился, а сегодня ему уже скорлупа не нравится.

— Истинно! — поддержал Пулата Абду-Мумин. — Но гнать людей через овраг равносильно гибели. Наши

джигиты возропщут, могут послушаться. Мы сделаем по-другому: я кликну охотников. Если они и сложат головы, обижаться их родственникам будет не на кого.

На другой день чуть ли не половина повстанцев начала спускаться в овраг. Их повел сам Пулат-хан. Оставшиеся подняли неистовый визг, стрельбу из «мултыков».

Ханские сарбазы не ожидали ничего подобного. Эти доблестные воины служили в спокойном Намангане, исправно получали жалованье, содержали семьи — и вдруг война. Ни с того, ни с сего надо сражаться и умирать. Аллах велик! Конец благополучной, безмятежной жизни! А эти бунтовщики совсем озверели, от них ждать пощады нечего.

И ханские войска ударились в бегство.

Историк пишет: «При виде такой отваги (нападающих) беки одними из первых пустились наутек; за ними бежали их войска; кыргызы бросились в погоню, догнали задних и перебили их».

Такой поворот дела заставил вмешаться самого Худояра. По его распоряжению все войска из городов Намангана, Тюре-Кургана и Яны-Кургана выступили навстречу кочевникам. Особенно беспокоило хана то обстоятельство, что во главе бунтовщиков стоит его родственник, имеющий право на престол.

— Откуда он взялся, этот Пулат? — грозно спрашивал хан у своих приближенных. — Почему мне раньше не донесли? И почему он вообще еще жив?

Придворные низко кланялись, избегая смотреть хану в глаза, и бормотали что-то неразборчивое.

На этот раз военачальники действовали осмотрительно. На марше от главной колонны во все стороны высылались дозорные отряды, которые хватили всех подозрительных. Ночью лагерь бдительно охранялся: половина сипаев отдыхала, другая находилась в полной боевой готовности.

Повстанцы же, воодушевленные двойной победой, доставшейся без особого труда и потерь, утратили всякую

осторожность. Главнокомандующий Абду-Мумин был, если так можно выразиться, единственным кадровым военным из всех вожаков. Он был опытным рубакой, хорошим сотником, но плохим полководцем. Столкнувшись с ханскими войсками, он бросил нестройные толпы своих бойцов, вооруженных пиками, боевыми топориками и дедовскими саблями, прямо на залпы сарбазов. Не помогло ни воодушевление, ни отчаянная храбрость. Пули скосили первые ряды атакующих, несколько медных пушек довершили дело. Атака захлебнулась, повстанцы начали отступать, а когда на них бросилась многочисленная конница, в панике побежали.

Разгром был полный. Сам Пулат-хан в сопровождении Абду-Мумина и ближайших сподвижников едва ускользнул от погони.

...Пробирались узкой горной тропой. Пулат ехал молча, в страшном отчаянии. Абду-Мумин старался утешить своего питомца:

— Дорога войны извилиста и коварна. Сколько раз мы с ляшкарбеги Алымкулом терпели неудачу, но приходил новый день и удача оборачивалась к врагам спиной, а к нам — своим блистательным ликом. Не надо отчаиваться, мой хан. Борьба лишь начинается. Ты еще только расправляешь крылья...

Маленький отряд уходил все дальше в горы. Вырывались из-под копыт камни и с шумом скатывались в пропасть...

Жестокому грабежу подверглись айылы племен кутлук-сейид и найман. Сипаи неистовствовали. Но приказ Худояр-хана — доставить ему претендента живым или мертвым — выполнить не удалось.

Ханские каратели зверствовали повсюду. На Чаткале и Ляйляке, Алабуке и Кара-Кульдже дочиста грабили и сжигали кыштаки и айылы, не успевшие откочевать. Хан приказал не щадить никого; самыми жестокими мерами

он рассчитывал подавить бунт в самом начале, главное — нагнать страху.

Но вышло наоборот. «Посеешь ветер — пожнешь бурю». Кыргызы и кыпчаки, собравшиеся в Кирликке и Хазаратах, двинулись с гор в Фергану. Выступившие навстречу правительственные отряды были наголову разбиты.

В июле 1873 г. повстанцы заняли г. Узген и крепость Сук, где тайно хранилась часть ханской казны. Выступивший против них маргеланский бек Мурадбек (родной брат Худояр-хана) потерпел неудачу: часть его войска перешла на сторону повстанцев, часть разбежалась, а с остальными он вынужден был отступить.

В течение июля и августа повстанцы захватили города и крепости Касан, Ош, Сузак, Уч-Курган, Тузак-баши, Булак-баши. Гарнизоны были разгромлены, беки бежали. Булак-башинскому беку, не успевшему унести ноги, воткнули жердь в рот. Комендант крепости Сук Алимбек тоже был казнен.

Жители городов и кишлаков (узбеки и таджики) переходили на сторону восставших. И не раз именно с их помощью удавалось открыть ворота и взять крепость. Начальник Ходжентского уезда Эйлер докладывал Колпаковскому в телеграмме от 3 августа 1873 г.: «В Коканде снова вспыхнуло восстание. Кыпчаки, кыргызы вследствие жестокостей хана поднялись повсеместно. Андижан оставлен кокандцами. Худояр неизвестно где скрывается».

Хан послал против восставших Абдуррахмана Афтобачи и Исы-Аулие с 5 тысячами сипаев.

Кыпчаку Афтобачи очень не хотелось сражаться с собственным народом: так можно потерять весь авторитет. Но и не сражаться нельзя: можно потерять голову.

Выручили сарбазы и сипаи, которые в основном были теми же кыпчаками и кыргызами. Более половины войска (3000 из 5000 человек) перешли на сторону повстанцев.

Несколько десятков были убиты, триста человек взяты в плен. А многие просто разбежались.

С горстью преданных ему воинов Абдуррахман, втайне довольный, спешно отступил и заперся в крепости Тюре-Курган, где во всеуслышание, с горькими упреками в адрес изменников (чтобы дошло до хана) сложил с себя полномочия командующего. Самым близким и доверенным людям он сказал:

— Я что-либо стою, когда за моей спиной — мой народ, многие отважные роды. Пойти против них — значит остаться в одиночестве. И негде будет найти опору, когда мой главный враг захочет посадить меня на кол...

Кто главный враг Абдуррахмана, доверенные и проверенные люди знали...

Худояр же скрывался (не любил рисковать, как писал Эйлер), но действовал из укрытия энергично. Своему брату Мурадбеку он устроил разнос, после чего дал новое войско:

— Попробуй только выпустить победу из рук! Может быть ты не знаешь, но я знаю, что с тобой сделаю! Разве ты еще не понял, что судьба рода минг висит на острие сабли?

Напрасно хан так говорил: Мурадбек отлично представлял, что с ним сделает братец,

И он объявил войскам:

— Мы должны победить. Все имущество побежденных — ваше. После победы вы будете жить не хуже беков.

В сентябре 1873 г. ему удалось несколько раз нанести поражение восставшим. Особенно сильный удар они получили при Тюре-Кургане, где все еще отсиживался дальновидный Абдуррахман Афтобачи. Повстанцы потеряли кроме убитых множество пленных.

И началась дикая расправа в духе Худояр-хана. Пленных четверговали, рубили головы, вешали на деревьях. В городе Ассаке 270 пленных по личному приказу кокандского

владыки были посажены на кол. Видно, у Худояра, как у пресловутого Дракулы, это был излюбленный способ казни.

Среди погибших были и вожди повстанцев Оморбек, Бердибек, Каратай и другие.

Преследуя разбитые под Ханабадом повстанческие силы, каратели проявляли невиданную жестокость. Историк пишет: «Остатки разбитых сил повстанцев рассеялись по труднодоступным местам Тянь-Шаня и Памира-Алая, неся при этом во время спешной откочевки огромные потери в скоте. Среди некоторой части повстанцев наметились признаки паники и неверия в свои силы. Но в целом они оставались по отношению к Худояр-хану по-прежнему непреклонными».

СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ

В это тяжелейшее время многие южные кыргызские роды обратились к царской администрации с просьбой о принятии их в русское подданство.

В ноябре 1873 г.¹ депутация от кыргызских беженцев обратилась через начальника Ходжентского уезда подполковника Нольде к военному губернатору Сыр-Дарьинской области генерал-майору Эйлеру со следующим письмом: «Хан начал поступать против шариата, за это мы, не вынеся несправедливости, ограбили его зякетчи. Худояр послал к нам войска свои, от которых мы убегали в горы, оставив наши кочевья. Но ханский военачальник успел захватить у нас 270 человек в плен, привез этих детей гор в г. Ассаке и по приказанию хана всех велел посадить на кол. Тогда мы собрались и объявили себя врагами хана...

Мы послали наших кыргызов Куль-Махамета и Комбар Серкера к токмакскому старшине Шабдану Джантаеву

¹ Нужно сказать, что еще до 1873 г. подданные кокандского хана — и не только кыргызы — не раз обращались к русским с просьбой о помощи. Например, в 1871 г. в г. Верный прибыл некий Ахмед-ходжа с прошением, под которым стояли подписи 50 почетных людей следующих городов и кишлаков: Намангана, Туза, Касана, Чартака и Уварзака. Колпаковский доложил об этом начальству так: «Я объявил Ахмед-ходже, что просьба его не может быть принята, ибо могущественный государь сам не желает увеличивать свое государство за счет владений кокандского хана и повелел главному начальнику своих азиатских провинций сохранить к кокандскому хану мирные отношения до тех пор, пока... хан Худояр и его преемники будут ценить столь неограниченное внимание к себе Великого государя русского».

с просьбой быть нам другом и просили его также передать токмакскому майору, что мы желаем быть ему друзьями.

Просили мы также майора, чтобы он дал нам совет, что нам делать и что мы будем поступать так, как он нам скажет.

Майор велел нам передать, что если мы хотим войска, то они нам его дадут. Потом сам Шабдан-батыр к нам приехал и сказал, чтобы мы сделали начальником над собой Мичи-бия. Мы так и сделали, затем он нам сказал, чтобы мы взяли Андижан — поэтому мы дрались с войсками хана».

Делегаты просили покровительства. Какая же была резолюция туркестанских властей? Генерал-майор Эйлер доложил исполняющему обязанности генерал-губернатора Колпаковскому, что он «...предложил барону Нольде выслать кыргызов, доставивших письмо инсургентов, и иметь строгое наблюдение за нашей границей». Колпаковский в свою очередь докладывал по инстанции: «Со своей стороны, одобрив распоряжение генерал-майора Эйлера, я предложил и. о. военного губернатора Семиреченской области проверить заявление депутатов о сношении их через Шабдана Джантаева с токмакскими кыргызами и, будь это окажется справедливым, немедленно их прекратить, и если у Шабдана Джантаева есть какая-либо переписка с депутатами, то отобрать ее и предоставить ко мне».

Получив предписание Колпаковского, военный губернатор Семиреченской области переправил его начальнику Токмакского уезда и присовокупил, что «сие надлежит исполнить безотлагательно».

Выполнить распоряжение можно было двумя путями: или вызвать Шабдана к себе, или поехать к нему.

Токмакский уездный начальник подполковник Лисовский был человек рассудительный. Если вызвать к себе, то: 1) будет нанесена обида знаменитому манапу-батыру, вызов приравняет его к обыкновенным подданным, между

тем, он — личность неординарная и многократно отличался перед российским престолом; 2) вызвав Шабдана (а он придет, конечно, со свитой), придется ставить угощение, а это такие расходы!

Напротив, если начальник сам отправится в кочевье, то: 1) будут оказаны почет и уважение популярному кыргызскому старшине; 2) угощение вынужден будет ставить Шабдан, а он славится хлебосольством.

И начальник «безотлагательно» поехал в Чон-Кемин, где в то время стоял айыл Шабдана Джантаева.

Шабдану было тогда 33 года, но он уже прогремел как великий батыр. О его ташкентских подвигах акыны слагали песни, а за спасение отряда майора Загряжского русское правительство наградило его золотой медалью и почетными халатами. Потомок знаменитого Атаке, Шабдан, правил половиною сарыбагышей — сильнейшего северокрыргызского племени. Акыны пели: «Владения Шабдана — это бесчисленные горы с высокими елями и снеговыми шапками на вершинах. Это джайлоо с густой сочной травой. Это долина Чон-Кемина, где стоят богатые айылы. Неисчислимы отары овец и табуны лошадей, принадлежащие Шабдану. И также неисчислимы джигиты, садящиеся в седло по одному его слову».

О его храбрости и находчивости в бою, о его благородстве, простоте и щедром гостеприимстве люди передавали друг другу нескончаемые рассказы. Вот каков был человек, к которому ехал рассудительный уездный начальник.

Встреча, как говорится, превзошла все ожидания. Лишь на третий день начальник, держась за голову, приступил к своим прямым обязанностям и чистосердечно поведал гостеприимному хозяину о предписании.

Шабдан выслушал, вышел и скоро вернулся с грамотой-письмом в руках.

— Все так было, как ты рассказываешь. Вот письмо, присланное с юга. Больше ничего нет, остальное я говорил

и делал, но ведь ни слово, ни дело не вернешь назад. Что думаешь предпринять?

— Ничего, — ответил уездный начальник. — Только уж ты, Шабдан Джантаевич, не ввязывайся больше в кокандские дела. Как подданный русского царя ты обязан выполнять распоряжения его высших чиновников. Не подведи, мил-друг. Ты-то в любом случае останешься при своем богатстве, а если меня выгонят со службы, куда пойду?

— Хорошо! — отвечал Шабдан. — Только запомни и ты, мил-друг, пройдет совсем небольшой срок и вы начнете войну с Кокандом! Это так же неизбежно, как неизбежен чих у человека, в нос которому попала зола. Вы никуда от этого не денетесь! Аллах так решил. И когда начнется война, помани мое слово, — тогда позовут Шабдана и отправят на эту войну..

* * *

Продолжим рассказ о кыргызских беженцах. В декабре 1873 г. Колпаковский доносил военному министру: «...В течение сего лета кокандские кыргызы, в числе 1700 кибиток, перекочевали из окрестностей Андижана в Токмакский уезд Семиреченской области и просили их принять в русское подданство». О том же самом просили еще несколько сот семейств, бежавших в Аулие-Атинский уезд.

Часть повстанцев во главе с Мамыром Мергеновым обратилась к токмакскому уездному начальнику с той же просьбой. Ответ так долго затягивался, что Мамыр не вытерпел и ушел в Кашгар в надежде получить помощь оттуда.

Решение туркестанской администрации во всех случаях было одним — отказать. Так строжайше предписывал Петербург. Царское правительство больше не желало расширять свои азиатские владения по ряду причин. Во-первых, все три среднеазиатских ханства (Бухара, Хива, Коканд) стали вассалами Российской империи, т. е. фактически частью ее самой. Во-вторых, открытое продвижение

русских на юг вызвало бы международный скандал, дипломатические осложнения с английской колониальной империей. Англия ревниво следила за действиями России в Азии. Англичане боялись за Индию — «жемчужину короны» и готовы были на все, лишь бы не подпустить к ней великие державы на опасное расстояние. Были и еще некоторые моменты.

Вот почему туркестанские власти получили предписание: никаких посягательств на территорию ханства или на ее подданных!

В результате туркестанский генерал-губернатор отдал приказ: не только отказывать в подданстве беглецам, но и возвращать их туда, откуда явились.

Худояр-хан со своей стороны писал: «Вследствие существующего между нами единогласия... покорнейше прошу Вас, ради знакомства и дружбы со мной... сделать распоряжение о возвращении на прежнее место жительства кыргызов, удалившихся с имуществом и скотом в настоящем году и раньше... Так, в случае, если Ваши кыргызы перейдут в мои владения, то также будет приказано вернуть их обратно. Обе стороны должны следовать одинаковому образу действия».

Исполнявший обязанности генерал-губернатора Колпаковский учтиво отвечал: «Из дружбы к Вашей светлости и согласно Вашему желанию я приказал весной настоящего (т. е. 1874 г. — А. Г.) года обратно направить в Коканд кыргызов, перекочевавших в Токмакский уезд. Я надеюсь, что... простите им проступок, т. к. Вы несколько раз сообщали мне, что по возвращении они наказываемы не будут и никакого насилия и притеснения не потерпят».

А вот документ, показывающий, какую встречу насильно возвращенным кыргызам уготовил Худояр-хан:

«1874 года, мая 29. Прощение кыргызов мундуз, кошчи, басыз и адыгене токмакскому уездному начальнику

¹¹ Том XV. В. М. Плоских

подполковнику Лисовскому о защите от кокандцев и разрешении кочевать на землях уезда.

По приказанию губернатора Колпаковского мы возвращались обратно, но через 13-ть дней по воле Худояр-хана мы были расчехарены (т. е. ограблены) на урочище Масы 2000-ным войском... увезли у нас связанными 40 человек... трех наших людей да Ирбека-Садыка и Батыр-баши казнили, отрезав головы; увели 120 лошадей, 5 верблюдов, 30 коров, 130 баранов и ограбили у 450 кибиток бесчисленно много имущества, после чего мы бежали на ур. Куребаш; они снова, преследуя нас, захватили четырех человек и 90 лошадей с седлами, после чего мы разбежались по горам и на третьи сутки собрались, чтобы идти на ур. Капка, где получили письмо от батыр-баши Ахмедбека (начальника сипаев. — А. Г.) с предложением о захвате наших людей бия Садыка, Наная и Итынджана. Дабы слова наши не показались ложными, господину начальнику для видимости посылаем письмо Ахмедбека.

Возвращаться в Андижан не можем, боясь, что нас казнят; а посему сообщаем об этом Вам, в чем прибывшие из Андижана почетные люди прилагаем свои печати».

А вот прошение на имя Г. А. Колпаковского от 2000 юрт рода мундуз-ият:

«Как мы, так и наши доверители в 1873 г. откочевали от Кокандского ханства в Туркестанский военный округ, дабы спастись от преследования кокандского хана, который немилосердно казнил наших кыргызов и грабил наше имущество. Мы поселились недалеко от города Токмака, в Кетмень-Тюбе и Тогуз-Торо, но тут нас начали притеснять и гнать жившие там кыргызы родов Кепимбека и Чоро-Боотай. Мы, не желая возвращаться в Кокандское ханство, где нас немедленно ждет смерть, просим ходатайства Вашего перед Императорским Величеством Государем Всероссийским о принятии нас и наших доверителей

под свое высокое подданство, об отводе нам и нашим доверителям места для кочевки...».

Историк пишет: «Стремление кыргызов к переходу в русское подданство тогда стало настолько известным, что оно даже нередко освещалось в прессе. В газете «Голос» от 12 июля 1874 г. сообщалось: «Южные кыргызы попытались, прежде всего, искать помощи у русских, и летом прошлого года изъявили свое желание принять русское подданство». Но политика царского правительства по отношению к восставшим против Худояр-хана кыргызов оставалась прежней. В подданство России кыргызы не принимались. Сам Колпаковский прямо сказал, что повстанцы «...не могут ждать от нашего правительства какой-либо даже нравственной поддержки».

В этих условиях в сознании южных кыргызов по отношению к России начал происходить перелом — от глубокой симпатии к недоверию и враждебности.

ВЕСНА В КОКАНДЕ (1874 г.). ЗАГОВОР

Пока Якоб Дитрих колесил по дорогам Коканда, пытаюсь найти отряды Пулат-хана, произошли, как мы видим, трагические перемены. Повстанцы были разбиты, Пулат-хан исчез.

Всю осень и зиму 1873—1874 гг. Якоб кое-как перебивался в Коканде, добывая на хлеб тем же ремеслом, что и в Маргелане. Он, в сущности, зарабатывал неплохо, но львиную долю отбирали ханские сборщики.

Как-то, уже весной, он случайно познакомился в караван-сараях с российскими купцами (сибирскими татарами) и поведал им о своих мытарствах.

— А ты отправляйся прямо в урду, к самому Худояру, — посоветовали они. — Объясни, что ты российский подданный. Хан даст тебе какую-нибудь должность при дворе. А при дворе никто не голодает.

Якуб удивился:

— С какой стати примет меня хан? Я — маленький человек.

Купцы объяснили:

— Мы тоже маленькие люди, а хан принял нас. Конечно, подарки ему поднесли. Хан ведь в дружбе с Государем Императором. Он очень боится русских и не осмеливается причинить им вред. Сходи, послушай доброго совета.

* * *

Худояр-хану доложили, что какой-то «орус» желает «припасть к подножию трона». Хану было скучно.

На фотографиях была снята урда – ханский
кремль-дворец, парадные ворота

— Пусть войдет.

Вошел Якоб — в русской одежде, белолицый, рыжеватый, голубоглазый и на чистом узбекском языке стал приветствовать хана в цветистых восточных выражениях, сопровождая их поклонами.

— Что привело подданного Белого царя ко мне?

— Хочу служить великому хану.

Худояр подозрительно посмотрел на пришельца:

— Есть ли у тебя на то разрешение Белого царя?

— А разве требуется разрешение? Ведь Белый царь и хан Коканда находятся в дружбе.

— Что ты умеешь делать?

— Я фельдшер, то есть лекарь... Могу лечить придворных великого хана или его коней. Но главное мое занятие — делать вот такие рисунки.

И он протянул пачку фотографий. Тотчас подбежал кто-то в парчовом халате, выхватил их из рук и с глубочайшим поклоном передал хану.

На фотографиях была снята урда — ханский кремль-дворец, парадные ворота. На других — кокандские мечети, караван-сарай и другие примечательные сооружения. Хан рассматривал с любопытством.

— Я могу делать также портреты людей так искусно, что их не отличить от живых: только что не могут говорить.

— Значит, ты художник... Но Коран запрещает изображать живые существа...

— Каждое слово хана — истина! И все же в древних книгах есть изображение султанов и эмиров. Благодаря чему их облик остался навеки запечатленным для потомков.

Худояр с интересом поглядывал то на оруса, то на фотографии.

— Иди. Мы подумаем.

Не прошло и недели, как Якоба призвали в урду. На этот раз скучающий правитель Коканда снизошел до милостивой и долгой беседы с «неверным». Он расспрашивал

о России, о западных странах, которые представлял весьма смутно; о войсках русского царя, о намерениях русских на Востоке. Якоб, сроду не интересовавшийся политикой, обо всем этом тоже знал смутно и отвечал как мог. Когда же разговор коснулся торговли и промышленности, то собеседники заметно оживились. Якоб расписал в ярких красках знаменитую нижегородскую ярмарку, рассказал о фабриках и заводах, на которых трудится множество людей.

Словом, беседа прошла отлично, оба остались довольны друг другом. Хан милостиво объявил, что принимает русского на службу, и Якоб тут же получил свое первое жалованье: какой-то придворный чин набросил на его плечи весьма богатый халат...

При выходе из дворца Якоб лицом к лицу столкнулся с Фулат-беком.

— Капыр? — поразился тот. — Что ты здесь делаешь? — Глаза его расширились: он увидел на плечах капыра почетный халат.

— Как видишь, я поступил на службу к хану, — надменно отвечал Якоб.

— И на какую должность?

— А ты спроси у дворцового управителя. — И Якоб двинулся мимо. Но Фулат-бек преградил ему путь и начал торопливо-заискивающе:

— Уважаемый! Прости меня. Я раньше ошибался. Если хан приблизил тебя к себе, значит Аллах того хочет. Ты и живешь во дворце? И можешь ежедневно лицезреть повелителя?

— Пока еще нет, — отвечал Якоб. — Я живу в караван-сараях у ташкентских ворот.

— Да разве приличествует такому уважаемому человеку, которого отличил сам хан, ютиться в каком-то грязном караван-сараях?

— Там действительно особой чистоты нет...

— Знаю я этих караван-сарайщиков! Воры и обдиралы! Пожалуйста в мой дом, уважаемый! Я живу совсем недалеко от урды — очень удобно ходить на службу! Любая комната в вашем распоряжении! И платы никакой не надо! Не откажите! Я хочу загладить свою вину перед вами!

Якоб подумал-подумал... Слова Фулат-бека звучали искренне... И он согласился.

Так началась служба во дворце. Теперь Якоб представлял себя героем арабских сказок, действующим в Багдаде, при дворе Харуна-аль-Рашида. Будущее казалось ему исполненным волшебных тайн.

* * *

Недовольство Худояр-ханом настолько широко охватило кокандское общество, что проникло даже в придворные круги. Составился заговор, во главе которого встал Батырхан, родной брат второй жены Худояра, от которой у него был взрослый сын Мухаммед-Амин. Дом Батырхана стоял рядом с домом Фулат-бека, служившего сотником (юзбаши) в городской страже: он тоже участвовал в заговоре. А Якоб Дитрих поселился в избушке-мазанке у дувала, разделявшего усадьбы соседей. И вот с некоторых пор он стал замечать, что из дома в дом шныряют подозрительные люди: одеты бедно, а лица и руки — холеные, животы большие — такие не наживешь, махая кетменем... Видно за версту, что дело нечисто.

«Жулики», — решил Якоб и перестал о них думать.

Однажды Якоб, придя в дом Фулат-бека к вечеру, увидел во дворе множество лошадей у коновязи. Судя по красоте скакунов и богатству седел, приехали знатные гости. «На той», — подумал Якоб и ушел в мазанку — гости его не интересовали.

Рано утром Якоб вышел во двор, чтобы умыться холодной водой. В это время двери хозяйского дома раство-

рились и оттуда поспешно стали выходить ночные гости. Они быстро разобрали коней и уехали.

Проводив их и закрыв ворота, Фулат-бек лицом к лицу столкнулся со своим постояльцем и даже вскрикнул от неожиданности и испуга:

— Что ты тут делаешь?

— Да вот, хотел совершить утреннее омовение, да все ждал, пока твои знатные гости разъедутся: не умыться же при них. Особенно при Батыр-хане, шурине самого Худояр-хана, который вышел последним.

Фулат-бек словно окаменел, «Знает, не знает?» — лихорадочно размышлял он и долго смотрел на мазанку, в которую удалился ничего не подозревавший Якоб. — «И зачем я пустил к себе этого нечестивца? Убить?...».

* * *

Да, в эту ночь собирались заговорщики, чтобы все решить окончательно. Здесь были уважаемые купцы, чьи караваны ходили в Ташкент, Хиву и Кашгарию; представители кыпчак-кыргызской кочевой знати — за каждым стояли сотни и тысячи всадников; сановники, занимающие важные придворные посты, — рысалчи, достарханчи и т. д. Присутствовали и беки крепостных гарнизонов, рассеянных по предгорьям.

Батыр-хан говорил:

— Я пригласил вас, чтобы решить дело, которое нельзя откладывать на завтра. Пусть выскажется каждый.

Первым высказался предводитель кочевников Рыскул-бек-датха:

— Уважаемый меджлис! То, что я скажу, носит в сердце каждый. К великому прискорбию наш повелитель Бахадур-Худояр-хан перестал быть истинным мусульманином. Он нарушает шариат, и законы, данные пророком, попираются без стыда. Можно ли терпеть такое?

Бек одной из горных крепостей сказал:

— Воистину алчность хана беспредельна! Тройные подати — дело неслыханное в семи мирах! Во вверенном мне бекстве кочевники готовы восстать хоть сегодня, ибо всякий будет защищаться, если на его дом нападут разбойники.

Другой бек сказал:

— Раньше мы брали зякет, установленный шариатом, тихо и спокойно. Положенное отправляли в казну, оставалось и нам для прокормления. Теперь же кочевники, спасая имущество, откочевывают вглубь неприступных гор, бросают богатые пастбища и уходят на бесплодные сырты. Вокруг моей крепости за целый день пути не встретишь живого человека.

Третий бек сказал:

— Если народ платит молча — это хорошо; если платит и ропщет — это уже хуже. Если отказывается платить сверх меры и начинает бунтовать — это совсем плохо, тут самое время остановиться и подумать. Если же весь народ взялся за оружие и ведет с правителем войну, словно со вторгшимся врагом, такой правитель больше не может быть правителем. Мои сарбазы — без жалованья и средств к существованию, ибо у ограбленных людей больше нечего взять!

Поддал голос один из самых уважаемых купцов:

— Торговля приходит в упадок. Подати, которые наложил Худояр-хан, поглощают все наши барыши. Больше нет смысла ходить с караванами через пустыни и перевалы, терпеть зной и холод, ибо всю прибыль забирает ханская казна.

Другой купец сказал:

— Не у кого просить больше сил, кроме как у Аллаха! Такое бывало лишь после кровопролитного вражеского нашествия или вселенского мора. Больше нет продающих и покупающих. Людям нечего продать и не за что купить — все уплыло в руки хана. Скоро перестанут звенеть колокольчики на дорогах, торговые пути зарастут травой,

а в покинутых караван-сараях будут завывать шакалы да кричать совы. Горе нам!

Достарханчи сказал:

— Хан больше не слушает разумных советов. Да и станет ли слушать тот, кто не внимает голосу пророка? Шайтан жадности цепко держит его душу в своих когтях.

Рысалчи добавил:

— Те же, кто подает голос разума, лишаются головы.

Все остальные поддержали:

— Воистину мир еще не видел такого злодея на троне!

— В него вселились джины!

— Он ведет государство к окончательной гибели!

— А знают ли уважаемые, сколько хан тратит на свой гарем? 75 000 золотых тилла в год! На эти средства можно содержать целое войско!

Всем горячим выступлениям подвел черту Батыр-хан:

— Почтенное собрание видит: Худояра больше терпеть нельзя. Он отдал половину земель русским, а с оставшейся поступает как самый худший грабитель. Государство катится в пропасть. Если не мы остановим это падение, то кто? Есть у нас и кем заменить хана. Мой племянник Сейид-Мухаммед-Амин всей душой разделяет то, о чем высказалось собрание!

После долгих споров с ним согласились.

— А теперь обсудим это дело вдоль и поперек и каждому определим его место в решительный час!

И заговорщики принялись детально обсуждать план свержения Худояра.

С минаретов прокричали полночный азан, а они все совещались...

Город спал тяжелым усталым сном...

* * *

Худояр-хан вставал рано, с первым утренним призывом муэдзина. Совершив намаз, он накидывал халат

и направлялся в особый покой, служивший ему приемной и кабинетом. Здесь он обычно пил чай и выслушивал утренние новости.

Его уже ждали кальящик, распорядитель утренней еды, начальник дворцовой стражи и еще с десяток-полтора придворных. При виде хана все пали ниц под свое хоровое «салам алейкум». Хан лениво отвечал им немного гнусавым голосом; потом начиналось чаепитие. Утренний свет струился сквозь витражи, слышалось воркование горлинок в гаремном саду.

Худояр-хан в то время выглядел сорокалетним, пышущим здоровьем плотным мужчиной среднего роста с небольшой черной бородкой, обрамлявшей смуглое лицо. На нем были халат без всяких украшений и белоснежная чалма. Очевидец пишет:

«Как по одежде, так и по наружности хана было довольно трудно отличить от прочих лиц, находившихся в покое, но зато его повелительный тон и жесты сразу обнаруживали в нем грозного правителя Коканда. Надо было видеть, с какой быстротой исполнялось каждое желание хана, как его подданные умели угадывать каждый взгляд этого человека». Да, хан умел повелевать. Он, Единственный в мирах, Неповторимый во времени, Щедро дающий и Жестко наказывающий, Опора ислама, наместник Аллаха в этих краях!..

Худояр-хан бросил взгляд в сторону начальника дворцовой стражи. Тот всем существом выражал трепетное нетерпение. Хан сделал легкий кивок, начальник стражи подскочил и зашептал, почтительно склонившись к уху повелителя. Сановники затаили дыхание, вытянули шеи, в то же время делая вид, что ни к чему не прислушиваются. Их изощренный слух уловил одно имя: «Батыр-хан».

Все хорошо знали брата второй жены хана: это был человек, над головой которого всегда сияла счастливая звезда. Какая милость его ожидает?

Худояр-хан решительно поднялся. Все повскакивали: спаси Аллах и помилуй оказаться сидящим, когда повелитель уже на ногах.

Движением руки хан отпустил придворных, а сам пошел в сопровождении начальника стражи в потайную комнату, где он имел обыкновение выслушивать соглядатаев и шпионов. Там его уже ждал человек. Лицо его в утреннем свете было мертвенно бледным и будто сведено судорогой от внутренней боли.

— Говори же! — приказал хан. — И хотя ты принес черные вести, награда будет как за весть радостную.

— Мне не нужно иных наград, кроме благополучия повелителя и процветания государства, — отвечал человек тихим голосом. — Складываю плоды усердия в михраб преданности...

— Назови имена. Одно я уже знаю: Батыр-хан.

Доносчик стал глухо бубнить, запинаясь, спотыкаясь... Видимо то, что он произносил, было самому противно.

Неслышно появившийся писец-каламчи тщательно записывал... Доносчик назвал 16 имен, семнадцатым был Батыр-хан — все, кто присутствовал в только что прошедшую ночь в доме Фулат-бека.

— И это все?

— Все, что я знаю, — отвечал тот.

(На самом деле заговорщиков, по свидетельству летописцев, было 50 человек, но остальных в эту ночь не было в доме Фулат-бека).

Хан узнал и срок переворота, назначенный заговорщиками. Время для расправы еще было.

И расправа началась.

В тот же день, еще до обеденной молитвы, все 17 были схвачены: кто — на службе, прямо во дворце, кто — на базаре, кто — в мечети, кто в своем доме. Опытные джасусы — «ночные тени» — свершили все быстро и без лишнего шума. Схваченных заперли в потайных комнатах

тут же в урде. Приступили к допросам. Попытки ничего не дали: или заговорщики оказались слишком упорными, или действительно больше никого не знали. Батыр-хана допрашивал сам Худояр.

— Я тебе ничего не скажу! — дерзко отвечал Батыр-хан, избитый, окровавленный, в прилипшей к телу нижней рубахе, с вывернутыми из плеч руками. Зная о неизбежности смерти, он обращался к хану на «ты».

Ни новые побои, ни пытки не помогли. Батыр-хан стоял на своем и только повторял:

— Твой сын Мухаммед-Амин ничего не знает. Он не виновен перед тобой.

То же показали и остальные 16 обреченных.

Глубокой ночью стражники вынесли 17 мешков в сад, окружавший ханский дворец. Узкий серп луны висел над Кокандом. Он тускло освещал дорожки, посыпанные чистейшим речным песком. Цвели алыча, сливы, миндаль, их аромат дурманил воздух... 17 мешков с всплеском погрузились в воды глубокого пруда...

Сейид-Мухаммед-Амин, второй сын хана, избежал подобной участи благодаря стойкости этих семнадцати...

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

После раскрытия заговора Батыр-хана юзбаши Фулат-бек стал Фулат-бек-пансатом (пятисотником). Кроме того, хан назначил его своим достарханчи, т. е. ответственным за ханский стол. Очень важная и доходная должность.

Дела Якоба тоже пошли в гору. Хан часто беседовал с ним о Европе и России. Рассказы на эти темы повелитель Коканда увлеченно слушал.

В конце месяца Якоб получил жалованье — полновесный кошелек с серебряными таньга и новый халат.

Дома Фулат-бек сказал своему постояльцу:

— Ты часто беседуешь с ханом. Вверни мимоходом доброе слово обо мне, а я сделаю при случае то же самое. Ловко ты раскрыл злое дело изменников и поведал о них повелителю.

Якоб воззрился на него с удивлением:

— Каких изменников?

— Тех, которых я умышленно собрал в своем доме, чтобы передать в руки нашего повелителя. Ну, помнишь Батыр-хана на рассвете?

— Помнить-то, помню, но ничего такого я и не подумал и хану не доносил.

— Как? Ты притворяешься, что не знаешь о заговоре?

— Слышал краем уха, но какое мне до этого дело?

Фулат-бек сделал сладкое лицо:

— Скрытность — качество умудренных...

— Да говорю тебе, ничего я не доносил, — сказал Якоб с досадой. — Я узнал о заговоре, когда их уже утопили. Мне даже немного жаль этих людей.

— Поклянись, что говоришь правду!

— Клянусь девой Марией!

— Ах ты, проклятый! — вскричал Фулат-бек. — Значит, ты меня надул! А я-то думал...

Тут Фулат-бек прикусил язык и выскочил из мазанки.

— Чего он взбесился? — пробормотал Якоб.

А Фулат-бек размышлял: «Этот фиранк никого не подозревал и ничего не доносил... Ему можно верить... Выходит, я зря выдал таких людей... Горе мне!».

С тех пор он возненавидел своего постояльца, о чем тот и не подозревал.

Якоб не был бездельником и не привык получать деньги даром. Поэтому он принялся настойчиво уговаривать хана воспользоваться его мастерством фотографа. Худояра очень заинтересовал аппарат и сам принцип фотографии, и Якоб долго распинался перед царственной особой. Он рассказал ему историю изобретения фотографии, объяснил устройство аппарата, показал кассеты, а под конец предложил сняться.

Лицо хана выразило колебание. Тогда Якоб пустил в ход свой главный козырь.

— Государи всего мира снимаются и раздают портреты своим подданным, чтобы те из них, кто живет далеко и не может видеть своего повелителя, имели его портрет и могли радовать свои глаза видом государя! Это увеличивает верноподданнические чувства и способствует росту славы правителя.

После этой речи Худояр-хан выразил согласие. Якоб приготовил аппарат, выбрал хорошо освещенное место и предложил хану сесть на ковер.

Хан слегка нахмурился: он не привык, чтобы ему указывали, куда садиться.

Но как только Якоб навел объектив и протянул руку, чтобы снять крышку, хан закрыл лицо рукавом халата.

— Этак у нас ничего не получится! — растерялся Якоб и принялся вновь объяснять хану.

Тот выслушал и ответил:

— Это понятно и я согласен. Но все-таки сними меня таким образом, чтобы не наводить эту пушку. — И он указал на объектив.

— Но как же я сфотографирую! — в отчаянии сказал Якоб.

— Уж как-нибудь изловчись без этой пушки.

Ни разъяснения, ни убеждения не помогли. Наконец, хану это надоело, он поднялся:

— Жди здесь. — И ушел.

Вскоре на террасе показалась целая толпа придворных. Впереди — туча-тучей шел ханский военачальник ляшкарбеги Хал-Назар. Лицо его выражало мрачное отчаяние; он с отвращением поглядел на Якоба, на его аппарат:

— Послушай, фиранк! Мой повелитель приказывает тебе сделать со мною то, что ты хотел только что проделать с ним. Смотри же, если выйдет из всего дела что-либо скверное для меня, — горе тебе! Наш владыка жестоко отомстит за вероломство! Куда садиться?

Якоб указал ему место и принялся успокаивать. Хал-Назар почти не слушал:

— Делай свое дело не откладывая!

Но только Якоб взялся было за крышку объектива, как Хал-Назар точь-в-точь повторил жест хана — закрылся рукавом.

Еще раза четыре ляшкарбеги то закрывался рукавом, то отворачивался, то наклонялся, стараясь уберечь свою физиономию от объектива. Наконец, когда Якоб пригрозил, что пожалуется хану, он остался недвижим.

Якоб снял крышку.

Ужас и готовность к смерти отразились на лице несчастного мученика. Пот выступил на его лбу, глаза выпучились.

Якоб закрыл крышку:

— Ну, вот и все.

Ляшкарбеги в изнеможении откинулся, как бы весь опал и стал вытираться полкой халата. Круг придворных,

наблюдавших за этой сценой, с недоумением поглядывал то на аппарат, то на ляшкарбеги. Без сомнения, они были разочарованы тем, что ляшкарбеги остался цел и невредим.

Якоб, окрыленный успехом, поехал домой и тотчас приступил в своей мазанке к работе: занавесил единственное оконце, зажег красный фонарь и принялся священнодействовать. Фулат-бек предложил в помощь нескольких слуг:

— Такое важное государственное дело! Как можно управиться одному!

Но Якоб выставил слуг за дверь.

Наутро он помчался, еще более окрыленный, во дворец. Снимок получился удачным. Наконец-то хан оценит его мастерство!

Худояр встретил своего фотографа недоверчивым взглядом. Якоб подал фотографию на бархатной подушечке, а подушечка покоилась на подносе. Но хан не взял фотографию, только взглянул издали:

— Отдай ляшкарбеги. Можешь удалиться, но не покидай дворца.

Якоб в полном недоумении долго бродил по двору урды, ожидая вызова. Он ничего не понимал. Стражники с неприязнью и некоторым страхом поглядывали на него. Но вот вышел Хал-Назар и злорадно сказал:

— Эй, нечестивец! Тебя зовут в диван (совет).

Оказывается, был созван совет мулл по делу фотографа и его искусства. Якоб предстал перед сборищем ученых мужей: у каждого конец чалмы был подвернут — в знак особой учености. Его встретили враждебные взгляды и мрачные отрешенные лица фанатиков.

Ему предъявили обвинение в том, что дело его нечисто, что он хотел своим дьявольским орудием околдовать хана; что он в своей хибарке продолжал творить колдовские заклинания и вызвал к себе на помощь шайтана. Иначе зачем он закрылся от света Божьего и что делал в полной темноте?

Якоб попытался объяснить, но ему не дали говорить.

— Молчи, неверный! .

— За тебя говорят твои нечестивые дела!

— Позовите свидетельствующих!

Предстали трое слуг Фулат-бека: они в один голос утверждали, что, когда фиранк открыл дверь мазанки, ясно разглядели в глубине темной комнаты шайтана, как угли красного, с пылающим ртом.

— Это был фонарь! — воскликнул Якоб.

— Молчи, нечестивец! — закричали со всех сторон. Вызвали еще свидетелей. Фулат-бек показал, что иногда слышал, как его постоялец поздно вечером и рано утром пел заклинания на непонятном языке (Якоб напевал немецкие песенки), призывая шайтана.

Ученое собрание единодушно приговорило преступника к посадению на кол. Хан решение суда утвердил.

* * *

За урдою было несколько глубоких колодцев, прикрытых сверху железной решеткой, — знаменитая восточная тюрьма «зиндон». Сюда и привели Якоба до исполнения приговора. Стражниками руководил сам Хал-Назар. Он сказал злобно:

— Здесь твой последний ночлег. А на рассвете — кол.

— За что же ты ненавидишь меня? — сказал Якоб. — А я-то сделал с тебя такой замечательный портрет.

— Замечательный! — взорвался ляшкарбеги. — Ты, искривитель прямоты! Я участвовал в бесчисленных битвах и никогда не проявлял страха — мои товарищи тому свидетели! А ты изобразил меня испуганным арбакешем с вытаращенными глазами на потеху придворным зубоскалам!

— Аппарат ничего не может изменить. Ты вышел таким, каким выглядел.

— Бросайте его в зиндон! — закричал взбешенный ляшкарбеги.

Стражники подняли железную решетку и пихнули Якоба в вонючую бездонную темноту.

Однако темнота оказалась не такой уж бездонной. Через секунду-другую он шлепнулся на что-то мягкое. От удара екнули внутренности, к тому же он крепко стукнулся головой и потерял сознание.

Очнувшись, Якоб увидел прямо перед собой клочок синего-синего неба. Ощупал себя — руки, ноги целы. Стал осматривать свое последнее жилище. Нельзя ли бежать?

Тюрьма-колодец был выкопан в форме кумгана или проще сказать, груши, узким концом вверх. Скользкие липкие стены плавно переходили в купол и заканчивались длинной трубой, на конце которой висел синий лоскут неба. Пол был выстлан толстым слоем прогнившей степной травы и камыша. В углу виднелась какая-то темная бесформенная куча, оказавшаяся спящим человеком. Ни громкие голоса, ни шум падения его не разбудили.

Якоб несколько часов сидел, охватив колени руками... Отсюда не выбраться!..

...Проснулся он от страшных уколов в спину, поясницу, ноги. Дико вглядываясь в темноту, Якоб старался припомнить, где он, что с ним... И вспомнил...

Он вскочил. Руки, грудь, спина, голова — все горело, будто вымазанное настойкой из стручкового перца. Якоб потер руку об руку и почувствовал, что давит каких-то насекомых с резким, отвратительным запахом.

— Что это? Что это? — громко пролепетал он, содрогаясь от ужаса и омерзения.

— Клопы! — раздался голос совсем рядом. Якоб в испуге отпрянул и тут же вспомнил спящего человека.

— Не пугайся, правоверный! Клопы — еще не самое страшное. Вот ханские сборщики да стражники — те похуже клопов. Они пьют не только кровь, но стараются высосать и душу.

Якоб ожесточенно чесался.

— А ты разденься догола — посоветовал голос. — Тут я вбил камышовый колышек в стенку, можешь повесить одежду. Иначе заедят.

Якоб так и сделал. Сразу стало легче. Хотя тело страшно зудело, но новых уколов раскаленными иголками он больше не чувствовал. Вот только ноги...

— А ты наскреби со стен глины и обмажь ноги — посоветовал незнакомец.

Якоб последовал и этому совету. Стало совсем хорошо. «Где я слышал этот голос?» — думал он.

Вверху, на бархатном клочке, горели большие яркие чистые звезды; рядом с ними чуть теплилась свита из звездочек рангом поменьше. Господи, Господи! Неужели завтра умирать страшной, мучительной смертью? И за что? Где же справедливость, Господи?

— Отсюда не убежишь, — как бы откликнулся на его мысли незнакомец. — А от ханских собак ждать пощады не приходится.

Якоб теперь был твердо уверен, что голос этот он уже слышал. Но где? Когда?

— Неужели и вас хотят казнить? — спросил он.

— Завтра обещали посадить на кол. У хана это излюбленное развлечение, да будет он проклят Аллахом! Самого бы его на это место...

Невидимые собеседники разговорились. Якоб рассказал о своей неожиданной беде, а человек рассказал о своей. Жил он в доме одного бедного чайрикера и без всякого жалованья помогал тому кое-как сводить концы с концами: у старика-чайрикера не было сына-помощника, одна только дочка-красавица пятнадцати лет. Вот из-за этой дочери... Уж и договорились о свадьбе, а калым можно и отработать со временем. Но пришли ханские сборщики с требованием тройного хараджа — так-де повелел Худояр-хан — и забрали весь урожай старика-чайрикера.

Но этого не хватило, и тогда главный сборщик, толстый сластолюбивый старик, сказал:

— Так и быть, беру твою дочь и сам погашу твой долг казне. Но сначала надо посмотреть, стоит ли товар таких денег.

И сорвал с девушки чачван (паранджу).

— Тогда, — голос рассказчика чуть дрогнул, он откашлялся, — тогда я поднял кетмень и раскроил ему череп. Вот и все мое дело. Умирать, конечно, страшно... Но что теперь будет с отцом-чайрикером, его прекрасной дочерью и ее матерью, доброй байбиче?

Разговаривая, они простояли всю ночь. На заре раздалась шага и грубый голос окликнул сверху:

— Эй, Джапалак! Тебя клопы не заели?

Человек молчал. «Джапалак, — думал Якоб. — Имя тоже знакомое. Но где я его встречал?»

— Слышишь ли ты, дурень?

— Слышу, проклятые! — не вытерпел Джапалак.

— Мы спустим тебе лестницу, а ты поднимайся к нам.

— А вы спуститесь за мной сюда, — предложил Джапалак.

Наверху посоветались.

— Дурень, ты дурень! Теряешь свое счастье. Если мы спустимся, намнем тебе бока.

— Но и я хоть одному скулу сверну.

— Дурень ты дурень! Хан помиловал тебя: заменил казнь работой на канале. Отработаешь до осени — домой.

«На канале! — вспомнил Якоб. — Этот Джапалак был в нашей артели!»

— Поклянитесь! — закричал Джапалак.

— Э! Что с ним разговаривать! Пусть сидит, пока хан не рассердится и не отменит помилование.

— Я иду! Иду! Спускайте лестницу!

— Так бы давно. Хватай конец!

Вниз поползла лестница. Джапалак, забыв о собеседнице, торопливо полез вверх. На фоне утреннего неба была четко видна фигура выбиравшегося наверх человека. Затем послышались крики, шум драки и все затихло.

«Наверное, его обманули», — подумал Якоб.

— Эй, нечестивая собака, принимай!

Вниз на веревке пополз сноп свежего камыша. За ним — две лепешки и тыква-горлянка с водой.

«Значит, казни сегодня не будет», — бурная радость охватила все существо Якоба.

В этой страшной яме Дитрих просидел три дня. Человек ко всему приспособляется: днем Якоб отсыпался, а ночь напролет стоял голый, с обмазанными глиной ногами и думал бесконечную думу...

На четвертое утро старческий голос позвал:

— Якуб-фиранк!

— Что надо? — Якоб затрепетал от дурного предчувствия.

— Вылезай.

Вниз поползла длинная лестница — та самая, по которой вылез обманутый Джапалак.

— Что же ты не лезешь? Наш повелитель зовет тебя.

— Я вам не верю! — отвечал Якоб.

— Послушай, Якуб! Это говорю я, Исманор-датха, старый человек! В моих словах нет обмана. У хана тяжело занемог сын. А ты, говорят, лекарь. Поэтому он и зовет.

* * *

У Худояр-хана было несколько сыновей и множество дочерей. И вот самый младший сын, еще мальчик, умирает. Якоб увидел запавшие глаза, бледные щеки, бескровные губы.

— И днем и ночью слабит его низом, — рыдала кормилица. — До ста раз высаживается, ни есть, ни спать не может. Горе нам!

Хан восстановил его на службе,
сфотографировался и заказал Якову пятьсот
портретов своей персоны

Местные табибы пробовали его лечить. Пятерых хан отправил на плаху. Взялся лечить мулла. Но и его молитвы не помогли. Худояр побоялся казнить духовное лицо и отправил старика в Мекку пешком, без единого таньга, в надежде, что бедолага загнется по дороге. Теперь осталось последнее средство — помощь Якоба.

Хан сказал:

— Если спасешь, я одарю тебя халатом и лучшим скакуном из моих конюшен. Но если не справишься и мой сын умрет, я прикажу посадить тебя на кол.

Выхода не было: и так, и этак — все равно на кол. А вдруг мальчишка поправится?..

— Берусь лечить, — сказал Якоб.

Еще два года назад, посещая своего друга Пулат-хана в самаркандской мечети Ходжа-Ахрар, Якоб прочел рукопись средневекового автора Низами Арузи Самарканди. Запомнилась история о враче, избавившем не совсем обычным способом от подобного недуга некоего принца. И Якоб рискнул сделать то же самое: дал больному сильное слабительное.

Придворные лекари — те, кто еще не успел расстаться с головой, — пришли в ужас. Они со злорадством ожидали смерти принца и последующей казни невежественного фиранка.

К вечеру мальчик дошел до полного истощения. И тогда Якоб дал ему настойку из коры дуба и веточек сухого цикория...

К утру больному полегчало, и он впервые попросил поесть. Через три дня мальчишка бегал как ни в чем не бывало.

Худояр-хан выполнил обещание с лихвой: Якоб Дитрих стал владельцем дома и тенистого сада в целый танап. Получил он также новый халат, мешочек с пятьюстами таньга и отличного коня из ханской конюшни.

Хан восстановил его на службе, сфотографировался и заказал Якобу пятьсот портретов своей персоны, дабы разослать их в свои самые отдаленные владения и тем самым укрепить в сердцах правоверных верноподданнические чувства.

РАСКАТЫ НАРОДНОГО ГНЕВА

В марте 1874 г. Худояр-хану всеверноподданнейше доложили: опять подняли голову кыргызы. На юге Ляйляка, в местности Кияк-Сай, некий Мамурбай собрал 4 тысячи человек и напал на крепость неподалеку от Андижана. Нападение отразили. Затем местные беки под руководством андижанского правителя наследника престола Наср-эд-дин-хана-заде окончательно разгромили скопления бунтовщиков и прогнали их обратно в горы.

Худояр-хан одобрительно выслушал приятное сообщение. Только удивился:

— Разве мало досталось кыргызам прошлой осенью? Откуда у них берутся силы? Значит надо больше крови!

В жилах самого хана на три четверти текла кыргызская кровь. (Его отец Шералы-хан был наполовину кыргызом, а мать Яркин-Аим — чистокровной кыргызкой), но хан забывал об этом, когда возникала угроза его власти.

Между тем, это было только начало. Мамыр Мергенов, не найдя помощи у русских, ушел в Кашгар, надеясь получить ее у тамошних кыргызов. Его ждало разочарование.

Зима — время прекращения боевых действий. Это диктуют сама природа и образ жизни кочевников. Глубокие сугробы в ущельях, обледенелые горные склоны не дают возможности передвигаться. Но еще хуже с пищей и кормом для скота. Поэтому кочевники вели войны и поднимали восстания сезонно. Боевые действия начинались с первой травой и заканчивались выпадением стабильных снегов.

Зима прошла. Одолев труднейший путь через горы, Мамыр Мергенов с сотней джигитов в конце апреля

вернулся из Кашгара в Кара-Кульджу. Ему без особого труда удалось поднять сородичей. В мае 5–6 тысяч человек заняли укрепленный кишлак Базар-Курган в восьми верстах от Андижана. Повстанцы попытались взять и Андижан, но были отбиты.

Мрачный Мамыр устроил смотр своей армии. Почему они, несмотря на численное превосходство, не смогли захватить город? А потому, что у сарбазов — ружья и пушки против их самодельных пик и топоров. На все войско два-три десятка дедовских «мултыков». Из такого ружья можно не торопясь попасть лишь в архара, застывшего на скале. Но сарбазы — не архары, они ждать не хотят, пока в них попадут.

Худояр-хану в тот же день доложили о новом восстании. В чем, в чем, а в нерасторопности хана обвинить было нельзя. Две тысячи сарбазов тотчас выступили на помощь андижанскому беку.

У Базар-Кургана произошла решительная битва. Перед сражением Мамыр Мергенов старался ободрить своих соратников, вызвать у них боевую ярость.

— Вспомните, сколько натерпелись мы от ханских разбойников-зякетчи! — говорил он одним.

— Не забудьте, как зверствовали сарбазы в прошлом году по нашим айылам! — напоминал он другим.

— Если мы не побьем ханских собак, они вырежут нас поголовно! — убеждал он третьих.

Несмотря на двойное численное превосходство, повстанцы были наголову разбиты. Потеряв множество убитых и сотни пленных, остатки каракульджинцев рассеялись. Сам предводитель с верными ему людьми опять бежал в русские владения. Там он рассчитывал отсидеться некоторое время, а затем поднять северных кыргызов на борьбу с Худояром.

Но хан тоже не дремал. Его постоянный посол при туркестанском генерал-губернаторе Хаким-Мирза обратился

к властям с личной просьбой хана выдать злого бунтовщика Мамыра Мергенова для примерного наказания.

Царская администрация и сама была обеспокоена подстрекательскими речами беглеца. 15 июля 1874 г. Мамыр был арестован в урочище Капка токмакским уездным начальником. Однако человеческая порядочность не позволила выдать Мамыра на страшную расправу. Его просто выслали в г. Верный, а затем еще дальше — в станицу Лепсинскую на постоянное жительство под надзором местных властей. В официальном документе это объяснялось необходимостью «удалить его от очага восстания и отнять у него вместе с тем возможность подбивать наших киргиз к вмешательству в кокандские беспорядки».

Не успел Худояр-хан расправиться с каракульджинцами, как в том же июле 1874 г. возобновились волнения среди кочевников Наткала. Верховодили здесь три значительные фигуры: Мусульманкул, родственник знаменитого когда-то временщика Алымкула; Пулат-хан и Момун Шамурзаков, русский подданный, которого первые двое «переманили к себе с целью получения его помощи в случае успеха при переговорах с русскими властями, с которыми они надеялись быть в хороших, дружественных отношениях». Три таких авторитетных вождя сумели организовать десяти тысячное ополчение; ненависть кочевников к Худояру была лучшим помощником.

«Пулат-хан», давно забывший, кто он такой на самом деле, с гордостью поглядывал на огромный лагерь, раскинувшийся в широкой долине. Вот уже вторую зиму бывший мулла Исхак, сын Хасана, проводит среди обитателей Чаткала. Погостив неделю в одном айыле, отправляется в другой и везде его встречают с распростертыми объятиями. А почему бы и нет? Кыргызские предводители рассуждали здраво. То, что среди них находится представитель династии минг, может принести ой какую пользу! Стал же кокандским ханом Шералы, вот так же много лет прятанный

среди таласских кыргызов! А свой человек на троне... да что тут говорить. Расходов же на содержание Пулата, считай, никаких: много ли съест один человек? А то, что его сопровождает почетная свита, так это все свои, соседи. Сегодня они у нас попиروвали, завтра — мы у них.

В конце июля 1874 г. десяти тысячная армия двинулась из Чаткала вниз через ущелье Ала-Бука в направлении г. Касана. По пути их следования к ним присоединялись кыргызы из встречных айылов, так что войско росло как снежный ком.

Первые стычки с отрядами местных беков произошли у кишлака Сафид-Булан, крепостей Чартан и Янги-Курган и закончились полной победой повстанцев.

Затем та же судьба постигла город Касан. Касанский бек еле успел унести ноги в Тюре-Курган, ту самую крепость, где год назад отсиживался Абдуррахман Афтобачи.

В Тюре-Кургане собрались все побежденные беки с остатками своих сипаев. На совете решено было дать бой в чистом поле — на этом настоял тюре-курганский бек, еще не битый.

Сражение было недолгим. Тюре-курганский бек, как и остальные беки, еле успел скрыться, за стенами своей крепости. На поле боя осталось множество тел, боевых знаков и брошенного оружия.

Это произошло 1 августа. А уже второго встревоженный Худояр направил к Тюре-Кургану все свои силы численностью в 7 тысяч конных сипаев и тысячу пеших сарбазов под командованием Абдуррахмана Афтобачи и Иса-Аулие.

Афтобачи был мрачен как никогда. Ему не хотелось сражаться с восставшим народом. В то же время он понимал: в случае неудачи хан не пощадит его. Надо одержать победу.

Один из главарей повстанцев, Мусульманкул, направил ему письмо. «Сынок, — писал он. — Твой отец Мусульманкул был подло казнен проклятым Худояром. Неужели

ты забыл об этом? И вот я, тоже Мусульманкул, такой же кыпчак, как и ты, говорю тебе: брось собаку Худояра и переходи к нам».

Афтобачи прочел, поиграл желваками и бросил письмо в огонь. Джигиту, привезшему послание, сказал:

— Передай: ответ будет завтра, у стен Тюре-Кургана. Пусть Мусульманкул хорошенько подготовится.

— Что там было написано? — поинтересовался Иса-Аулие.

— Мне предлагали достархан. Завтра я их угощу как следует.

Наутро войска сошлись. У повстанцев было из рук вон плохое оружие: все те же самодельные пики, ржавые дедовские сабли да топорики. У многих — просто дубины. Зато они значительно превосходили численностью армию Афтобачи.

Атаку начали повстанцы, воодушевленные прежними победами. Бросились всем скопом, с громкими боевыми «ураанами», диким визгом и улюлюканьем. Слабонервных такое могло и напугать. Но сипаи Абдурахмана, в основном те же кыргызы и кыпчаки, горло драть и сами умели.

Афтобачи применил свой излюбленный прием — обход с флангов. Пока атакующие громили центр (не считаясь с потерями, взяли даже несколько пушек «китайча») и гнали отступавших к стенам крепости, конные отряды обошли их справа и слева.

Войска Абдурахмана окружили их подковой, которая все сжималась и сжималась. Внутри нее билась, задыхалась, давила друг друга огромная масса людей и коней без всякой пользы для себя — сражаться могли только крайние.

Несколько сот трупов и множество пленных оставили повстанцы на этом злополучном поле. Бежавших преследовали целый фарсанг, после чего Афтобачи велел прекратить погоню и дать отдых войскам.

Мусульманкул был убит. Объезжая поле битвы, Афтобачи опознал труп Мусульманкула и велел похоронить с почестями, как батыра. Остальных тоже спешно захоронили — во избежание распространения заразы от разлагающихся трупов.

— Что будем делать с пленными? — спросил хитрый Иса-Аулие. — Хан приказал никого не щадить. Неужто придется готовить здесь колья? И где взять столько лесу?

— Отправить их в Коканд, — мрачно отвечал Абдурахман. — Худояр-хан сам решит их участь в меру своего милосердия и своей совести.

Но вернемся к нашим побежденным.

Пулат-хан, его верный наиб Абду-Мумин-кураминец и Момун Шамурзаков (тоже кураминец) ехали рядом. За ними тянулись их разбитые войска. Было много раненых, многие сидели по двое на лошади. Это задерживало движение; хорошо хоть неприятель отстал.

Пулат-хан ехал, опустив голову. Второй раз он, мулла Исхак, сын Хасана, выступил в роли полководца и второй раз — ужасный разгром. Видно, Аллах отвернулся от повстанцев. Но где же тогда справедливость?

Абду-Мумин на этот раз не утешал своего воспитанника: как бы в ответ на мысли Пулата он бормотал:

— Неисповедимы пути Аллаха; только он, Единственный и Величайший, знает! И не нам судить о его делах.

— Сколько родичей пало! — горевал Момун Шамурзаков. — Сколько вдов и сирот! Сколько плача будет в айылах!

Сделали привал в урочище Кызыл-Тогай. Здесь предводители решили организовать оборону, чтобы не дать карателям подняться в горы: ведь там — беззащитные айылы.

Сделали завалы, чтобы конница не могла обойти их. Только что понесенное поражение кое-чему научило.

Перевязывали раны, подсчитывали боеспособных. Все были полны решимости дать последний, смертный бой,

помня о стариках, женщинах и детях, ждущих в тревоге там, за спиной.

На третий день подошли войска Афтобачи. Увидев завалы, полководец выдвинул вперед фальконеты и стрелков. Град пуль обрушился на защитников. А потом пешие сарбазы (афганцы и каратегинцы) пошли в атаку. За ними двинулась конница. Менее чем за час позиция была взята, повстанцы потерпели окончательный разгром. Конница Исаулие преследовала их до наступления ночной темноты.

Пулат-хан бежал высоко в горы и укрылся у чаткальских кыргызов. Напрасно ищейки Худояра искали его следы. Народ говорит: у бегущего одна дорога, а у тех, кто гонится за ним, — тысяча.

Момун Шамурзаков с малым числом людей тоже возвратился на Чаткал, где «был захвачен аулие-атинским уездным начальником и подвергнут аресту в г. Аулие-Ата за принятие участия в восстании кокандских киргиз». Позднее его сослали на жительство, как и Мамыра Мергенова, подальше от очагов восстания.

И началась очередная расправа ханских палачей над беззащитным теперь населением. По своей неслыханной жестокости она превзошла все предыдущие. Худояр-хан приказал не щадить никого. Пылали айылы и кишлаки, дико кричали насилуемые женщины, тоскливо выли собаки. Огромные стада рогатого скота, верблюдов, отары бляющих овец и конские табуны потекли с гор бесконечной рекой вниз, к Коканду.

Особенно свирепствовали отряды, возглавляемые муллой Юлдаш-пансатом. «Каратели убивали всех, кто им встречался. Не щадили ни детей, ни женщин, ни стариков. Количество одних только повешенных составило более 1000 человек...».

Газета «Санкт-Петербургские ведомости» поместила статью очевидца: «Худояр-хан приказал вырезать бунтовщиков-киргизов и кипчаков без всякого суда, не только

¹³ Том XV. В. М. Плоских

десятками, но сотнями, так что, можно сказать, он обратил Коканд в лобное место».

Дикому варварскому грабежу и убийствам подверглись кыргызы, кочующие по течению рек Алабука, Урюкты и Касан.

Через два месяца после того как в этих местах прошла карательная команда муллы Юлдаш-пансата, здесь проезжал русский офицер капитан Бессонов в сопровождении маленького отряда казаков.

Долина казалась вымершей. Нигде не курился дымок, не белели юрты, не встречались всадники, не бляели овечьи отары.

Но вот стали попадаться почерневшие остовы сожженных юрт. И повсюду — в оврагах, на пригорках — скелеты, скелеты, — конские и людские вперемежку. Над ними уже поработали птицы и звери.

— Это что? Это что? — в испуге воскликнул молодой казак первого года службы. Он показывал на ближайшую рощицу. Листья с деревьев уже облетели, но на каждом висели гроздьями какие-то темные, продолговатые предметы... Все уже догадались, что это такое, но никто парню не ответил...

Сотни повешенных. Птицы попортили лица, иные трупы раздулись, издавая ужасное зловоние, другие же, наоборот, высохли...

Казаки пришпорили лошадей — скорей, скорей миновать это страшное место...

Но пока они ехали по долине, каждое дерево, им попадавшееся, было украшено гроздьями... Даже видавшие виды казаки были потрясены. Молодой же казак ехал с мучнисто-бледным лицом, ему было дурно...

В рапорте на имя Кауфмана капитан Бессонов кратко изложил все увиденное.

На основании доклада капитана Бессонова и сам генерал-губернатор, ярый защитник Худояр-хана, вынужден

был сообщить в Петербург: «На пашнях убивали женщин и детей, беременным женщинам распарывали живот».

Кыргызские и кыпчакские роды попали теперь в безвыходное положение. Одни были почти целиком уничтожены, другие находились на этой грани.

И опять отчаявшиеся повстанцы обратили свои взоры на могущественного северного соседа. Только на русской территории могли они найти спасенье от ханских карателей. Поэтому многие опять стали самовольно переходить границу. Но хан, с завидной настойчивостью, ссылаясь на мирный договор, требовал от русской администрации возвращения беглецов.

Современный историк пишет: «Царское правительство не могло оказать восставшим помощь и в силу своей общей охранительной политики, и в силу союзных отношений с вассальным Худояр-ханом, а также из-за опасения вызвать дипломатические осложнения с Англией».

Южные кыргызы оказались предоставленными сами себе.

С этого времени начался резкий поворот в настроении южных кыргызов. Они видели, что русские помогают не им, а ненавистному Худояру. И как естественный результат, на смену надежды на русских, пришла ненависть...

* * *

На торжественном приеме у Худояр-хана по случаю победы над бунтовщиками повелитель Коканда обратился к Абдуррахману Афтобачи:

— За проявленное усердие по искоренению врагов веры и государства жалуем тебя званием парваначи.

— Сколь велика милость хана! — грянул хор придворных льстецов.

— Нет предела щедрости Дающего!

Афтобачи строго по этикету поблагодарил хана за высший воинский титул. Затем сказал:

— Я прошу у повелителя еще одной милости: разрешения совершить хадж к гробу пророка.

— Поистине сердце наше радуется такой просьбе, — воскликнул хан. — Мы и сами желали бы отправиться в Мекку, но заботы о государстве неизменно удерживают нас от этого.

И Афтобачи собрался в хадж. Противники полководца говорили, что он едет замаливать грехи — ведь зверства его сипаев потрясли даже тех, кто привык к жестокостям...

* * *

Через несколько дней после битвы в урочище Кызыл-Тогай в Коканд привезли несколько сот пленных. Глашатаи на базарах кричали:

— Правоверные! Спешите посмотреть на казнь подлых изменников, осмелившихся замахнуться на власть наместника Аллаха на земле несравненного Сейид-Бахадур-Худояр-хана, светоча Вселенной! Так будет со всяким изменником в назидание и поучение!

Стражники с плетками обходили дворы:

— Эй, нерадивые! По приказу самого хана безотлагательно спешите на площадь, где совершится возмездие! Замешкавшихся ожидают плети!

Мало нашлось таких, кто добровольно и с охотой торопился лицезреть казнь. Угрюмые кокандцы потянулись на главную площадь, подгоняемые извечным страхом перед властью.

Там уже все было готово. По всей площади торчали заостренные колья, горбились виселицы, тянулись огромные колоды, словно для разделки мяса. Палачи с мечами, топорами, ножами, крючьями, клещами и прочими ужасными орудиями своего ремесла прохаживались в ожидании.

В стороне стояла густая толпа пленных, окруженная цепью стражников.

И вот под гром барабанов, гнусавый вой боевых труб, началось...

Якоб Дитрих, которого тоже загнали в толпу зрителей, через минуту позеленел, потом покрылся потом... Его вырвало. С безумными глазами он стал проталкиваться сквозь толпу назад.

— Куда ты? — угрожающе спросил стражник из оцепления.

— Я лекарь самого хана! — с ненавистью крикнул Якоб. — Иду во дворец по его повелению. А ну дай пройти!

Якоб не пошел во дворец. Ночь он провел в пригородной чайхане у старого знакомого по каналу Назарбая.

В ближайший базарный день он появился в торговых рядах и нанял глашатая. Тот кричал:

— Правоверные! Продается прекрасный дом с райским садом и виноградником в окрестностях Коканда! За совсем малую цену! Спешите, ищущие выгоду, пока не перешли дорогу другие!

В тот же день Якоб за полцены продал все, что подарил ему Худояр-хан. Все, даже почетный халат. Собрал торбу, он оседлал коня и выехал через Ходжентские ворота. Остановился опять в чайхане у Назарбая.

Хозяин, с которым он давно сдружился, сказал с участием:

— Куда отправляешься, друг Якуб? В дальнюю дорогу нельзя: у тебя плохой вид, ты болен. Прости за глупый вопрос и глупый совет.

Якоб знал, что чайханщик Назарбай давно и люто ненавидит Худояра. Поэтому, не скрываясь, ответил:

— Пока не знаю. Но подальше от дворца этого чудовища, который омерзителен мне так же, как и тебе.

ПУЛАТ-ХАН СПУСКАЕТСЯ С ГОР

Весной 1875 г. обстановка в Кокандском ханстве вновь обострилась. К этому времени вполне можно отнести слова, написанные Г. А. Колпаковским в докладной записке царю год назад: «В последнее время отношения Худояр-хана к его подданным изменились к худшему. Народ, озлобленный постоянными поборами и бесцельными жестокостями своего повелителя, стал высказывать все большее неудовольствие на образ правления хана... Вообще положение дел в Коканде таково, что малейшая случайность может вызвать взрыв восстания, последствия которого нельзя предвидеть».

Ханские зякетчи по-прежнему грабили кочевое население, и без того потерпевшее ужасающий урон от репрессий. И опять поползли по Фергане слухи, что на Чаткале вновь появился Пулат-хан, что волнуются кыргызы Ляйляка.

Наконец, шпионы донесли Худояр-хану, что Пулат, пробравшийся из Чаткала, возглавив толпу бунтовщиков, захватил Узген, Ош и теперь движется в сторону Намангана. Силы его беспрерывно увеличиваются.

Хан, не на шутку встревоженный, вызвал к себе Абдуррахмана Афтобачи и повелел ему вместо хаджа раз и навсегда покончить с Пулатом. В помощь ему он дал самых выдающихся своих военачальников с их отрядами: Ису-Аулие, Сарымсака Ишик-агасы, Хал-Назара Ишик-агасы, Атакула Батыр-баши и других. Всего насчитывалось 4 тысячи человек отборного войска.

В начале июля полководцы выступили к Андижану, наперерез повстанцам Пулат-хана. 17 июля противобор-

ствующие стороны встретились и стали готовиться к решительной битве.

Но случилось непредвиденное. Полководцы узнали, что еще 13 июля в Коканд прибыла миссия коллежского советника Вайнберга, командированного самим Кауфманом к Худояр-хану для личных переговоров по делам ханства. По городу тотчас поползли слухи, что Худояр окончательно продался русским; слухи эти умышленно раздували мусульманские фанатики, за которыми стояли недовольные ханскими поборами купцы, ишаны и часть своевольных феодалов.

Все чаще слышалось имя Пулат-хана. Иса-Аулие, Хал-Назар Ишик-агасы, Атакул Батыр-баши, Сарымсак Ишик-агасы и другие военачальники явились к главнокомандующему.

— Слышал ли Победоносный парваначи о новых черных делах нашего повелителя? — напрямик спросил Иса-Аулие.

Афтобачи ничего не ответил.

— Надо спасать веру и народ, — поддержал Хал-Назар. Наш хан, как видно, решил окончательно стать слугою царя. Не стыдно ли нам оставаться слугами слуги? Уж лучше признать Пулат-хана.

...Совещание длилось недолго. Афтобачи на горячие речи своих военачальников отвечал молчанием, лишь под конец проронил:

— Где уверенность, что этот Пулат-хан будет лучше для нас с вами?

— Он — истинный мусульманин! И не забудь, о Победоносный: за его спиной многие племена со своими беками и аксакалами! Объединившись, мы получим в свои руки силу, способную изгнать и Худояра, и русских. Если же мы решим иное, наше войско покинет нас.

— Я сам поеду к Пулат-хану для переговоров, если ты позволишь! — сказал Атакул Батыр-баши.

— Хорошо. Утром я дам вам ответ.

Абдуррахман Афтобачи не спал всю ночь. Предстояло принять самое важное в жизни решение. Что за человек этот Пулат? Говорят, он молод, хорош собой, полон доброжелательства к простым людям. Еще говорят: он не по годам мудр и справедлив. Так ли это? Слухи могут быть всякие. Есть и такие: этот хан вовсе не настоящий потомок Алима, а самозванец, простой кыргыз...

У Пулат-хана силы немалые и превосходят численностью войско Афтобачи. Но полководец не сомневался: если дойдет до сражения, то разбить эти толпы плохо вооруженных и совсем необученных кочевников не составит труда. Сколько раз он уже бил их! Лишь бы собственные сарбазы оказались надежными...

Но в том-то и дело... В войсках — брожение, через своих шпионов парваначи знал настроение своих бойцов. Все ненавидели Худояра и жаждали нового хана — любого, лишь бы не прежнего. Худояр молод, ему сорок с небольшим, он ведет правильный образ жизни, предписанный правоверному: не курит наркотики, не пьет вина, не предается беспредельному разврату, как Мадали-хан. Он не рискует жизнью, лично возглавляя войска, как делал это Малля-хан. Такой человек проживет долго на горе своим подданным. Русские поддерживают его против собственного народа. Еще десяток лет и великое ханство погибнет окончательно.

Надо решиться! Абдуррахман Афтобачи призвал на помощь всю свою ненависть и вспомнил...

...Тогда, четверть века назад, его отец, славный предводитель кыпчаков Мусульманкул, возвел малолетнего Худояра на престол. Это далось нелегко: пришлось выдержать тяжелую борьбу с могущественными сановниками, выиграть несколько битв, свергнуть двух ханов. Мусульманкул женил юного Худояра на своей дочери, окружил заботой и вниманием, но править стал сам. Он старался навести порядок в ханстве: уничтожал шайки разбойников,

пресекал бесчинства сборщиков-амлякдаров, грабивших народ в собственных интересах, а не в интересах хана, отстранил от управления слишком влиятельных и независимых вождей племен...

Это не понравилось многим. Был составлен заговор. В час решительной битвы Худояр вероломно перебежал на сторону врагов и Мусульманкул был разбит.

Вот тогда и показал молодой хан свои шакальи зубы. Его злобная мстительная натура проявилась во всей полноте. Опекой своего тестя он тяготился уже давно.

Тысячи пленных вели победители. Худояр приказал убивать их по одному на протяжении всего пути. Страшные вехи остались по дороге от Намангана до Коканда. Но пленных было слишком много. И вот на базарной площади в Коканде, напротив дворца, в течение трех дней с раннего утра и до позднего вечера казнили несчастных. Земля пропиталась кровью на целый гяз. И в течение этих трех суток смотрел на гибель своих соплеменников минбаши Мусульманкул, прикованный к столбу. Они, связанные, подходили непрерывной чередой, бросали прощальное слово своему вождю и ложились на плаху. Отрубленная голова катилась к его ногам, кровь брызгала на одежду... И когда в живых не осталось ни одного, казнили самого Мусульманкула чудовищной по своей жестокости казнью.

А потом началось поголовное истребление всех кыпчаков. Худояр приказал уничтожить целый народ. Двадцать тысяч пали, захваченные врасплох по городам и весям. Кровожадность молодого хана ужаснула страну. Иноземные купцы спешно покидали ханство, разнося повсюду весть о чудовище на кокандском престоле...

Абдуррахман Афтобачи хлопнул в ладоши. Вбежал джигит.

— Передай Атакулу Батыр-баши: пусть отправляется. Да свершится предначертанное!

Андижанским беком в то время был наследник престола (ханзаде) Наср-эд-дин, старший сын Худояра. Этот изнеженный юноша проживал в богатом дворце и в полной мере наслаждался преимуществами молодости, богатства и власти. В тенистом саду с ранней весны и до поздней осени благоухали цветы; всевозможные плоды наливались солнечным соком среди густой листвы; повсюду журчали прохладные арыки, били фонтаны, ворковали горлинки, свистели иволги в золотых подвешенных клетках, нежно отбивали часы перепела. Здесь и проводил свое время молодой правитель в обществе жен и наложниц, в окружении музыкантов, за кубком сладкого вина. Эту райскую дремотную истому нарушило внезапное появление Абдуррахмана Афтобачи.

— Знает ли ханзаде, что бунтовщики подошли к Андижану? — спросил полководец.

— Знаю, — беспечно отвечал принц. — Но у меня 5 тысяч сарбазов, чтобы достойно встретить их. Однако, думаю, дело не дойдет до этого. Мой высокорожденный отец уже направил против них своего непобедимого парваначи. Так о чем беспокоиться?

— А вот о чем, — отвечал Абдуррахман, — Людей у Пулата втрое больше, чем у нас, а в случае нападения жители Андижана перейдут на его сторону. Так случилось в Узгене и в Оше. Войско Пулата похоже на снежный ком, катящийся с горы.

— Пустяки! Наш солнцеподобный хан-отец растопит снежный ком жаркими саблями своих воинов.

— Это лишь красивые речи! Булакбашинский бек тоже так говорил, пока бунтовщики не воткнули ему жердь в рот.

Тут Наср-эд-дин обеспокоился по-настоящему.

— Ты думаешь, это так серьезно?

— Ханзаде! — торжественно отвечал Абдуррахман — Твой царственный отец присвоил мне звание парваначи не только потому, что я думал, но и потому, что действовал.

Сейчас как раз время действовать. Мы попали в положение, гибельное для всех нас. Твой отец не может больше управлять ханством, этого не видят только слепцы. Весь народ против него: и бедняки, и богатые, и черная кость, и белая кость, и земледельцы, и кочевники. Даже муллы открыто проклинаяют его с минаретов.

— О, Аллах! Твои речи пахнут изменой!

— Невежду постигает тысяча несчастий! — с досадой воскликнул Абдуррахман. — Жалко слов, сказанных дурню! Только ишак не заботится о завтрашнем дне! У тебя, ханзаде, завтрашнего дня может и не быть. Вспомни, скольких правителей зарезали в Кокандской урде! Даже твой отец Худояр-хан получил власть лишь после того, как твоего деда Шералы подняли на ножи!

— О, Аллах!..

— У тебя нет иного выхода, как принять трон.

— И это при живом отце! Нет! Нет!

— Худояр может и умереть. Наверное, так и будет.

— Нет! Нет! Не надо! Я не хочу! — кричал принц. — Мне и так хорошо!

— Дома — батыр, в бою — девица, — сказал Абдуррахман, не скрывая насмешки. — Верно говорят: недотепа и верблюда ударить не сумеет. Не хочешь, говоришь? Тогда мы поднимем на белой кошме твоего брата Мухаммед-Амина. Тот не откажется.

— Я велю схватить тебя, как изменника! Эй, стража!

Тотчас появилась ухмыляющаяся физиономия Атакула Батыр-баши, верного соратника Афтобачи. За ним виднелись вооруженные сипаи. Принц понял, что попал в западню. Некоторое время он сидел молча, словно оглушенный, потом тихо сказал:

— У меня действительно нет выбора. Что я должен делать?

— Вот так-то лучше. Зачем ждать, мой ханзаде, когда придут враги, поселятся в твоих садах, обесчестят твоих

жен, а тебе снимут голову? Чем умирать лежа, лучше умри в бою, — так говорит народ. Твой отец обречен. Пусть убирается под крылышко своих любимых орусов. Сейчас главная цель, в которую мы должны пустить стрелу, — это Пулат. Нужно его обезвредить.

— Каким путем этого достигнуть?

— Объединиться с ним.

— Как?! — вскричал принц. — С этим бунтовщиком?

— Именно! Пулат — это козел-предводитель, народ — стадо баранов. Куда пойдет козел, туда и бараны. Все что требуется, это и направить Пулата в нужную нам сторону. Тогда сады твои останутся целыми, жены — неоскверненными, а голова — на твоих плечах.

— Но Пулат сам метит на ханский трон!

— Я это беру на себя. Жди, мой ханзаде, от меня слова — его привезет Атакул Батыр-баши! И тогда действуй без промедления!

* * *

Пулат-хан встретил послов Афтобачи с распростертыми объятиями. Такая удача! Назначена была личная встреча главнокомандующих, которая состоялась без промедления.

И вот двое недавних врагов устроились за роскошным достарханом, приглядывались друг к другу, стали вести неизбежную вежливую беседу-разведку: каждый понимал всю важность происходящего и ждал, пока выскажется другой.

Наконец, Пулат-хану надоело ходить вокруг да около. Чтобы нащупать почву, он начал с поговорок:

— Я рад такому знаменитому гостю. Сказано: где — гость, там — удача. Поговоришь с хорошим человеком — душа раскроется. Для знающего — мир светел, для незнающего — темен. Сделай же меня знающим, скажи: с чем пришел?

— Одно слово умного дороже тысячи слов глупца, — подхватил Афтобачи, — Я услышал слово, подобное золотому слитку! Сказано: железо куй горячим, слово говори

в разгар беседы. Я принес мир и дружбу, ибо основа счастья — единство.

— Но сказано и другое: волк и овца не едят из одной кормушки, — недоверчиво ответил Пулат.

— А еще сказано, — горячо возразил Афтобачи, — богатыри, не сразившись, не подружатся. Мы враждовали прежде, теперь — конец. Забудь об этом. Как говорится, прошлого не вернешь, умершего не оживишь. У нас один враг — Худояр и одно желание — уничтожить его. Объединимся! Ведь желания многих, говорит народ, образуют озеро.

— Айыл портят ссоры, дружбу — нечестность. Хочется верить гостю, но где подтверждение его искренности?

— Все знают, как погиб мой отец Мусульманкул. Я долго ждал, чтобы отомстить. И вот — дождался. Худояр должен умереть. Если благородный хозяин примет мое предложение, я со своим войском перейду в его лагерь. Моя голова будет залогом.

Пулат отвечал:

— Базар богат, да покупатель беден. Какие условия поставит нам парваначи?

— Какие там условия? Единство дороже всех условий, оно необходимо, чтобы уничтожить врага.

— Народу понадобится новый, справедливый хан. Есть ли у парваначи такой человек на примете?

Тут уж начался серьезный разговор, без пословиц. Пулат искусно вел линию на то, чтобы выбор пал на его персону. Хитрый Афтобачи, поднаторевший в дворцовых интригах, еще более искусно уходил в сторону и внушал собеседнику совсем другое... Он доказывал, что в настоящий момент надо выбирать такого хана, который принес бы наибольшую пользу новоиспеченным союзникам. Временно! А потом можно будет этого хана и того... Он просто расчистит путь для настоящего правителя, благодетеля народа... И вот, наконец, Афтобачи назвал имя Наср-эд-дина.

Андижанским беком в то время был наследник
престола (ханзаде) Наср-эд-дин, старший сын
Худояра

Пулат-хан недовольно поморщился.

— От ворона рождаются воронята. Мы слышали, что Наср-эд-дин ведет праздную жизнь гаремного обитателя, некрепок умом и совсем не проявил себя. Кто поручится, что он не пойдет дорогой своего отца?

— Я поручусь, — отвечал Афтобачи. — Сейчас время сложное и ханом нужно сделать человека, имеющего неоспоримое право на престол. Если бы не это — разве желал бы я лучшего повелителя, чем вы? Ведь не он будет править, а мы с вами! Сейчас у Наср-эд-дина 5 тысяч сарбазов в Андижане, теперь они будут наши. Брат Худояра, маргеланский бек Мурад, сразу признает племянника, значит — еще несколько тысяч. Вот тогда мы сможем почитаться и с Худояром, и с орусами. И это будет только началом, ибо за первыми последуют все остальные.

* * *

Когда Афтобачи со свитой отбыл, Абду-Мумин, Орозали, мулла Касым, Сулайман-удайчи и другие поспешили в юрту своего вождя.

— Чем кончилось дело? — не вытерпел Орозали.

— Он предложил нам мир, — кратко отвечал Пулат-хан.

— Остерегись его! — воскликнул Абду-Мумин. — Одинокий бык не станет упряжкой, враг не станет другом.

— Не будь спутником предателя: он тебя столкнет на скользком месте, — поддакнул мулла Касым.

— Не поручай волку овечье стадо, — добавил Сулайман.

Из этих восклицаний Пулат-хан заключил, что его соратники не доверяют Абдуррахману Афтобачи. Они-то хорошо помнили, как он обманул узгенских кыргызов сладкими речами, а потом вероломно напал на них.

— Успокойтесь, — отвечал вождь. — Разве я похож на суетливого джигита, подобного козе? Но вспомните поговорку: нужда заставит через голову кувыркаться. Верно, что одинокий бык не станет упряжкой, но двое быков —

составят, чтобы свалить Худояра. Абдуррахман — волк, да мы не овцы. И его сипаи нам очень пригодятся.

— Чего же он требует в обмен за мир?

— Многого. Таков уж обычай торговцев: покупать за пять, продавать за шесть. Абдуррахман — это жеен¹, пришедший в гости. А пословица говорит: «Пусть лучше придут семь волков, чем один жеен». Он хочет сделать ханом Наср-эд-дина и просит нашего согласия.

— Ни за что! — воскликнул Абду-Мумин. — У нас есть только один хан — это ты!

— А что скажут остальные? — спросил Пулат. Остальные молчали, растерянно переглядываясь: неожиданная новость застала их врасплох. С одной стороны — очень хорошее дело заменить ненавистного Худояра законным наследником. А с другой — как отнесется к этому сам Пулат-хан. Выждав некоторое время, Пулат сказал (в голосе его слышалась горечь):

— Сделаем так: согласимся для начала. А там посмотрим.

— Не надо спешить! — воскликнул Абду-Мумин. — Сказано: торопливый обжигается шурпой!

— Но сказано и другое, — подал вдруг голос Мырзакул, глава рода дёёлёс, до этого молчавший. — Медлящему остается вылизывать казан. Поступим так, как решил наш Пулат-хан.

— Омин! — заключил Пулат.

¹ Жеен — племянник по матери, желания которого по народному обычаю неукоснительно исполнялись.

БЕГСТВО ХУДОЯР-ХАНА

В Коканд пришло известие 18 июля 1875 г.: армия Абдуррахмана Афтобачи во главе с самим полководцем, со всеми военачальниками и даже муллами перешла в лагерь повстанцев.

Известие как громом поразило Худояр-хана. Но это было только началом. В тот же день хан узнал, что ханзаде Насрэд-дин сдал Андижан Пулат-хану. Чуть позже поступили сведения об измене маргеланского бека Мурадбека. В руках восставших оказались города Узген, Ош, Наманган, Андижан, Маргелан, Ассаке и десятки селений. 21 июля бунтовщики заняли кишлак Алты-Арык в 40 верстах от Коканда. Значит, через два-три дня их можно ожидать под стенами столицы.

Хан, охваченный паникой, пригласил к себе представителя губернатора Вайнберга.

— Мне срочно требуется помощь моего друга Кауфмана, — сказал Худояр. — Престол моих предков в опасности. Люди, которым я верил, предали меня. Прошу срочно передать Кауфману мое письмо.

Сановник, стоявший по правую руку от трона, развернул свиток и вручил его толмачу-татарину. Тот огласил:

«Отдаю себя и Кокандское ханство под могущественное покровительство Его Величества Государя Императора и обращаюсь к вам с дружественною просьбою благоволить приказать направить на город Коканд русское войско с артиллериею в возможно скором времени, дабы замыслы мятежников не осуществились.

Надеюсь, что вы изволите согласиться на исполнение моей просьбы».

— Но Ваше Высочество, — отвечал Вайнберг. — В настоящий момент генерал-губернатор изволил отправиться в Семиречье и в Кульджу. Поездка продлится две-три недели, может быть, месяц.

— Через неделю будет поздно! — с ужасом воскликнул хан. — Мне нужны победоносные войска генерала сейчас, сегодня! Хотя бы 600—700 человек! Их надо поставить заслоном перед столицей за городскими садами!

Вайнберг пожал плечами.

— Все, что могу вам предложить, это 16 казаков с есаулом Симоновым — они прибыли ко мне сегодня ночью из Ташкента. Виноват: прибыл еще с таким же количеством солдат флигель-адъютант полковник Скобелев. Он здесь проездом, направляется в Кашгар для изучения путей сообщения.

Хан издал стон.

— Тогда все пропало... Нельзя ли повидать полковника Скобелева?

— Отчего же...

Бравый полковник вскоре явился. Хан сказал ему льстиво:

— Много наслышан о вашем победоносном оружии, прославившемся в битвах с туркменами и хивинцами. Скажите, что можно предпринять в теперешнем положении?

— Ваше Высочество! — отвечал полковник. — Для паники нет оснований. Насколько я знаю, в гарнизоне Коканда в пехоте насчитывается 4 тысячи человек, в кавалерии — 2 тысячи и 68 орудий с изрядным количеством пороха. Этого достаточно, чтобы продержаться до прихода подкрепления.

— Дарю вам звание парваначи! — воскликнул хан.

22 июля 1875 г. в русском посольстве поднялись с зарею. Деятельный Скобелев намеревался устроить смотр ханским войскам и организовать оборону столицы.

Но он не успел. Явился сановник Хаким-Мырза, хорошо известный русским — он часто ездил от Худояр-хана посланником в Ташкент. Его трясло мелкой дрожью.

— Измена! — проговорил он, задыхаясь. — Сегодня ночью второй сын хана Мухаммед-Амин с войском ушел в лагерь бунтовщиков.

— Экие сволочи! — сказал Скобелев. — Вот и повоюй с таким войском.

И они с Вайнбергом поскакали в урду.

Жалкое зрелище представлял собою Худояр-хан. От грозного, беспощадного владыки не осталось и следа. Теперь это был просто насмерть перепуганный человек. Он плакал, не скрываясь, дрожащие пальцы его беспрестанно перебирали четки.

— Полковник! — всхлипывал он. — Судьба моей семьи в твоих руках! Кыпчаки хотят заполучить мою голову. Абдурахман, да будет он проклят, вспомнит мне смерть своего отца Мусульманкула. Умоляю, не оставляй меня!

— Ваше Высочество! — воскликнул Скобелев. — Мой воинский долг — защитить вас. Но должен заметить: вам ничего не остается, как отступить к Ходженту под прикрытием моих казаков и оставшихся вам верных подданных. Бог не выдаст, свинья не съест, как говорят у нас в России.

— Я теперь нахожусь под покровительством Белого царя и сделаю все, что мне укажет его храбрейший офицер. Вверяю тебе свою судьбу. Я скажу моему другу Кауфману, чтобы он наградил тебя.

Скобелев отдал хану честь...

Еще не взошло солнце, как длинная вереница арб выехала из города и потянулась по Ходжентской дороге. Хан захватил всю наличную казну и съестные припасы из дворцовых кладовых, с ними ехал весь его гарем — 36 жен, младшие сыновья и дочери и старая мать хана Яркин-Аим. 500 придворных слуг, сановников и джигитой личной охраны сопровождали повелителя Коканда, отправлявшегося

навсегда в изгнание. Было с ним и регулярное войско — пехота, конница и 68 медных орудий, груженных на двухколесные арбы. Но в своем войске хан очень сомневался и, как оказалось, не зря.

Первый привал сделали в 10 верстах от Коканда. Солнце пекло нещадно. Скобелев распорядился занять позиции, расставить орудия и приготовиться отразить возможное нападение. Сзади, по Кокандской дороге, поднимались густые клубы пыли. То повстанцы, занявшие столицу, как видно, отправили погоню.

Предоставим слово очевидцу — советнику Вайнбергу: «Стали собираться запрягать арбы и вьючить лошадей, как вдруг стоявшая в 100 шагах от нас ханская кавалерия (2000 человек) пришла в волнение — собрались в кучу, срывали значки с древок, посматривали то к городу, то на нас и, мгновенно вскочив в седла, с гиком понеслись к Коканду... Артиллеристы вскочили на лошадей и тоже понеслись к городу, оставив орудия на позиции. Пехота, стоявшая от нас несколько дальше кавалерии... разбежалась по садам...».

Хан со всем обозом остался под прикрытием лишь пяти-сот слуг и придворных да 32 казаков русского посольства. Он дрожал как в лихорадке и все перебирал свои четки.

— Экие сволочи! — ругался Скобелев. — Ваше Высочество! Скажите, можно доверять хотя бы тем, кто остался?

— Я никому больше не доверяю, кроме вас, — прерывающимся голосом отвечал хан, не поднимая головы.

— Добро! — сказал Скобелев и начал распоряжаться — Вы, полковник, — говорил он коллежскому советнику Вайнбергу, — берите половину наших людей и выдвиньтесь на 200 шагов вперед. Есаул Симонов! Четверых казаков поставь в хвост колонны. А вы, ребята, — обратился он к казакам, — идите тише, даром пуль не тратьте, тогда кокандцы увидят, что мы не трусы. Пошел!

Скобелев распоряжался с удивительным хладнокровием и это хладнокровие передалось подчиненным. Колонна

тронулась, оставив после себя брошенные орудия и несколько десятков арб.

Пятьсот слуг, несколько десятков джигитов, тридцать два казака при трех офицерах, девять вооруженных русских купцов, присоединившихся к каравану, — вот все, что мог противопоставить Скобелев бесчисленным толпам Абдурахмана Афтобачи. Караван медленно и неуклонно продвигался по направлению к Ходженту.

Миновали цепь кишлаков и вышли в открытую степь. Здесь обзор был лучше и казаки могли использовать свои скорострельные винтовки в лучшей мере. Густые толпы всадников гарцевали в отдалении, поднимая клубы пыли. Время от времени они предпринимали короткие стремительные атаки и тотчас откатывались, теряя убитых.

Так прошел длинный день 22 августа. Тревожной была и ночь. Все понимали: если противник решится на серьезную атаку, им конец.

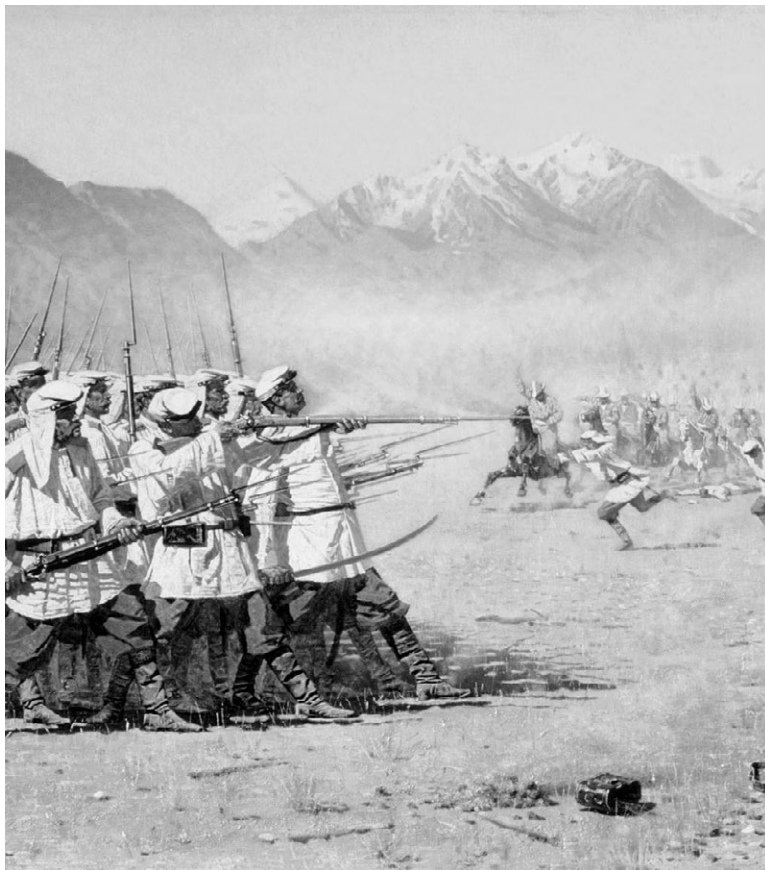
Чуть занялась заря, тронулись в путь. Опять поднялись клубы пыли, в которых мелькали всадники. То там, то здесь тишину разрывали выстрелы. Слуги и джигиты Худояр-хана ехали с посеревшими от пыли и бессонницы лицами. Командовал ими кокандский посланник Хаким-Мирза — человек сугубо штатский. У хана больше не осталось полководцев.

Но опять предоставим слово очевидцу, есаулу Симонову.

«...Случилось одно происшествие, о котором я непременно хочу упомянуть. Одна из арб Скобелева завязла в сыпучем песке, как ни старался арбакеш, как ни стегал свою лошадь, арба не трогалась. Она уже отстала далеко от арьергарда. Крики несчастного арбакеша о помощи обратили внимание Скобелева.

— Что на арбе? — спросил своего денщика Михаил Дмитриевич.

— Патроны да деньги, вашескорodie, — ответил бравый черномазый казак с хитрыми бегающими глазами.

**Все понимали: если противник решится
на серьезную атаку, им конец**

— Патроны? Нет, жаль кокандцам оставлять такую драгоценность в военное время. Иванкин!—обратился Скобелев к денщику. — Привези ящик с патронами!

Не успел он окончить фразу, как Иванкин, пригнувшись к луке, подымая клубы пыли, неся к арбе, схватил ящик и скакал уже обратно.

Вместо патронов в ящике оказались мелкие серебряные деньги.

— Патр-р-роны давай, а не эту дрянь! — закричал Скобелев.

Иванкин бросился назад к арбе, но мы видели, как в то же время к арбе скакали с шашками наголо кокандцы.

— Пропал, — мелькнуло в голове каждого.

Вот Иванкин около арбы, целая толпа кокандцев кольцом спешит окружить его. Визг, гиканье слышатся оттуда, пыль, поднявшаяся из-под копыт, скрыла все.

— Пропал! — проговорил Михаил Дмитриевич и махнул рукою.

В то же мгновение из столба пыли вырвался скачущий обратно Иванкин, поперек седла лежал ящик с патронами. Торжествующий казак неся во весь опор, грозя кулаком в ту сторону, где около арбы суетились кокандцы, расправляясь с арбакешем, который и был изрублен ими за службу капырам.

С громким гиканьем и стрельбою бросились кокандцы на конницу Худояр-хана, желая врезаться в ее середину. Гибель ханской кавалерия была неизбежна.

Бывший во главе ее кокандский посланник Мирза-Хаким так испугался этой атаки, что со страху упал с лошади и беспомощно лег на землю, призывая пророка принять его душу...».

Скобелев развернул своих всадников и левой бросил навстречу. Атака захлебнулась — кокандцы откатились назад, не приняв боя.

Еще несколько раз конница Афтобачи предпринимала такие же безрезультатные атаки.

— Ну и вояки, — недоумевал Скобелев, — ведь им ничего не стоит нас раздавить!

На другой день, к вечеру 23 августа, измученный караван добрался до предместий Ходжента, где его встретили 6-я сотня Сибирского казачьего полка и батальон пехоты с дивизионом артиллерии, высланные навстречу им из города.

За два дня пути из свиты хана было убито восемь человек и ранено девять. Русский конвой Скобелева потерял одного человека и был ранен мальчик из купеческой прислуги.

И никто не догадывался, почему всем остальным удалось уйти живыми. Абдуррахман Афтобачи отдал приказ не уничтожать караван, находящийся под защитой русского посольства, а лишь сопроводить до границ, пугая время от времени. Командующий кыпчаков в тот момент не желал ссориться с русскими властями. Он и его ближайшие сподвижники Иса-Аулие и Хал-Назар-ишик-агасы даже написали «оправдательное» письмо Кауфману, где говорилось: «С населения Коканда... со времен дедов и прадедов взимались харадж и танап, а также и другие подати, установленные шариатом, и взимались по определенному порядку... По восшествии же на престол его высокостепенства Худояр-хана он сошел с пути шариата и преступил установленные пределы, за что его и постигло должное возмездие... Сколько раз его просили смягчить образ действия, но он никогда не соглашался. Тогда, наконец, народ отвернулся от него».

Пытаясь договориться с могущественными русскими, Иса-Аулие, Абдуррахман Афтобачи и другие феодалы в то же время распространяли воззвания, призывавшие мусульман подняться против неверных на священную войну — газават. «...Исполняя заповедь Бога и религиозные

представления пророка Мухаммеда... здешние киргизы, кыпчаки, городские и сельские жители, согласившись между собой, решили начать священную войну... Все мы, от старшего до младшего, признали религиозную войну для себя обязательной. Надеюсь на помощь Бога, будем воевать с неверными... до последнего человека!».

* * *

На военном совете Пулат-хан согласился с объявлением газавата, но решительно воспротивился «не трогать» русских.

— Орусы наши враги, они захватили половину ханства и недостойно мусульманина вступать с ними в переговоры.

— А вы хотите, чтобы они забрали и последнее? — возражал Афтобачи. — Им сейчас нужно замазать глаза, чтобы выиграть время. Вот когда мы объединим всех мусульман Коканда, Хивы, Бухары и, может быть, Афганистана, Джетышаара и даже Ирана с Турцией— вот тогда с неверными можно и потягаться! А сейчас мы бессильны.

— С нами истинная вера! С нами Аллах, поэтому мы не можем не победить!

— Худояр-хан тоже так говорил, а что получилось?

Перепалка грозила разделить недавних союзников на два враждебных лагеря. Этого Афтобачи допустить не мог. И он пошел на очередную хитрость. Авторитет главнокомандующего был огромен как среди кочевников, так и среди оседлого населения. За ним стояли могущественные кыпчакские роды. Его поддерживали Наср-эд-дин-ханзаде, Мухаммед-Амин и Мурад-бек маргеланский со всеми своими силами. Пулат и его сторонники оказались в меньшинстве и сознавали это.

Афтобачи обратился к собранию:

— Вы меня выбрали на время войны главным над собою и это правильно: у войска должна быть одна голова. Оставим споры и займемся неотложными делами. Пусть

ханзаде выступит в Коканд и займет место своего отца — это успокоит народ. Благоразумие требует, чтобы высоко-рожденный Пулат-хан пока не показывался в столице... Во имя объединения вам лучше вернуться в Махрам, откуда вы прибыли для соединения с нами. Я же займусь сбором войска для борьбы с защитниками Худояра — орусами: если Худояр вернется, наши головы полетят!

Пулат-хан и его сторонники понимали: их отстраняют от власти. Но что-либо сделать в данных обстоятельствах не представлялось возможным. Пришлось подчиниться, и в тот же день, 22 июля, Пулат-хан отбыл в крепость Махрам, фактически — под арест. А 24 июля Сейид-Наср-эд-дин-хан был поднят на белой кошме по многовековой традиции, что означало признание его правящим ханом кокандским.

Новый хан написал Кауфману письмо, в котором уведомил генерал-губернатора о своем вступлении на престол, и просил сохранить к нему мирное отношение.

Тот ответил письмом от 4 августа 1875 г., в котором признал Наср-эд-дина ханом Коканда. Кауфман рассчитывал иметь во главе ханства послушную марионетку вроде хивинского хана или бухарского эмира. Поэтому он всячески высказывал свое расположение новому правителю и намеревался поддерживать его всеми силами.

В то же время Афтобачи заставил слабохарактерного Наср-эд-дина от своего имени призвать население к газавату.

Это подействовало и по всему ханству стали организовываться отряды фанатично настроенных мусульман, к которым, как это всегда водится, примазывались уголовные элементы. Пожар восстания перекинулся и в пограничные районы Туркестанского генерал-губернаторства. Уже 6 августа отряд некоего Зюльфикара перешел границу Кураминского уезда и взял кишлак Абалык.

Начальник Аулие-Атинского уезда писал в рапорте: «... По сведениям, доставленным моими лазутчиками, наши

кара-киргизы получили воззвание мятежников и многие из них, т. е. наших кара-киргизов, были не прочь примкнуть к мятежникам. Несколько подозрительных личностей, основавшихся между нашими кара-киргизами, захвачены мной и арестованы».

Из-за действий вооруженных отрядов было прервано сообщение между Ходжентом и Ташкентом, Ташкентом и Курамой. Донесения и рапорты сыпались одно тревожнее другого: «9-го августа... шайка в 5 тыс. человек переправлялась через Сыр-Дарью и сел. Махрама, заняла кишлак Самгар Кураминского уезда, в 25 верстах от Ходжента, и действует оттуда на почтовое сообщение Ходжента с Ташкентом».

Был сожжен стекольный завод купца Шаева. Отряды повстанцев появились на Чаткале. 9 августа другие отряды напали на Ходжент, но были отогнаны.

Русскому командованию стало ясно, что если не принять быстрых и решительных мер, то восстание перекинется в пределы генерал-губернаторства. Если не нанести сейчас упреждающего удара, то впоследствии потребуются несравненно большие усилия для тушения всеобщего пожара.

И Кауфман принял решительные меры. Нижние чины, отслужившие свой срок, были оставлены на службе; задержаны новобранцы, которых надлежало отправлять в Россию — их набралось 1600 человек. Были вооружены все чиновники и служащие почтовых станций. Всем уездным начальникам были даны распоряжения «объявить во всех кишлаках и аулах местным властям, что ежели подведомственное им население будет участвовать в шайках, скрывать их или помогать каким бы то ни было способом этим шайкам, то кишлак или аул будет разорен, а начальники их подвергнуты заслуженному наказанию».

По приказу Кауфмана был создан летучий отряд в составе 2-го Туркестанского стрелкового батальона, 1-го казачьего Сибирского полка и конной батареи Абрампальского.

В ночь на 7 августа этот отряд был поднят по тревоге и под командой генерала Головачева выступил в Кокандский поход. Авангардом командовал флигель-адъютант полковник Скобелев.

13 августа Кауфман распространил воззвание к населению с призывом поймать и представить ему Абдуррахмана Афтобачи за большую награду и прочие милости.

Не довольствуясь всем этим, генерал-губернатор 17 августа телеграфировал военному министру Милютину: «Для защиты ханства настоятельно необходимо пять батальонов, десять сотен, две батареи... Необходимо поторопиться с высылкой».

Требуемые части прибыли с опозданием — в январе 1876 г., когда, в сущности, все уже было кончено.

* * *

«Заключение» Пулат-хана в Махраме прошло спокойно. Абдуррахман Афтобачи разъяснил всем, что вождь нуждается в отдыхе, а отдохнув, возглавит борьбу против неверных.

Большинство удовлетворилось этим. Один лишь Абду-Мумин заподозрил неладное.

— Афтобачи много раз обманывал легионеров, а тот, кто украл курицу, украдет и верблюда. Почему Пулат-хана отправили в Махрам одного, только со слугами? Клянусь бородой пророка, тут дело нечисто.

— Кто о чем, а безбородый о бороде думает, — недовольно возразил Мырзакул. — И Пулат-хан, и Наср-эддин-хан и Абдуррахман парваначи теперь союзники. У них общий враг — неверные. Так стоит ли искать там, где не потеряно? Абду-Мумин готов заподозрить в измене даже свою тень, если спрячется солнце и тень исчезнет.

Абду-Мумин не стал спорить — он стал действовать. Вместе с полусотней верных ему джигитов он отправился к стенам Махрама для свидания с Пулат-ханом.

Но в крепость его не пустили. Бек крепости Атакул-батыр-баши на требования Абду-Мумина отвечал надменно:

— Пулат-хан никого не принимает. Он поправляет свое здоровье. В крепости достаточно сарбазов, чтобы потомку Алим-хана никто не угрожал. А ты, Абду-Мумин, я вижу, совсем здоров — твое место впереди тех, кто сражается. Иди, с благословения Аллаха!

Подозрение Абду-Мумина превратилось в уверенность: его хан арестован. Однако выручить его в данный момент не представлялось возможным: над стенами маячили головы сарбазов, на башнях-площадях виднелись многочисленные пушки.

И Абду-Мумин исчез.

Объявился он очень скоро на Чаткале, входившем в российский владения.

Из рапорта штабс-капитана губернского батальона Позднякова временно командующему войсками Сыр-Дарьинской области полковнику Чемерзину от 22 августа 1875 г.: «12 числа сего месяца служащий у меня на разведочно-пробном чугунно-плавильном заводе за приказчика татарин Чавкин... заявил мне, что по случаю смутного времени и слухам, будто киргизом Мумыном посланные киргизские шайки с р. Чаткала, пробирающиеся на большую дорогу для грабежа, и на пути их следования не покорящихся жителей грабят и режут, а скот отгоняют на Чаткал. Вследствие опасения за жизнь почти все рабочие с завода разбежались.

...Мумын посылает шайки для грабежа в разные стороны, им же за непокорность увезен живым на истязание чаткальский волостной старшина Назар Магомет, не покорившихся Мумыну чаткальских жителей за жалобу на него во время бытности там же на Чаткале всех перерезал...

...Все туземные жители, живущие по реке Чаткал, Чирчику и притокам их в опасении набегов и хищничества шаек, и не имея никакой защиты со стороны русских...

тайно... помогают Мумыну всеми средствами, кто чем может.

О чем и доношу...»

МАХРАМ

События в Кокандском ханстве вынудили генерал-губернатора Кауфмана принять решительные меры. Он быстро сформировал в Ташкенте летучий отряд.

Повстанцы во главе с Абдуррахманом Афтобачи сосредоточились в крепости Махрам. В несколько раз они превосходили силы Кауфмана. «Отряд вторжения», стянутый Кауфманом под Ходжент, состоял: пехота — из роты саперов, трех рот 2-го линейного, двух рот 4-го линейного, двух рот 7-го линейного батальонов, а также из 1-го и 2-го стрелковых батальонов в полном составе, т. е. еще восемь рот; кавалерия — из восьми сотен казаков; артиллерия — из дивизиона 1-й пешей батареи, 2-й пешей батареи, 3-й конной казачьей оренбургской батареи и батареи ракетных станков. Всего — 16 рот, 8 сотен, 20 орудий и 16 ракетных станков. Кавалерией командовал полковник М. Д. Скобелев, помощником ему Кауфман назначил своего адъютанта подполковника Адеркаса, которому дал задание:

— Михаил Дмитриевич — изрядный стратег, но — горячая голова. Так уж вы, подполковник, посматривайте за ним. Пусть не лезет вперед как забубенный есаул. Подстраховывайте, так сказать.

20 августа, лишь только рассвело, войска выступили к Махраму и, пройдя за день 22,5 версты, остановились на берегу Сыр-Дарьи, разделявшей русские и кокандские владения. Ночь прошла спокойно и на рассвете 21 августа войска продолжили движение в походных колоннах. Походный порядок русских войск был смешанным, т. е. 1-я

и 2-я пешие батареи шли между колоннами стрелковых и линейных батальонов. Конная же артиллерия и ракетная батарея двигались вместе с казачьими сотнями Скобелева на правом фланге.

Поднялось жаркое августовское солнце и на дальних холмах появились первые неприятельские пикеты.

Прозвучала команда и войска, не прекращая движения, стали перестраиваться в боевой порядок. 2-я пешая батарея Савримовича тотчас развернулась и выдвинулась вперед. Справа и слева (по две роты с каждой стороны) ее прикрыл во взводных колоннах 1-й стрелковый батальон подполковника Гарновского. 2-й стрелковый батальон подполковника Андросова двумя ротами выдвинулся справа, а две оставшиеся роты встали под прямым углом к фронту: получилось полукаре — для отражения нападений с правого фланга. Здесь же по-прежнему двигались казачьи сотни Скобелева. Обозные арбы и вьючные лошади были выведены из боевых порядков и составили особую колонну под прикрытием двух пехотных рот и дивизиона орудий под командованием полковника барона Меллер-Закомельского. Две роты 4-го батальона полковника барона Аминова и две роты 7-го батальона полковника Ефремова с дивизионом 1-й пешей батареи составили арьергард.

С далекого холма за движением русских войск наблюдал сам Абдуррахман Афтобачи. Его орлиный взор отметил все детали безукоризненных перестановок рот и взводов, совершаемых на ходу. На скулах главнокомандующего заходили желваки.

— Вот с каким войском нам приходится иметь дело! — сказал он свите. — Несколько тысяч как один человек подчиняются слову команды! Можно ли сравнить их с нашими толпами храбрых, но подобных баранам джигитов? Они бросаются на врага всем скопом и таким же скопом откатываются назад, если встретят достойный отпор.

— С нами Аллах! — напомнил мулла Иса-Аулие.

**2-я пешая батарея Савримовича тотчас
развернулась и выдвинулась вперед**

¹⁵ Том XV. В. М. Плоских

— Аллах всегда на стороне сильнейшего! — возразил Абдуррахман. — Ибо только Он дает силу и победу. Мне бы такое войско, и я бы покорил весь Туран, весь Иран, Афганистан и даже Индию. Но хватит бесполезных разговоров. Ты, мулла, возьми своих всадников и ударьте по капырам. Не надо бросаться на врага в лоб — там вас встретят губительные пушки. Обойдите их слева и атакуйте вторую и третью линии — тогда их пушки окажутся бессильными. Атакул-Батыр-баши, Аким-бек, Ис-фандиар!.. Вы пойдете ему в помощь!

— Повинуемся! — ответили военачальники и помчались к своим отрядам.

Около 8 часов утра завязалась перестрелка. Многочисленная кокандская конница стала обходить русские войска с правого фланга, нацеливаясь главным образом на вторую линию, где не было страшной для кокандцев артиллерии. Им удалось обойти кавалерию Скобелева и затем выйти ей в тыл, охватив казаков словно подковой.

Но Скобелев, зорко следивший за передвижением врага, отдал приказ переменить фронт: казачьи сотни сделали «направо!». Артиллеристы и ракетчики выдвинулись на полном скаку вперед по всему флангу, развернули свои смертоносные орудия и открыли по ордам наступающих убийственный огонь. Казаки, дрожа от нетерпения, рвались в бой, но Скобелев строжайше приказал оставаться на местах.

— Надо беречь коней, — объявил он своим офицерам. — Они нам еще понадобятся для взятия Махрама.

Артиллерия и ракеты сделали свое дело: оставили десятки трупов и бьющихся в агонии лошадей, атакующие отхлынули и беспорядочными толпами ускакали к горам.

— Переменить фронт! Продолжать движение! — отдал приказ Скобелев.

И войска снова двинулись вперед. Между тем мулла Иса-Аулие, Аким-бек и остальные военачальники собирали свои потрепанные отряды.

— О Аллах! Зачем ты покинул нас? — чуть не плакал Иса-Аулие, подняв глаза к небу.

— Перестань докучать Аллаху своими жалобами, — сказал Атакул-Батыр-баши. — Видишь вон ту завесу пыли? Это парваначи шлет нам подмогу.

Действительно, Абдуррахман, наблюдавший со своего холма за всеми перипетиями неудачной атаки, послал для усиления атакующих всю оставшуюся конницу под командованием Батыр-тюри и Нур-Мухаммеда-датхи.

Вскоре кокандские всадники снова обрушились на фланг и тыл Скобелева. Тот повторил прежний маневр.

На этот раз достаточно было четырех гранат и трех ракет, чтобы сорвать атаку. Вновь отхлынули джигиты Афтобачи, оставляя убитых и раненых. После этого они больше не повторяли нападения, ограничиваясь бесполезным обстрелом казаков с расстояния, с которого кокандские пули не долетали до русских рядов. Однако повстанцы не отставали от русских, выжидая удобный момент для следующей атаки.

Между тем пехотные роты достигли арыка перед кишлаком Карачкум, где был намечен ночлег. «Арык» — сказано слабо: это был глубокий канал, от которого отходили десятки маленьких арыков на окрестные поля. К удивлению русских, вся эта ирригационная система оказалась без воды.

— Что бы это значило? — удивлялись солдаты.

— Наверняка, пакость, — рассуждали унтеры.

— Или где-то в верховьях прорвало дамбы, или кокандцы перегородили реку плотиной... Но, в таком случае, зачем? — переговаривались старшие офицеры.

Так или иначе высшие командиры решили перейти сухой канал и разбить бивак дальше, в полутора верстах от Карачкума.

Преодоление глубокого русла канала представляло некоторые трудности для войск, особенно для артиллерии

и обоза. Этим немедленно воспользовались следившие за ними кокандцы. Иса-Аулие и Батыр-тюря бросились со своими отрядами на переправлявшихся, а Исфандиар, Аким-бек и Атакул-Батыр-башы — на казаков Скобелева, чтобы отрезать их от пехоты.

Однако кокандские военачальники недооценили русское командование. В кишлачных садах для обеспечения переправы заранее были спрятаны рота 1-го стрелкового батальона и еще арьсгард барона Аминова. Они встретили нападавших залпами в упор. Опять убитые, раненые, бьющиеся в агонии лошади...

На этот раз кокандцы ушли окончательно. К концу дня все закончилось. Фон Кауфман потребовал отчета о потерях. Ему доложили: израсходовано 9 гранат, 7 ракет и 2795 патронов. Потерь в живой силе нет.

— Как? Даже раненых? — поразился Кауфман.

— Даже раненых, ваше высокопревосходительство.

В полутора верстах от кишлака начали располагаться на ночлег. Бивак устроили по всем правилам военного искусства. К пяти часам вечера конные толпы кокандцев появились у Карачкума, по ту сторону канала. Кауфман приказал направить против них два отряда: пехотный — из четырех рот при двух орудиях и кавалерии — из шести сотен и ракетной батарее.

Заметив пыль, поднятую движущимися войсками, кокандцы убралась подобру-поздорову. Не найдя неприятеля, оба отряда воротились в лагерь. Ночь прошла спокойно.

Ночь прошла спокойно и для солдат и офицеров экспедиционного корпуса. Зато руководителям похода — самому Кауфману, генерал-лейтенанту Головачеву, начальнику штаба генерал-майору Троцкому и начальнику кавалерии полковнику Скобелеву было не до сна. Они обсуждали план завтрашнего боя. Очень беспокоило отсутствие воды в каналах: несомненно, здесь какой-то подвох. Были посланы к Махраму лазутчики. Они вернулись к рассвету и донесли:

по приказу Афтобачи канал запрудили и вокруг Махрамской крепости образовались целые разливы, через которые невозможно пройти. Сама крепость необычайно укреплена. Абдуррахман Афтобачи собрал там не менее 60 тысяч человек, по русскому образцу, приказал вырыть траншеи и поместить в них стрелков. Линия обороны усилена 24 пушками. Словом, Махрам — крепкий орешек, и Афтобачи уверен: русским он не по зубам.

Выслушав донесение, Кауфман сказал:

— Итак, решено. Войска пойдут не в лоб, а в обход левого фланга кокандских позиций. Этим достигаются две цели: во-первых, избежим напрасных потерь от артиллерии, во-вторых, в случае успеха прижмем неприятеля к реке.

Остальные выразили полное согласие.

22 августа в 5 часов утра войска снялись с бивака, построились в боевом порядке и начали обходное движение вдоль левого фланга кокандских позиций.

В тот же миг, будто того и ждали, появилась вражеская конница. Она опять обходила правый фланг, повторяя вчерашний маневр. Войска продолжали движение как ни в чем не бывало. Пользуясь этим, кокандские отряды, не входя в соприкосновение с русскими, охватили весь правый фланг (на котором двигалась кавалерия Скобелева), обогнули с тыла и вышли с левой стороны. Таким образом, корпус вторжения оказался как бы внутри вражеской подковы: неприятеля не было только по фронту. Воинственные крики, рев боевых труб, треск ружейных выстрелов доносились со всех сторон и способны были испугать даже неробкого человека. Однако пехотные роты и кавалерия продолжали движение, отстреливаясь на все стороны. И лишь непроницаемые тучи поднявшейся пыли вынудили сделать несколько остановок в ожидании, пока пыль хоть немного уляжется.

Наконец, показались глинобитные стены крепости Махрам: она стояла немного левее движения, на берегу Сыр-

Дарьи. От ее стен тянулись вправо укрепленные позиции до садов и строений кишкала с тем же названием, за которым сразу поднимались отроги гор.

Русские войска наткнулись на мощную оборону. Перед ними были сплошные разливы воды, в которой могли утонуть и пушки и люди, а дальше — траншеи с кокандскими стрелками и артиллерия, которая, по сведениям лазутчиков насчитывала 24 орудия. Конница кочевников сгруппировалась на правом фланге обороны.

Тогда Кауфман отдал приказ войскам «заходить правым плечом вперед». Кокандцы тотчас открыли сильный артиллерийский огонь, но безрезультатно: ядра не долетали. Батальоны продолжали движение на левый фланг. Видя это, Афтобачи распорядился перетащить бесполезные пушки с фронта на свой правый фланг (13 орудий).

Миновав фронт атакуемой позиции, войска переместили свой фронт налево и остановились; вперед выдвинулась артиллерия. 12 орудий открыли губительный огонь по окопам: в отличие от кокандских русские пушки были дальнбойнее. Подавив сопротивление противника, два стрелковых батальона под командой генерал-лейтенанта Головачева пошли на штурм. Артиллерия двигалась следом. Кокандцы снова ответили сильным огнем. Два раза батальонам приходилось залегать, артиллеристы выезжали вперед и опять открывали огонь по окопам. Наконец, когда до вражеских позиций оставалось не более 100 саженьей, войска перестроились в ротные колонны и бросились на штурм.

Защитников было гораздо больше, чем штурмующих, но они были деморализованы артобстрелом: кругом лежали убитые, кричали раненые, растерянные начальники метались, не зная, что предпринять. Между тем роты достигли траншей: начался штыковой бой. Он закончился очень быстро: орудийная прислуга была перебита, атакующие взяли 13 орудий, а затем еще восемь. Как пишет историк, «все это совершилось, собственно, в четверть часа».

Пока 2-й батальон продолжал драться в траншеях, Головачев послал 1-й батальон взять самую крепость Махрам. С крепостных стен отвечали сильным ружейным огнем. Рассыпав густую цепь стрелков, батальон обошел крепость с юга и востока, выломал наружные и внутренние ворота и ворвался в крепость... «Несмотря на огонь в упор из сабель, (батальон) быстро пробежал по главной улице к барбету, вслед за бежавшим неприятелем, вскочил на барбет, занял вправо и влево фасы крепости и открыл частый огонь по толпе неприятеля, бежавшего к берегу. Весь берег скоро был завален трупами; искавшие спасения в реке потонули... Через час в крепости не осталось ни одного живого врага и на стенах ее выставлены были жалонерные значки батальона...».

Пулат-хан, запертый в большой комнате, метался словно барс в клетке. Он слышал выстрелы, гром артиллерийской канонады и понял, что русские начали штурм. Но напрасно стучал в двери, звал и ругался Пулат-хан, никто ему не отвечал: и слуги, и стражники сбежали.

После нескольких попыток ему удалось выломать двери. Он выглянул: в коридорах и переходах — ни души; на улице же творилось что-то ужасное: оглушительный треск, крики.

Он выскочил на улицу. Первое, что увидел, — коня, мечущегося, без всадника. Он поймал его: животное дрожало и рвалось прочь, обезумев. По всей улице лежали тела убитых сарбазов. А в дальнем ее конце, у городских ворот, мелькали ненавистные мундиры русских солдат. Пулат-хан поднял брошенную кем-то саблю, вскочил в седло и помчался к реке, прочь из крепости. Вдогонку ему засвистели пули.

Вся кавалерия русских (восемь сотен казаков) была разделена на четыре дивизиона (по две сотни в каждом). 1-й и 2-й дивизионы составляли передовую линию под командованием Скобелева; 2-ю линию — арьергард — он поручил своему заместителю подполковнику Адеркасу:

— Держите наши тылы, кочевники такой народ — бросятся с гор, оглянуться не успеешь.

И поскакал вперед.

Когда линия обороны была взята, Скобелев задумал прорваться в тыл кокандских позиций с тем, чтобы отрезать путь к отступлению войскам Афтобачи. Для этого на первой линии, на всякий случай, он оставил всю артиллерию под прикрытием полусотни и 1-й дивизион казаков полковника Шубина, велел им следовать за собой, а сам с двумя сотнями 2-го дивизиона перебрался через траншеи, миновал кишлачные сады и оказался в тылу кокандских позиций.

Здесь перед ними открылась такая картина: вдоль берега Сыра через огромное поле джугары двигалась масса отступающей пехоты и конницы. Сквозь завесу густой пыли виднелись развевавшиеся воинские значки и бунчуки. Скрепели арбы, таща пушки. Было ясно: армия Афтобачи покидала Махрам.

Кровь бросилась в голову Скобелеву.

— А ну, ребята, в шашки этих дьяволов! Рубите их как капусту! — И первый бросился в отступавшие толпы. За ним устремились войсковой старшина Рогожников, командир дивизиона и старший вахмистр Крымов.

Кокандцев было во много раз больше. Но никто не ожидал появления здесь казаков, их приняли за своих. И лишь когда сотни на полном ходу врубались в толпы отступавших, раздались первые крики боли, растерянности, потом ужаса. Все перекрыл общий вопль «Джау!» («Неприятель»). Отступавшие не знали, в каком количестве напал враг: никому не пришло бы в голову, что казаков две сотни и смять их — дело нескольких минут.

Тем временем прискакала ракетная команда капитана Абрамова и тоже включилась в потасовку. Густая пыль удесятерила силы нападавших. В общей неразберихе отступавшие войска, потерявшие управление, не зная, что происходит, поддались панике. Организованное отступление

превратилось в повальное бегство, атакующим почти не оказывали сопротивление.

Вскоре были взяты две пушки; одну из них захватил Скобелев со своей охраной, а другую — есаул Жигалин с сотней уральских казаков.

Эта бойня продолжалась на протяжении 10 верст. Усталость и людей, и лошадей становилась все заметнее. И казаки, и кокандцы скакали врассыпную, порою рядом...

Наконец, Скобелев очнулся от воинственного угара, огляделся и сразу оценил положение: их — всего три сотни вместе с ракетной командой, кокандцев — тысячи. Было видно, как с гор на помощь бегущим спускались свежие полные сил отряды. А 1-го дивизиона Шубина все нет...

— Труби сбор! — крикнул он своему денщику Иванкину, скакавшему, как всегда, рядом.

Преследование прекратилось. Казаки, отделившись от кокандцев, собрались вокруг своего командира. В этот момент наконец-то прискакали сотни полковника Шубина.

— Где вас носило, черт возьми? — взорвался Скобелев.

— Наткнулись на глубокий арык, искали место для перехода, — миролюбиво ответил Шубин.

— Берите сотню и скачите вдоль берега реки — там еще много неприятеля.

Шубин отдал честь и ускакал. Скобелев с остальными тремя сотнями и ракетной батареей опять устремился вдогонку отступавшей конницы неприятеля: следуя законам воинской науки, он всегда стремился преследовать врага до полного уничтожения.

Но пока делали сбор да разбирались с полковником Шубиным, отступавшие успели уйти далеко. Три версты скакали сотни, попали в вязкий солончак, из которого усталые лошади с трудом выдергивали копыта, иные же вязли по самое брюхо. Когда миновали это гиблое место, остановились...

Прямо перед наступавшими, не более чем в полуверсте, стояли многочисленные ряды вражеской конницы...

— Вот и приехали, — сказал войсковой старшина Рогожников.

— Да-а, — крикнул кто-то.

Изумленные казаки видели, как неприятель, заметив их, тотчас двинулся навстречу. От центра вытянулись два крыла всадников, которые стали обходить русских справа и слева...

Что делать? Отступать назад по солончаку — значит подставить себя неприятелю и погибнуть ни за понюшку табаку.

Настала критическая минута... Сам Скобелев несколько растерялся... Все смотрели на своего командующего... Секунды шли...

— Ракетная батарея, вперед! — крикнул он.

Капитан Абрамов давно уж был наготове. Не успели затихнуть слова команды, как ракетчики вылетели вперед, развернулись и открыли беглый огонь.

Потребовалось 15 ракет, чтобы вражеская конница остановилась, а затем развернулась и ускакала в горы. Положение было спасено. Все облегченно вздохнули: теперь можно было, не теряя времени и воинской чести, отходить к Махраму.

Генерал-губернатор Кауфман сразу же после сражения послал телеграмму на Высочайшее имя, в которой извещал царя:

«...Неприятель понес полное поражение, впечатление победы на население ханства огромное, но все последствия боя под Махрамом теперь еще нельзя определить... Войска Вашего Императорского Величества вели себя славно, молодецки!»...

Спустя неделю Кауфман получил ответную телеграмму от царя. Его Императорское Величество выражало благодарность за победу лично ему, Кауфману, а также всем войскам, участвовавшим в сражении. В присутствии хана

Наср-эд-дина перед построенными войсками генерал-губернатор прочел царское «спасибо», на что батальоны и сотни, как и полагается, ответили громовым «ура». На бедного Наср-эд-дина и его двор это произвело «неизгладимое впечатление»...

Из 3500 человек, участвовавших в битве под Махрамом, русские потери составили: убитыми — шесть человек (один штаб-офицер — подполковник Хорошкин, четыре рядовых и один джигит); ранеными — восемь человек (один штаб-офицер и семь нижних чинов). Израсходовано: 149 снарядов, 29 ракет и 9357 патронов.

Трофеями были: 39 орудий, более 1500 ружей, множество фальконетов, сабель, более 50 бунчуков, знамен и значков...

Махрамские позиции защищали 50 тысяч конницы и 6—10 тысяч пехотинцев вместе с орудийной прислугой (по показаниям самих кыпчаков, подтвержденным Наср-эд-дин-ханом).

Потери войск Абдуррахмана Афтобачи оценивались примерно в 1200 человек.

МИРНЫЙ ДОГОВОР

Преследуя отступающие войска Афтобачи, полковник Скобелев прошел Исфару, Маргелан и подошел к городу Ош. В каждом населенном пункте на этом трагическом пути победители находили множество арб с имуществом, поврежденные пушки и сотни загнанных измученных лошадей, брошенных беглецами.

Город Ош сдался без сопротивления. Бескровное взятие его произвело громадное впечатление на кочевников. Кыргызы и кыпчаки считали Ош издавна своим городом, здесь никогда не стояли гарнизоном ханские сарбазы. В день занятия города к Скобелеву явилась целая депутация окрестных кыргызов во главе с бием Сураном. Суран выразил русскому начальнику свое удивление по поводу действий его войска. На это Скобелев возразил:

— Идет война. Я обязан утвердиться во всех значительных пунктах, чтобы они не послужили опорой Афтобачи или Пулату.

— Но Ош ни с кем не воевал...

— А разве не занимали до этого ваш город бунтовщики? Тот же Пулат-хан? Я не намерен предоставить ему такую возможность еще раз. Более того: я налагаю на жителей контрибуцию.

Бий Суран со вздохом ответил, что они вынуждены подчиниться силе. Потом робко осведомился: велика ли контрибуция?

— Пусть Ак-паша знает: в городе мало серебра, а золота совсем нет...

— Мне не надо денег, — отвечал Скобелев. — Представить в качестве контрибуции вы должны следующее: 6600 снопов клевера, 4700 лепешек, 3 быка и 114 лошадей. Лошадей предлагаю реквизировать у тех, кто ходил с Афтобачи в походы и сражался против нас под Махрамом. Таким образом, мирные жители не пострадают. Кроме того, все должны отдать оружие.

Суран-бий выжидательно молчал.

— Это все, — сказал полковник.

Суран-бий с достоинством поклонился и ответил, скрывая облегчение, что требуемое будет доставлено в срок, какой назначит начальник.

— Мы легко отделались, — говорил бий остальным. — Город остался цел. Пусть каждый владелец дома внесет три снопа клевера и две лепешки — невелик убыток! А быков может купить вскладчину каждая махалля.

— Русский начальник очень справедлив, — поддержал кто-то из делегатов. — Он забирает только лошадей бунтовщиков. Простой народ останется довольным.

Суран-бий поглядел на говорившего с усмешкой:

— Дурака учить — что мертвого лечить. Не так уж и добр орус. Он — хороший воин и знает: самые лучшие кони у тех, кто ходил в военный поход. Вот он и забирает у нас все лучшее. Зачем ему хромые клячи дыйкан?

* * *

После битвы под Махрамом повстанческая армия стала разваливаться. Уже 9 сентября к генерал-губернатору Кауфману явились делегации от городов Андижан, Шарихан, Ассак и Балыкчи. 10-го сдались два главных сподвижника Афтобачи — Атакул-Батыр-баши и Хал-Назар-Ишик-агасы.

В тот же день к М. Д. Скобелеву в Ош явилась делегация аксакалов из Кара-Су. Они рассказали: «...На рассвете услышали топот лошадей и увидели вправо от дороги

самого Афтобачи, скакавшего посреди толпы: почти половина его людей сидела по двое на одной лошади». И было с ним не более 100 человек.

Другие очевидцы рассказывали, будто на пути бегства могущественному кыпчакскому военачальнику больше не оказывают прежнего уважения, не предлагают достархан, клевера и лепешек...

Скобелев всенародно объявил воззвание Кауфмана: если жители хотят мира и спокойствия, то должны выдать Афтобачи; только с пленением головы может получить отдых тело. Все население получит полный аман — пощаду. «Народ, однако, — замечает историк, — прекрасно понимал, что ему и так ничего не сделают русские, если им не сопротивляться, и потому нисколько не торопился ловить и вязать своего полководца». Скобелев тоже возлагал на свое объявление мало надежд. Один из колониальных чиновников, Коряев, посоветовал:

— Чего, проще, ваше благородие! Всем известно, что в городе находится семья Афтобачи. Арестуйте их всенародно, заключите под стражу, так Абдрахмашка сам прибежит.

Лицо Скобелева побагровело:

— Милостивый государь! — загремел он. — Если бы вы были человеком чести, за такой совет я вызвал бы вас к барьеру! Но вы — прохиндей и протобестия! Вон с глаз моих!

Чиновник в ужасе вылетел за дверь. Немного успокоившись, полковник проворчал:

— Каков жук! Такая козявка, а поди ж ты — «Абдрахмашка»! Нет-с, милостивые государи! Абдуррахман Афтобачи — неплохой полководец и как противник достоин всяческого уважения. Да-с!

* * *

21 сентября к Наср-эд-дин-хану прибыл от генерал-губернатора Кауфмана чиновник для дипломатических

поручений, уже известный коллежский советник Вайнберг... Он привез текст мирного договора. Сопровождавший посла переводчик татарин Ибрагимов перевел его на чагатайский язык.

Ознакомившись с условиями договора, придворные сановники ахнули. По договору Кокандское ханство превращалось в бесправного вассала Белого царя. Теперь хан не имел права начинать войну или заключать мир, вообще не мог сноситься с другими государствами без разрешения туркестанских властей.

К Российской империи отходила вся территория ханства по правому берегу Сыр-Дарьи и Нарына с городом Наманганом. Российские купцы получали право беспошлинной торговли, а российские заводчики — безвозмездной разработки полезных ископаемых и строительства заводов и фабрик.

Кроме того, кокандское правительство должно было уплатить российскому правительству контрибуцию в 600 тысяч рублей.

Особенно возмущались такие представители верхушки, как Иса-Аулие, Зюльфикар, Махмуджан.

— Орусы достигают сразу две цели, — сказал Иса-Аулие. — Сначала грабят нас, а ограбив, делают рабами.

— Если мы согласимся на этот договор, то согласимся и на другое: Кокандского ханства больше нет! — сказал Зюльфикар.

— Зачем же мы тогда изгоняли Худояра? — с горечью сказал Махмуджан.

— Что вы предлагаете? — воскликнул Наср-эд-дин. — Отказаться? Но русские уничтожили наши войска и нам нечего противопоставить им.

— Призвать на помощь афганского эмира, иранского хана, даже ангрезов! — вскричал Иса-Аулие.

— А разве Кауфман будет ждать, пока мы сделаем это? — возразил хан. — Разве мало мы потерпели поражений?

А теперь можем лишиться своих голов! Помните: побежденный всегда платит, победитель всегда прав.

— Но как мы соберем с народа 600 тысяч? Ведь это 125 тысяч золотых тилла? После трехлетнего разорения! Я бы за это не взялся!

— Наших сборщиков люди просто побьют камнями!

Наср-эд-дин-хан только тяжело вздыхал на своем троне.

На следующий день, 22 сентября, кокандская делегация выехала в Маргелан, где находился генерал-губернатор Кауфман, для подписи этого грабительского договора.

Договор подписывался в торжественной обстановке. С одной стороны — хан в своем царственном наряде с золотым пером на чалме, окруженный сановниками в дорогих халатах, расшитых золотом и серебром, усыпанных драгоценными камнями, с другой — сам генерал-губернатор, могущественный распорядитель судеб Туркестана Ярым-падишах (полупадишах), как его звали кокандцы, фон Кауфман при всех регалиях, со своими генералами, штабными офицерами и чиновниками в парадных мундирах. За окнами зала расположился полковой оркестр, а 3-я рота 1-го Туркестанского линейного батальона стояла «на караул». Переводили сразу два переводчика: татарин Ибрагимов и немец Якоб Дитрих.

Наср-эд-дин-хан в то время был еще совсем юношей с приятным лицом, но несколько одутловатым и нездорового цвета. Фигура его была излишне полноватой: из-под царственного халата явно проступал живот. Тяжко вздыхая, он подписал договор и приложил государственную печать.

После этого наедине за достарханом состоялась беседа генерал-губернатора с последним кокандским ханом.

Первым делом хан протянул Кауфману письмо, уже переведенное на русский язык. В нем говорилось: «..С тех пор, как начались эти события, я, по милости Афтобачи, находясь в неволе, помимо моего желания сделался ханом. По многочисленности у Афтобачи дурных людей я ничего сделать не мог...

...Вполне сознавая свою несостоятельность для исполнения некоторых пунктов, изложенных в договоре, я написал Вам свою просьбу... Мне трудно оставаться над народом... Я прошу Вас искренно избавить меня от этого счастья».

(Послание было длинным, мы выбрали из него только основное).

Прочитав, генерал-губернатор некоторое время пребывал в раздумье. Затем спросил:

— Итак, вы желаете сложить с себя полномочия ко-кандского правителя?

Переводчик Якоб Дитрих перевел:

— Ярым-падишах спрашивает: «Неужели Вас больше не прельщает счастье носить высокий титул правящего хана?».

— Не прельщает, — твердо ответил Наср-эд-дин.

Кауфман смотрел испытующе.

— Скажите откровенно: признаете ли Вы предложенный договор потому невозможным к исполнению, что он действительно сам по себе неисполним?

Несколько помедлив, хан отвечал:

— Договор исполнить было бы можно, если бы у меня были люди, на которых можно положиться. Но у меня нет таких людей, я никого не знаю, а те, которые меня окружают, люди ненадежные.

— Видимо, основное затруднение состоит в сборе контрибуции?

— Да, — сказал хан.

— Насколько мне известно, — продолжал Кауфман. — В государственную казну при Вашем отце поступало за год вдесятеро больше требуемой нами суммы. Да столько же прятали в свои кушаки сборщики налогов. Неужто теперь это препятствие неодолимо? Тем более, что мы предоставляем вам право уплатить в три срока в течение года.

— Я повторяю, — отвечал хан. — Чтобы выполнить перед вами обещанное, требуются надежные люди. А их у меня нет.

¹⁶ Том XV. В. М. Плоских

Договор подписывался в торжественной обстановке

Сразу же после беседы по приказу Кауфмана были арестованы главные противники договора: мулла Иса-Аулие, Зюльфикар и Махмуджан. Их отправили в Ташкент и затем выслали в Россию.

На следующий день Кауфман выступал в Наманган. Наср-эд-дин приехал проводить его и опять повторил, что он готов сложить с себя ханские полномочия. Кауфман с этим не согласился — Наср-эд-дин на престоле его устраивал, тем более что еще не было покончено с другим претендентом — Пулат-ханом, который русскую администрацию не устраивал никак.

Обе стороны приступили к исполнению договора. Сборщики нового хана готовились к сбору податей, который обычно приурочивался к концу года — октябрю—декабрю.

Русские войска покидали пределы ханства и переправлялись на правый берег Сыр-Дарьи.

Из вновь завоеванных земель был создан Наманганский отдел в составе Туркестанского генерал-губернаторства. Начальником этого отдела был назначен произведенный в генерал-майоры Скобелев.

* * *

По поводу мирного договора чуть не поссорились два закадычных приятеля: ученый востоковед Кун и топограф штабс-капитан Петров.

— Мирный договор! — воскликнул Кун. — Ну-ну! Да-да! А знаете, как это выглядит, если рассказать детям? Большой дядя говорит маленькому дяде, поднося к его носу могучий кулак:

— Понюхай, чем пахнет! Поэтому заключим мирный договор. Это, это и это — было твое, теперь — мое. Остальным — владей, позволяю. Согласен?

Маленький дядя высморкался в полу халата, вытер слезы, понюхал кулак — пахнет смертью — и закивал чалмой:

— Конечно, конечно.

— И после этого вы хотите, чтобы кокандцы любили русских!

— Вы это красочно представили, но — брехня! — возразил Петров. — Всех кокандцев свалили в одну кучу. А это не так. Кто сражается против нас? Вожди кочевых племен! У них мы отобрали праздничный пирог — возможность грабить население без зазрения совести. Ну, а те, кого грабят? Им русское правление — гарантия от разбоя, безначалия, им — спокойная жизнь, безопасность семей. Видели депутации? Хлеб-соль — достархан для русских? Думаете, все это подхалимаж? Отнюдь! От души. Нет-с, брешете вы, господин ученый!

— За такие слова можно и к барьеру! — заметил Кун. Петров засмеялся:

— Тогда получится как в вашей сказке: я — могучий дядя, поднесу к вашему носу кулак: чем пахнет? Вы же видели: я попадаю с пятидесяти шагов в десятку. А вы пистолет даже зарядить не умеете... Давайте лучше спать.

* * *

Итак, 22 сентября 1875 г. был подписан мирный договор. 25 сентября Кауфман обратился к населению с воззванием бороться против Пулат-хана: «...Приглашаю помогать в этом деле всеми силами своему хану. Объявляю также всему народу, что я беспорядков в ханстве терпеть не буду... Предупреждаю, что в случае продолжения беспорядков... наступит час наказания, тогда раскаяние будет поздно и будет плач и горе».

В ответ на это знатнейшие предводители кыргыз-кыпчаков из южных и восточных горных районов, собравшись в кишлаке Бута-Кара близ Андижана, провозгласили ханом Пулата и по древнему обычаю подняли его на белом войлоке. На этом торжестве присутствовали и владельцы Каратегина — горной области Таджикистана.

— Теперь самое время играть свадьбу, — сказал Раим-шах каратегинский своему визирю Файзулло. — Откладывать не будем. Ничего зазорного в том нет, если мы и поторопимся: ведь Пулат-хан сватается к нам уже целый год.

Через день холостяк Пулат-хан получил наконец-то жену, сестру нынешнего правителя Каратегина Раим-шаха, прекрасную Зухрагон. Свадебный пир устроили с истинно восточным размахом. Гремели оркестры, юные девушки неслись в плавном танце, канатоходцы показывали чудеса своего искусства, факиры глотали огонь, а потом извергали его обратно... Были и скачки, и неизбежное козлодрание. Тысячи гостей насыщались мясом баранов и знаменитым ферганским пловом, лучше которого нет в мире. Пировала вся армия. Но самыми почетными гостями, кроме шаха каратегинского и его свиты, были те, кто поднял на белой кошме Пулат-хана и кому он был всем обязан: кураминец Абду-Мумин, Сулейман-удайчи-найманец, мулла Мусакутлук-сейидовец... Это те, которые знали, кто он такой на самом деле. А кроме них и те, кто этого не знал: Оморбек-датха из племени адыгене, Орозалы из рода ахавит, мулла Касым из рода кесек, Багымбек, Бутабек, Оморбек (другой), Кийикбек-пансат, Шамырза, Мырзакул и другие. Все — вожди южнокыргызских племен. А кроме них и представители узбекской феодальной знати: Амал-ишикагасы, Исфан-диар и даже мулла Юлдаш-пансат, тот самый, который два с половиной года назад так свирепствовал против повстанцев.

Вот когда мулла Исхак, сын бедного мудариса Хасана из рода простых кочевников, почувствовал себя настоящим ханом! Теперь ему и самому казалось, что он действительно из рода минг. Глава рода дёёлёс Мырзакул, чтобы сделать приятное своему новому хану, откопал где-то древнего старца:

— Я привел Повелителю человека, который служил его дедушке Алим-хану.

Старец вытирал слезящиеся глаза и все норовил облобызать Пулат-хану руку. А потом начались воспоминания:

— Великий был правитель, Сейид-Мухаммед-Алим-хан! Половина вселенной повергалась к его стопам. А еще хан очень любил голубей. Для них он приказал выстроить голубятни, украшенные золотом и серебром. Когда птицы поднимались все сразу в небо, закрывалось солнце, а шум от крыльев превосходил шум весеннего дождя. У каждой из них было надето золотое колечко на правой лапке и серебряное — на левой. Любимцы же носили крошечные колокольчики, издававшие райский звон...

Старик передохнул и попросил промочить старое горло.

— Множество слуг ухаживало за голубями, а на их кормление расходовалось ежедневно 40 батманов зерна! Вот каков был дед нашего Пресветлого хана!

— Неужели он кормил слуг одним зерном? — поинтересовался Пулат-хан.

Старик замахал руками:

— Нет! Нет! Пресветлый хан тратил зерно на голубей!

— Мой дед поступал плохо. Лучше бы эти 40 батманов зерна он отдал многодетным семьям нищих поденщиков. Люди благословили бы его и Аллах продлил бы ему жизнь.

Все выразили восхищение благородством помыслов Пулат-хана. Один лишь каратегинский визирь Файзулло был чем-то неудовлетворен.

— Сколько лет тебе, бобо (дедушка)? — спросил он.

— Я родился в год, когда Нарбута-бий сел на место своего отца, — отвечал тот.

— Значит, тебе без малого сто лет! Не мудрено, что ты все перепутал. Да будет известно повелителю Коканда: этот старик совместил несовместимое и желтое назвал зеленым! Голубями занимался вовсе не Алим-хан, а Мухаммед-Али... Вы его называете Мадали-ханом. Алим-хан же посвящал свои дни трудам и заботам по умножению благосостояния государства, ему некогда было заниматься птицами!

Лицо Пулат-хана прояснилось: Мадали не был его прямым предком.

— Благодарим за разъяснение, — величественно произнес он. — Мы рады, что дед наш оказался добрым мусульманином и пекся о людях, а не о птицах... А этого злоречивого старика, выжившего из ума, отправить обратно в его кишлак за счет того, кто его привел.

* * *

Свадебные торжества продолжались бы и дольше, но лазутчики донесли, что русские войска выступили в поход на Андижан.

— Пир окончен! — сказал Пулат. — Пусть мои мюриды готовятся умереть или победить.

Услышав это сообщение, шах каратегинский засобирался домой. Не потому, что струсил — как все горцы, он был храбрым человеком. Просто ему совсем не хотелось портить отношения с русскими. Пулат-хан, поглощенный заботами, не возражал. Он только сказал:

— Пусть славный владетель Каратегина не сочтет за труд прибавить к тому выкупу, что я заплатил за невесту, и остальное мое имущество. В предстоящем походе оно будет только мешать. У вас будет целее.

— Верно! — воскликнул каратегинец. — Военное счастье переменчиво, как погода. В битвах и походах арбы с казною висят на ногах, словно безмены. Да и зачем они на войне? Джигита кормит дорога. Когда же вы сразите всех врагов, имущество ваше в целости и сохранности будет ждать вас.

Файзулло-визирь принимал богатства Пулат-хана, добытые в походах. Абду-Мумин сдавал. Десяток писарей-каламчи скрипели тростниковыми перьями-каламами:

— Двадцать шесть ковров бухарских, новых, размер такой-то... Девятнадцать золотых браслетов... Шесть выюков кашгарского шелка...

При расставании шах вкрадчиво сказал:

— Пусть высокорожденный, великий и славный хан Коканда не обидится на мои слова: может быть разумно его жене вернуться в родительский дом на время военных бурь? Там, где сверкают сабли и гремят выстрелы, женщине — не место. Она — только обуза, хуже арбы с имуществом.

Пулат-хан подумал — и согласился. Не до жены ему теперь: впереди — смертельная борьба.

ПЕРЕД АНДИЖАНСКИМ ПОХОДОМ

Как раз в это время Кауфманом были отправлены в Андижан штабс-капитан Петров и ученый-востоковед Кун; первый — для топографических съемок, второй — для сбора легенд и предметов духовного и материального быта населения.

— А не рановато ли, Ваше высокопревосходительство? — заметил надворный советник Вайнберг. — На дорогах беспокойно, да и андижанцам доверять...

Кауфман покровительственно похлопал его по плечу:

— По табелю о рангах ваш чин соответствует воинскому званию полковника, однако же признайтесь: вы — гражданский человек?

— Естественно...

— Тогда позвольте нам, военным людям, судить об опасности... После Махрама Коканд замирен, раз и навсегда.

* * *

Кун и Петров, сопровождаемые несколькими джигитами, отправились в Андижан. Ехали они, по совету знающих людей, проселочными дорогами, обходя Большую дорогу, поскольку там бродили отряды Пулат-хана.

В город прибыли благополучно. Городские власти, назначенные Наср-эд-дин-ханом, встретили их доброжелательно. Оба путешественника стали на постой у Арзыкула-пансата — пятисотенника, что в кокандской армии соответствовало воинскому чину подполковника.

Двор у Арзыкула-пансата был полон сарбазов: одни играли в кости, другие просто слонялись без дела.

— Забавненько! — говорил штабс-капитан Петров, укладываясь спать. — В России солдата — защитника Отечества — любят, а здесь сарбазов ненавидят. Да и есть за что: ведь они насильники, грабят собственный народ. Разве это войско? Толпа негодяев, причем подлых и трусливых.

— Отчего это так? — спросил Кун.

— Оттого, что офицеры у них ни к черту. Дисциплину не умеют наладить. Да и ханы меняются чуть ли не каждую пятницу — друг друга режут. У нас солдат воюет за Веру, Царя и Отечество. А у них? Половина племен силком присоединена, горцы Фергану своим отечеством не считают, а порой не разберутся даже, какому хану служить. Насчет веры...

— Насчет веры у них крепко. Видите, газават даже объявили. Впрочем и тут вы правы: газават объединяет ненавистью к иноверцам, а русский солдат свою Веру только защищает. Ведь сколько я помню, у нас никогда не было призывов к избиению мусульман, тех же татар.

— Не любит здешний народ своих сарбазов, — опять воскликнул штабс-капитан. — А на Руси про солдатскую находчивость байки рассказывают, с любовью, и никогда — со злобой.

— Да ведь на Руси как получается? Приходит приказ: взять с такой-то деревни столько-то рекрутов. Заметьте: рекрутов! То есть, хочешь — не хочешь, а служить иди. И кого же выбирают? Самых рослых и красивых, первых, как говорится, парней на деревне. Провожают их всем миром с плачем да причитаниями. Служить приходится долго, и неизвестно, вернется ли солдатик домой. Родным остается только ждать. И такой солдатской родни — в каждой деревне. Вот и привечают солдата везде как родственника.

— Это верно, — поддакнул штабс-капитан.

— Теперь взгляните на здешнюю систему набора войск. В армии в основном служат кочевники — кыргызы и кыпчаки. Есть афганцы и каратегинцы. Все они — наемники,

служат ради жалованья, а не ради любви к Отечеству. И посмотрите, кто служит? Люди, потерявшие родственные связи, изгнанные из своих кишлаков и аулов за самые разнообразные преступления. То есть, преступники по натуре. Чего же хотите от такого войска? При случае сарбазам все равно, кого грабить. Станет ли народ любить разбойников?

Несколько дней они бродили по городу и его окрестностям. Занятия их были самые мирные, однако острый глаз и военного, и ученого подметил в Андижане и соседних кишлаках некое волнение, скрытую настороженность. Сарбазов Наср-эд-дин-хана жители встречали угрюмо, а в спину глядели с нескрываемой ненавистью.

Однажды на рассвете их разбудил сам хозяин, Арзыкул-пансат. С ним был один из джигитов, знавших русский язык.

— Вставайте! Просыпайтесь, да помилует вас Аллах!

— Что такое? — встрепенулся Кун.

— Беда! Люди Пулат-хана подговорили народ, теперь все собираются бунтовать. Резать беков, поставленных Наср-эд-дин-ханом. Зачем вам попадать в такое плохое дело? Я выведу вас из города.

— Что, и андижанцы хотят газават объявить?

— Это все вина Пулата, да проклянет его Аллах! Но нужно торопиться, пока не проснулся народ.

Как гласит поговорка, «голому собраться — только подпоясаться». Вскоре всадники, предводительствуемые Арзыкулом-пансатом, тихо пробирались по еще сонным улочкам Андижана. Тайнственно ворковали проснувшиеся горлинки в осенних садах. На востоке заря всеми красками расписала посветлевшее небо. Зябко поживаясь, Кун спросил штабс-капитана:

— А доверяете ли вы нашему хозяину? Не заведет ли он нас туда, где Макар телят не пас?

Штабс-капитан тоже поежился — утренняя прохлада пробирала до костей, даже не верилось, что в полдень будет яркое солнце и жара.

— А что делать? Приходится. Впрочем, он один, а нас восьмеро. Если и заведет, так погибнем с честью, кое-кого на тот свет прихватим с собой.

Однако Арзыкул-пансат оказался надежным человеком: сказал — сделал. Маленький отряд благополучно достиг русского лагеря на третий день. И в тот же день началось восстание в Андижане. Вся ханская администрация была вырезана. Город признал Пулат-хана единственным законным правителем Кокандского ханства.

* * *

Кауфман был страшно рад счастливому избавлению от смертельной опасности своих подчиненных: ведь они могли погибнуть по его вине! Когда же он встретился с коллежским советником Вайнбергом, произошло невероятное: генерал-губернатор сконфузился. Хорошо, что Вайнберг проявил то ли тактичность, то ли оказался просто рассеянным человеком и ничего не заметил. Кауфман облегченно вздохнул:

— Этих вероломных андижанцев я примерно накажу! Чтoб другим было непoвaдно! Я ведь их предупреждал!

И он вызвал к себе генерала Трoцкого с полковником Скобелевым.

Арзыкул-пансат за спасение русских ученых получил пожизненную пенсию — 120 рублей в год, что по тем временам вполне хватало для безбедного существования. Спустя четверть века, в самом начале нынешнего столетия, генерал-лейтенант Терентьев собирал материалы к своей «Истории завоевания Средней Азии». В Ташкенте он встретился с Арзыкулом-пансатом, глубоким стариком: тому только что принесли очередную пенсию.

После заключения Наср-эд-дином мирного договора с русскими началась открытая борьба между новым кокандским правителем с одной стороны и Пулат-ханом, к которому примкнул Абдуррахман Афтобачи, — с другой. Последние стали союзниками. Дела и заботы между со-

юзниками разделились как бы сами собой. Абдуррахман, как главнокомандующий, метался по стране, организуя новые и новые отряды для борьбы с Наср-эд-дином и его покровителями — русскими.

Пулат-хан, как правитель государства, тоже занимался в какой-то мере военными делами: назначал беков в крепости и города, раздавал чины и звания, награждал. Но главным его делом стала теперь борьба с внутренним врагом. Измена Наср-эд-дина и его сторонников, их союз с орусами ожесточили Пулат-хана и сделали его чрезвычайно подозрительным. Он завел себе целый штат палачей, главным над которыми поставил некоего Сарымсака по прозвищу Шайтанкул. Этот бывший надсмотрщик отличался громадным ростом, невероятной силой и садистской жестокостью. Везде, где проходил Пулат-хан, тянулся кровавый след. Он казнил ростовщиков-кровососов, бывших амлякдаров, аминов и беков, служивших Худояру. Но он казнил и множество бедных людей, заподозренных в измене исламу. Источники сообщают: «Правление Пулат-хана ознаменовалось необычайной жестокостью и казни проводились ежедневно. Кратковременное его пребывание в Маргелане ознаменовалось теми же жестокими казнями, как и в Ассаке. Двенадцать палачей из киргиз, одетых в особый красный костюм с арсеналом ножей всяких размеров за поясом, имели постоянную работу!».

* * *

Якоб Дитрих от маргеланских старожиллов узнал впоследствии, как погиб почтенный мавляна ходжа Юсуп. Когда лже-Пулат во главе своих отрядов въехал в город, старик в страшном волнении засобирался в урду.

— Наконец-то Аллах послал нам достойного правителя! Я знаю своего ученика Пулат-хана! У него золотое сердце и помыслы его обращены к исправлению несправедливостей. Я должен его увидеть!

Напрасно старая служанка отговаривала старика, опасаясь неприятностей: все-таки хан! А от хана лучше держаться подальше.

— Что ты понимаешь, о женщина! — кричал ходжа Юсуп. — Пришло время, когда я, старый книжный червь, понадобился моему Пулат-хану, ибо его молодость и горячность необходимо уравновесить моим опытом и знанием мира! А ты советуешь мне спрятаться как лисица в нору! Прочь с дороги, говорю тебе!

В урде старого ученого провели прямо в тронный зал, где уже томилось множество маргеланцев, пришедших с приветствиями и подарками к новому правителю.

— Расступитесь, расступитесь, — говорили между собою люди. — Это наш ходжа Юсуп, шейх мударисов! Он пришел, чтобы за всех нас, косноязычных, сложить восхваление к стопам повелителя!

Пулат-хан сидел на гряде ковров, поджав под себя ноги. Рядом с ним почтительно стоял Абду-Мумин.

Ходжа Юсуп, радостно взволнованный, протолкался, наконец, к трону. У него был такой вид, словно он вознамерился кинуться в объятия своего бывшего ученика. И вдруг старик резко остановился, будто наткнулся на невидимую преграду.

С минуту длилось молчание (молчал и весь зал); потом старик обернулся — на лице его отразилось неопишное удивление и растерянность:

— Но это не мой ученик, не Пулат-хан! Я впервые вижу этого человека! — воскликнул он.

— Как смеешь ты произносить кощунственные слова, безумный старик! — загремел Абду-Мумин.

Лже-Пулат мягким движением руки остановил его.

— погоди, мой верный наиб. Почтенный мавляна ошибся, да и не мудрено: в старости глаза плохо видят! Приглядись хорошенько, старец! Разве ты не узнаешь меня?

Ходжа Юсуп взгляделся.

— Ну, ну, узнаешь? — подсказывал «Пулат-хан».

— Нет! Не узнаю — решительно отвечал старик. — Мне ли не знать моего любимого ученика? Да, ты очень похож! И все-таки не тот, за кого себя выдаешь! Разве я не помню, что у истинного Пулата после черной болезни (оспы), которой он переболел в детстве, остались следы на лице и всего один глаз? А у тебя оба глаза целы и лицо чистое. Ты — самозванец.

— Старик! — сказал «Пулат-хан». — Где же твоя мудрость? Одумайся!

— Ты не Пулат-хан, потомок Алима. Ты — другой человек! — упрямо отвечал старик.

По залу прошел легкий шелест — изумленные люди перешептывались... Абду-Мумин взмахнул рукой. Тотчас два воина в красном схватили старика и поволокли к выходу. Абду-Мумин сказал:

— Устами этого зловредного старика говорили оруссы и предатели, слуги шайтана. Пусть он получит то, что заслуживает. Так ли, повелитель?

Пулат-хан кивнул и громко сказал, обращаясь в зал:

— Подобные слухи распускаются врагами ислама по приказу главного орусского начальника. Горе тому, кто будет повторять их!

Через два дня «двенадцать в красном» казнили старого ученого вместе с двумя десятками маргеланцев, которые осмелились повторить заблуждения старика своим знакомым...

АНДИЖАНСКИЙ ПОХОД ТРОЦКОГО

В 7 часов утра 28 сентября из лагеря под Наманганом выступил отряд в составе пяти с половиной рот пехоты, команды саперов (86 человек), трех с половиной сотен казаков, конной батареи из восьми орудий и четырех ракетных станков. Пехоту посадили на арбы (по шесть человек на каждую). Взяли комплект патронов, зарядов и провианта на восемь дней. Всего — 1400 человек, восемь орудий, четыре ракетных станка, 230 арб и 20 телег.

Командовал отрядом генерал-майор Троцкий, кавалерией — полковник Скобелев.

Историк того времени генерал-лейтенант Терентьев пишет: «До сих пор Троцкому не приходилось распоряжаться самостоятельно: под Махрамом бой вел Головачев и частью Скобелев, далее упоминается все один Скобелев, а между тем «чающих движения воды...» было немало. От милости Кауфмана зависело дать ход, а следовательно, открыть путь к отличиям и повышению тому или другому из смотревших ему в глаза подчиненных...».

И вот теперь Троцкий дождался самостоятельного командования. И, конечно же, мечтал отличиться.

Отряд шел быстрым маршем. Преодолев две реки (Нарын и Кара-Дарью), в первый день прошли 30 верст. На следующий — 24 версты и остановились в кишлаке Кара-Калпак, в шести с половиной верстах от Андижана. Троцкий был осторожен: все признаки враждебного отношения жителей были налицо. В попутных селениях — ни души, в то время как на дальних возвышенностях постоянно маячили всадники.

Уже к вечеру на авангард налетел конный отряд примерно в триста человек, завязалась перестрелка, но до рукопашной не дошло.

При рекогносцировке казачьи разъезды столкнулись с большими конными отрядами неприятеля; выяснилось, что эти отряды входят в ополчение Пулат-хана.

С русским войском шли бек города Шарихана и четверо андижанских пансатов, сторонников Наср-эд-дин-хана. Их лазутчики доставили весьма ценные сведения о приготовлениях андижанцев к отпору.

Город не имел стен, зато на 12 главных улицах были устроены завалы и установлены пушки. Сюда согнали все окрестное мужское население, способное сражаться, так что всего в городе было до 70 тысяч бойцов, совсем не обученных и плохо вооруженных. В основном это мирные земледельцы, больше привыкшие орудовать кетменем, или городские ремесленники: портные, сапожники, лепешечники, горшечники и т. д. Вне города стоял Пулат-хан с 15 тысячами конных всадников. Командовал обороной города Абдуррахман Афтобачи. По его приказу уничтожили все мосты через широкие каналы Мусульманкул-арык и Хан-арык.

Получив эти сведения, Троцкий созвал военный совет. Было решено штурмовать город, но прежде провести еще одну глубокую рекогносцировку, которая была, как всегда, поручена Скобелеву. Ему надлежало осмотреть подступы к городу, выбрать места для батарей и лагеря.

Чуть забрезжил рассвет, Скобелев с полутора сотнею казаков и ракетным дивизионом выступил к Андижану. Шесть верст прошли быстро и наткнулись на сломанный мост через Хан-арык, как и предупреждали лазутчики. Пришлось идти вдоль левого берега Кара-Дарьи, пока не достигли северной оконечности города.

Здесь шла большая дорога; проводники сообщили, что если пересечь эту дорогу и пройти вверх по реке, то можно

найти хорошее место для лагеря; оттуда же удобно пройти со стороны ручья Андижан-сай в город, прямо к базару.

Скобелев так и сделал: прошел вверх, нашел удобное место и послал джигитов с донесением.

Троцкий тотчас двинулся вслед и на указанном месте организовал вагенбург—лагерь, окруженный кольцом арб.

Историк Терентьев, который, как видно, недолюбливал Скобелева (или просто завидовал его посмертной славе), пишет: «Выбор был неудачен. Скобелев поленился объехать город кругом и положился на вкус проводников, военный авторитет которых, конечно, был равен нулю. Когда впоследствии, через два месяца, он сам явился наказывать Андижан, то выбрал место несравненно удобнее не на севере, а на востоке от города, с хорошей позицией для артиллерии, почему и успех был полный, да и потери во много раз меньше...».

Между тем, не дожидаясь прихода главных сил, Скобелев решил пройти по лощине Андижан-сая ближе к городу. Лощина оказалась узкой. Дно ее, по которому извивался ручей, было с колдобинами, в которые иной раз «ухали» лошади с риском сломать ноги. Слева и справа на невысоких обрывах тянулись бесконечные дувалы, за ними прятались сады и глинобитные домики предместья. Нигде не слышалось ни человеческого голоса, ни лая собак. Однако чем дальше углублялся отряд, тем тревожнее становилось на душе полковника. Вероятно, зря он рискнул... Если из-за дувалов начнут стрелять, отряд окажется в западне.

Прошли уже с полверсты, пожалуй, надо возвращаться. Он осмотрелся: казаки ехали, настороженно озираясь, держа ружья наготове. Наверняка все они думали о том же.

И тут грянул залп. Заржала раненая лошадь. Один из казаков схватился за плечо и склонился к луке седла. Остальные без команды открыли беглый огонь по дувалам, над которыми поднялся пороховой дымок.

— Отходить! — подал команду Скобелев.

Казачи начали пятиться, отстреливаясь. Слева и справа из-за дувалов непрерывно стреляли. Было ясно: угодили в самую настоящую ловушку.

...Отходили уже с полчаса, а гром выстрелов не прекращался. Дувалы были окутаны пороховым дымом. Скобелев, в белоснежном мундире, на белом коне (отличная мишень!), чувствуя себя виноватым, громко балагурил, словно на бивуаке:

— Не трусъ, ребята! Кокандцы прячутся за дувалами, мы их не видим, но зато и они не видят, куда стреляют. И голов не высовывают! Стреляют в белый свет, как в копеечку! Знаете, как они говорят? «Человек стреляет, а пули направляет Аллах». Да вы поглядите: есть ли хоть один убитый?

Действительно: ни одного. Это сразу подняло дух. Раздались шуточки, смешки.

Но тут в конце сая, оставленного казаками, показалась густая толпа пеших и конных. От берега до берега. Такой поток мигом сметет горстку казаков.

— Ракетчики, вперед! — скомандовал полковник. Капитан Обрампальский быстро развернул ракетные станки и дал залп. Преследователи остановились. Затем снова устремились с таким воинственным улюлюканьем, что волосы становились дыбом.

Скобелев скомандовал в атаку, однако из-за того, что сай был узким, нападающие не могли использовать свое численное превосходство и остановились. Казаки опять быстро отошли, вперед выдвинулись ракетчики.

Так, шаг за шагом, отходил отряд, а до устья сая было еще далеко. Защитники Андижана все ожесточеннее напирали. Казаки держались уже два часа, отступая, переходя в контратаку и опять отступая. Белый мундир Скобелева от грязи и пыли стал серым с разводами, но — ни одного кровавого пятна. Это подбадривало казаков:

— Ведь он — как белая ворона! И — ни одной пули...

Полковник отдавал громовые команды и в то же время сражался наравне со всеми, как рядовой. Но он прекрасно понимал, что дело движется к развязке. И кони, и люди окончательно выдохлись. На исходе ракеты и патроны. А когда они кончатся, что потом?

И вдруг за их спинами в устье сая раздалось громовое «ура». То примчались на помощь сражавшимся две сотни под начальством графа Борха.

— Спешиться! Вы-ы-бить неприятеля с обоих бе-е-регов! — протяжно командовал граф.

Казачи тотчас спешили и — сотня направо, сотня налево — полезли на дувалы. Те, кто прятался за ними, никак не ожидали этого и были захвачены врасплох. Короткая схватка закончилась полной победой: неорганизованные защитники отступили, прячась за деревьями. Путь назад оказался свободен, на какой-то срок, пока ошеломленный неприятель не пришел в себя.

После этого казаки Борха сели на коней и ускакали под защиту пехоты главных сил, спешивших на выручку.

Отряд Скобелева продолжал отбиваться от наседавших преследователей. Спасало только одно: уозость лощины.

Тем временем прибыл дивизион конных орудий. Под прикрытием саперной команды и 1-й роты 4-го линейного батальона пушки развернулись и открыли огонь по наступающим. Теперь узкое ущелье сая стало западней для кокандцев. Жуткая штука — артиллерия. Самый храбрый джигит перед ней беззащитен.

Наконец-то отряд Скобелева оторвался от преследователей и спустя еще какое-то время вырвался из западни.

Но для этого генералу Троцкому пришлось ввести в бой почти все свои силы, за исключением двух рот, оставшихся в вагенбурге. Трудно в это поверить, но убитых не оказалось. Лишь трое раненых. Спасшиеся казаки радовались:

— А командёр-то наш прав: коканы палят в белый свет, как в копеечку.

Сотник, ехавший рядом со Скобелевым, говорил:

— Ну вот и выбрались, ваше благородие. А стрелки они никудышные!

— Благодаря этому обстоятельству мы и целы, — ответил тот мрачно. — Знаешь, дружище, что я скажу? По секрету. Меня надо немедленно разжаловать. Вплоть до подпоручика. На месте командующего я так бы и сделал.

Генерал Троцкий встретил своего подчиненного с ядовитой усмешкой:

— С благополучным прибытием, Михаил Дмитриевич.

Густо покрасневший Скобелев не знал, куда девать глаза.

И на всем протяжении военного совета, на котором разрабатывалась диспозиция завтрашнего штурма, полковник Скобелев угрюмо молчал.

* * *

На рассвете 1 октября три колонны войск двинулись на штурм Андижана. Первая состояла из двух сотен спешенных казаков и 20 саперов при одном конном орудии и одном ракетном станке. Вторая — из двух стрелковых рот и 20 саперов при одном конном орудии и одном ракетном станке. Главные силы состояли из двух рот и 40 саперов при четырех конных орудиях.

Вагенбург осталась защищать стрелковая рота при двух конных орудиях и двух ракетных станках.

Первой колонной командовал полковник Скобелев, второй — полковник барон Меллер-Закомельский, главными силами — полковник барон Аминов. Общее командование штурмующими колоннами было передано графу Борху. Этим самым Троцкий намеренно унижил Скобелева — в отместку за Андижан-сай. Скобелев молча проглотил обиду. Сам генерал ехал с главными силами рядом с Борхом: они дружески беседовали. Как замечает Терентьев, «начальствование Борха было чисто фиктивное: штурмовые колонны шли без него, а он ехал рядом с Троцким и ровно ничем не распоряжался».

Колонна Скобелева должна была повторить свой вчерашний путь и выйти по лощине к базару. Казаки прозвали злополучную лощину «бутылкой» (по форме она и напоминала бутылку) и теперь шепотом шутили:

— Ну что, брат, опять лезем в бутылку?

— Рразговорры!! — свирепо шипел вахмистр.

Колонна Меллер-Закомельского шла на две версты правее, по другой дороге — и тоже к базару. Главные силы шли в резерве. Терентьев: «Только что тронулись колонны и отошли на 300 сажень, как всадники Пулат-хана бросились с неистовым визгом на вагенбург, но тотчас были озадачены огнем двух орудий и отскочили назад, не тревожа более после того вагенбург». Колонны продолжали движение.

Подойдя к городу, артиллерия всех трех колонн открыла огонь. В утренней тишине это прозвучало как апокалиптический гром, возвещавший конец света. А город спал: после вчерашней победы все были уверены, что русские так скоро не сунутся. Тем ужаснее оказалась действительность. «...Пешие казаки, возглавляемые Скобелевым, взяли первый завал вместе с пушкой. Часть защитников легла костями, остальные отступили. Вслед за тем были взяты еще три завала».

В это же время колонна Меллер-Закомельского овладела пятью завалами. Опять заработали артиллерия и ракетные станки, отбрасывая на исходные позиции защитников города, пытавшихся контратаковать. Русские роты и сотни неуклонно продвигались к урде.

Абдуррахман Афтобачи приказал своим пансатам выводить войска из города: большое количество плохо вооруженных и неподготовленных ополченцев только увеличивало потери. В организованном порядке все пришлые покинули город. Остались только местные жители и отборные отряды самого Афтобачи.

Через два часа после начала штурма урда была взята. Столь медленное продвижение объяснялось невероятным

упорством обороняющихся: с таким ожесточенным сопротивлением русские столкнулись впервые. На каждой улице в солдат и казаков стреляли из-за дувалов и с плоских крыш. Только плохая военная выучка, отсутствие всяких навыков в стрельбе (какая у городских ремесленников выучка?) избавили русских от колоссальных потерь.

На одной из главных улиц Андижана колонна Меллер-Закомельского наткнулась на баррикаду из арб. Засевшие за нею дважды отбрасывали атакующих. И лишь когда подтянули пушку и эта пушка разметала баррикаду, колонна смогла продолжать движение.

Урду взяли. Но победители тут же сами оказались в роли осажденных. Предприимчивый Абдуррахман окружил урду кольцом своих отрядов. Русская артиллерия теперь не могла работать из опасения поразить своих. Трещали выстрелы как барабанная дробь, отовсюду раздавались крики «газават!».

— Осатанели! Совершенно осатанели! — говорил майор Ранау после отражения очередной атаки на урду.

— Молодцы кокандцы! — отвечал Скобелев. — Им бы хорошую выучку да ружья — тут бы нам и конец. Да-с! Это вам не с ханами воевать, тут воюет сам народ!

Генерал Троцкий, выяснив ситуацию, угрюмо сказал графу Борху:

— У нас удручающе мало войск. Тысяча четыреста против семидесяти тысяч. Ну что можно сделать при таком соотношении?

И он велел графу Борху прорвать кольцо осаждающих и передать Скобелеву приказ покинуть урду. Скобелев тотчас стал отходить по тем же улицам назад, по направлению к вагенбургу. Время от времени ему приходилось бросать своих казаков в контратаку, отбрасывать наседавших.

Меллер-Закомельский получил такой же приказ. Но он никак не мог оторваться от густых толп преследователей. И тогда барон решил на крайнюю меру:

— Поджечь сакли!

Дома андижанцев давно уж были покинуты их обитателями. Солдаты стали поджигать все, что горит. И лишь когда поднялось там и сям пламя, а потом слилось в единую полосу и эта полоса разделила сражающихся, ротам Закомельского удалось благополучно выйти из города и добраться до вагенбурга.

Настала ночь, которая не принесла покоя. Пользуясь темнотой, сипаи Афтобачи подкатили две пушки к самому лагерю и сделали несколько выстрелов. Казаки захватили их, но дело было сделано: беспокойство усилилось.

2 октября была сделана дневка. Сипаи Абдурахмана Афтобачи и джигиты Пулат-хана ни на минуту не оставляли в покое вражеский лагерь. Бесконечные атаки следовали одна за другой, а в перерывах между ними всадники кружили вокруг вагенбурга, постреливая из своих допотопных ружей. Вреда от этого было мало, но войска все время находились в напряжении. Дважды выступали роты за линию повозок, но кокандцы не принимали боя. Такая тактика могла измотать любые, самые закаленные войска.

Троцкий, расстроенный до последней степени (Еще бы! Первый самостоятельный поход—и такое фиаско!), говорил Скобелеву:

— Придется вам, полковник, послужить заслоном против этих оглашенных, пока мы приготовим все для отхода. Командуйте арьергардом.

— Слушаюсь! — бодро отвечал полковник.

Итак, русские войска, беспрерывно отбивая атаки неприятеля, медленно отступали от Андижана по той самой дороге, по которой пришли.

Необыкновенное воодушевление охватило защитников города.

— Мусульмане! Наконец-то мы победили! Аллах послал нам победу над неверными!

Абдурахман Афтобачи и Пулат-хан встретились.

— Твои доблестные воины устали, — сказал Пулат-хан. — К тому же они выполнили все, что возложил на них Аллах: изгнали капыров из города. Остальное предоставь моим джигитам. Ремесленники и земледельцы хороши в городе, но пеший конного не догонит. В степи хозяин — джигит.

— Как скажет мой хан! — поклонился Афтобачи.

3 октября на заре не отдохнувший как следует отряд русских выступил к Намангану.

Весь день продвигались черепашьям шагом. Джигиты Пулат-хана не давали продыху. Много раз приходилось останавливаться, чтобы отразить атаки. За восемь часов удалось пройти только семь верст. Солдаты, да и казаки, были измотаны вконец. А впереди еще долгий путь.

Наступившая ночь, как и предыдущая, не принесла желанного отдыха.

4 октября продолжалось то же самое. С непрерывными боями отряд продвигался в сторону Намангана. Из каждого встречного кишлака приходилось врукопашную выбивать неприятеля. Озлобленные солдаты и казаки больше не брали пленных, да у них никто и не просил пощады.

Вечером атаки неожиданно прекратились. Посланные на разведку джигиты-лазутчики донесли генералу: неприятель, сам утомленный четырехсуточным непрерывным боем, решил дать себе отдых и расположился лагерем на большом поле за кишлаком Ханы-Авад.

— Ваше превосходительство! — обратился Скобелев к Троицкому официальным тоном. — Осмелюсь предложить план, который поможет наказать этих бестий.

Троицкий выслушал, подумал и кивнул:

— Превосходно, Михаил Дмитрич! Возьмите всех казаков и выполняйте.

Скобелев расправил бакенбарды.

ДЛИННАЯ РУКА НОВОГО ХАНА

По всему огромному полю горели костры. В начале октября днем бывает жарко, однако ночи довольно прохладные.

Пулат-хан в скромном халате, в белой кисейной чалме бродил как простой сотник среди костров, останавливался то там, то тут, заводил короткие разговоры, подбадривал своих воинов. Это нравилось кочевникам: с нами как равный, не гнушается...

Подбадривать было надо: после стольких неудач воинский дух заметно ослаб, бойцы уже не так, как прежде, рвались умереть за веру, а многие тайком дезертировали. Газават явно шел на убыль. Пулат-хан знал об этом. Правда, последние события обернулись большой удачей.

За ханом, как всегда, неотступно следовал его верный телохранитель Абду-Мумин, сын Мухсинбая. Воины страшились его больше, чем хана.

У одного из костров сидели трое и по очереди переворачивали мясо на вертеле. Один громко рассказывал что-то, остальные слушали, покатываясь от хохота. Пулат-хан напрягся: где слышал он этот голос? Он уже вступил в свет костра, рассказчик поднял голову и Пулат узнал... Отступить было уже поздно.

— О, бой! — воскликнул рассказчик, — не обманывают ли меня глаза? Сам мулла Исхак! Откуда? Каким ветром, как говорят у нас в горах? Салам алейкум! Смотри, какой важный стал — сабля на боку. Так ты тоже борец за веру? И уже разбогател! Что стоишь как траурная пика у юрты, садись к нам!

Остальные у костра оглянулись с недоумением и окаменели: они узнали своего хана.

— Что ты говоришь, глупый! — в ужасе закричал один из них. — Какой мулла Исхак? Это наш справедливейший, солнцеподобный хан!

— Это ты глупый! — отвечал рассказчик. — Мне ли не знать старого друга муллу? Что же ты молчишь, приятель? Растолкуй этим дуракам, где масло, а где сыворотка.

— Кто ты, человек? — сказал Пулат.

— Аллах акбар! Ты меня не узнаешь? Быстро же ты забыл наши проделки в Ташкенте. Помнишь, как мы надули одного оруса, подсунули ему вместо насвая козлий помет? Ха-ха-ха! Да что ты все стоишь?.. Присаживайся... О! О! О! — закричал он от неожиданной боли.

Это подоспевший Абду-Мумин вытянул его плетью.

— Как ты смеешь, нечестивец, очернять белизну своим лживым языком? — процедил кураmineц тихо и страшно. — Пади ниц, червь, когда перед тобой Светлейший хан!

— Оставь его, мой верный наиб, — сказал Пулат. — Человек этот выпил слишком много бузы...

— Нет, он не от бузы распространяет лживые слухи! Он — соглядатай и шпион Наср-эд-дина, продавшегося орусам! Эй, юзбаши!

Подлетел сотник с четырьмя джигитами, тоже следовавшими как тень, только за своим парваначи Абду-Мумином.

— Взять подлеца! — джигиты уже крутили руки стонущего рассказчика.

— Взять и этих, — продолжал Абду-Мумин. — За то что слушали нечестивые речи. Надо разобраться: может быть и они шпионы орусов! Может они все трое сговорились погубить нашего Светлейшего хана.

— Нет, нет! Мы не знаем этого человека! Он подсел к нашему огню незванный! — кричали несчастные.

Джигиты увели всех троих. Привлеченные шумом у соседних костров спрашивали друг друга:

— Что случилось? Где пожар?

— Поймали кого-то, ведут...

— Не кого-то, а соглядатаев изменника Наср-эд-дина... Смотрите-ка, пробрались в наш лагерь и прикинулись правоверными...

Пулат-хан больше не останавливался у костров: он шел быстро. Абду-Мумин еле поспевал за ним на своих кривых ногах.

— Что думаешь делать с этими людьми? — отрывисто спросил Пулат-хан.

— А что с ними делать? Нечестивцам путь один... Не надо тебе, пресветлейший, слишком часто появляться на людях. Хан — тень Аллаха на земле, а не разносчик лепешек на базаре... Я не раз тебе это говорил.

— Да будет так.

Когда они вернулись в шатер, лицо Пулат-хана было угрюмым.

— Не горюй, мой птенчик, — нежно сказал старый Абду-Мумин. — Этих трех Шайтанкул уже повел в овраг.

— Я не об этом, — отвечал Пулат. — Помнишь ли ты, что в Самарканде при мечети Ходжа-Ахрар проживает подлинный Пулат, похожий на меня?

— Как же, не забыл...

— Надо, чтобы его больше не было. Если орус-шайтаны вздумают отыскать его и предъявить народу, все наше дело пропало.

— Ой-ей! Как же я, старый баран, об этом не подумал раньше! Я и то удивляюсь, как они еще не раскопали его и не воспользовались. Сейчас же отправлю верных людей. Не пройдет и недели, как внук Алим-хана будет в раю.

Главный палач Пулат-хана, знаменитый Шайтанкул (настоящего имени его никто не помнит) в сопровождении четырех джигитов вел тройку связанных к дальнему оврагу.

Двое, связанные одной веревкой, всхлипывали, третий сопел и ругался сквозь зубы:

— Как же я не догадался сразу? Или шайтан закрыл мне глаза хвостом?

У оврага палач велел джигитам отправляться восвояси, а сам свел осужденных вниз в тень.

— Эй, читай молитву, сейчас я вас буду резать.

Мощной рукой он заставил несчастных пасть на колени. Связанные одной веревкой, со скрученными за спину руками — что они могли поделать против такого силача?

— За что ты хочешь нас убить, — плакали несчастные, — чем погрешили мы против хана?

Третий угрюмо помалкивал, косясь на мешок: там — орудия казни, приготовленные для них этим проклятым Шайтанкулом.

— За что, говорите? Один из вас осквернил грязным языком имя хана, двое других слушали грязными ушами осквернение. Одному я сначала отрежу язык, вам двоим — уши, а потом уж зарезу, — Шайтанкул с хрустом зевнул. — Даже если бы не было за что, я убил бы вас потому, что это приказ. Просто так, на всякий случай. Молитесь же!

Все трое начали громко молиться, призывая Аллаха принять их души.

— А еще, — громко молил рассказчик, — пошли, Аллах всемогущий, душу этого Шайтанкула кривой дорогой в ад!

Шайтанкул слушал с наслаждением, усмехаясь.

— Кончили? Ну, теперь приступим.

Он вытащил из-за пояса длинный отточенный нож.

Луна, вышедшая из-за туч, ярко осветила овраг. Глаза осужденных неотрывно следили за каждым движением палача; казалось, они сейчас вылезут из орбит. Блестело лезвие, сверкали белки выпученных глаз осужденных, сверкали зубы Шайтанкула, оскаленные в хищной улыбке....

— Огласите перед смертью ваши имена, — сказал он. — Надо же передать вашим родственникам радость.

Одного я знаю, ты — Джапалак из Чуйской долины. А ты?

— Я — Йсенбай, житель Узгена..., сын Турдукула...

— Я — Судан-Уру из Токмакского уезда, сын Осмона...

Шайтанкул выслушал и торжественно произнес, поигрывая лезвием:

— Обещаю довести до сведения ваших родных, что вы погибли жалкой смертью, не в бою, как подобает джигитам, а как бараны...

— Разве мы виноваты в этом? — всхлипывали осужденные, стуча зубами. Один Джапалак упрямо вскинул голову.

— Эй, — сказал он, — резать, так режь. Не вытягивай крючком душу! Будь проклят и ты, и твой пансат Абду-Мумин, и твой лживый хан, который вовсе не хан, а бывший мулла, сын Хасана!

— Ай-яй-яй! — покачал головой Шайтанкул, ничуть не обидевшись. — Даже перед смертью ты не можешь придерживаться свой вероломный язык. Но погоди умирать, я дам вам небольшую передышку для беседы. Сейчас я буду говорить, а вы слушайте, если хотите остаться в живых.

— Ой, хотим! Ойе, как хотим! — закричали все наперегонки.

— Вы совершили великое прегрешение перед ханом, надо его искупить.

— Мы готовы на все, Аллах свидетель! Скажи только как?

— Ты, Джапалак, говорил, что наш хан вовсе не хан, а мулла...

— Я ошибся!.. — быстро вставил Джапалак.

— Конечно, ошибся... Но знаешь ли ты кого-нибудь другого под таким же именем?

Джапалак молчал.

— Говори, не бойся! Говори правду! В твоём ответе — твоё спасение, а также — этих несчастных.

— Говори, Джапалак, не молчи, во имя Аллаха! — молили оба его товарища.

— Хорошо, я скажу! В Самарканде при мечети Ходжа-Ахрар живет один бедный человек, он выдает себя за внука Алим-хана... Теперь я понял: он — самозванец.

— Вот-вот! — Шайтанкул дружески похлопал его по загривку. — Конечно, он — самозванец и может смутить умы правоверных. Сейчас у нас полно изменников, зачем же умножать их еще? Надо, чтобы этот ложный потомок Алим-хана замолчал навсегда.

— Прикажи только! — закричали оба пленника. — И мыотрежем ему язык.

— А ты, Джапалак?

После некоторого колебания Джапалак ответил:

— Я присоединяюсь.

Шайтанкул перерезал веревки и пленники с наслаждением стали разминать руки, не вставая с колен. Палач порылся в мешке и вынул толстую книгу: в ярком свете луны сверкнуло серебро переплета.

— Вот Коран. Возложите руки и поклянитесь на этой священной книге выполнить повеление. Повторяйте за мной.

Пленники нестройными голосами стали повторять слова клятвы:

— Я, раб божий Джапалак...

— Исенбай...

— Судан-Уру...

— Клянусь великой клятвой лишить жизни самозванца, проживающего при мечети Ходжа-Ахрар в Самарканде. Никому не скажу о данном мне повелении: ни отцу, ни брату, ни сыну, никому из пеших, конных, сидящих и лежащих... Аллах свидетель в этом деле, и пусть меч карающий настигнет меня в семи мирах, если я нарушу клятву! Оминь!

— Вставайте! — Шайтанкул вытряхнул из мешка ворох одежды. — Вот вам новые халаты, штаны, сапоги... Примите вид джигитов. А вот и по сто серебряных таньга на расходы. Когда сделаете то, что надлежит, получите еще

по пятьсот. Этого хватит, чтоб каждый из вас завел себе сотню баранов, уплатил калым за молодую жену. И это еще не все!..

Шайтанкул издал негромкий свист. Через несколько мгновений послышался глухой перестук копыт и голос сверху:

— Лошади готовы, палван-батыр...

Главный палач оглядел приодевшихся джигитов и с удовлетворением прищелкнул языком:

— Вот теперь у вас вид настоящих мужчин. Садитесь на коней и отправляйтесь. И помните: если не исполните клятву, я разыщу вас в семи мирах! И тогда вам не миновать моего ножа!..

С таким напутствием трое всадников уехали в ночь...

ХАНЫ-АВАД

В два часа ночи 5 октября флигель-адъютант полковник Скобелев, соблюдая полную тишину, выступил из лагеря со своей кавалерией. За ним шла рота пехоты в качестве поддержки.

Луна ушла за горизонт. Набежавшие тучи усилили тьму.

Копыта лошадей обернуты сеном и портянками. Отряд движется почти в полной тишине: вымуштрованный казачий конь не заржет, тщательно подогнанная амуниция не звякнет.

Впереди всех — 4-я сибирская сотня лихого сотника Машина. Вошли в спящий кишлак Ханы-Авад. Не слышно лая псов: за годы войны погибли все собаки. Острые казачьи глаза различили неприятельский пикет, услышали разговоры. Пикет был изрублен, даже не успев поднять тревогу.

Прошли словно вымерший кишлак. Впереди, на огромном поле, — два-три язычка гаснущих костров.

Местность эта казакам была хорошо знакома. Тихим голосом Машин отдал команду и во главе сотни устремился к спящему лагерю.

Страшное дело — неожиданное нападение в ночи. Сонные люди выскакивают из палаток прямо под копыта лошадей, под губительные шашки. Никто ничего не понимает, вспыхивают, горят палатки, временные шалаши, мечутся тени, крики, вопли боли, выстрелы... И вот уже многоголосое «джау!» (враг!) и паника увеличивает количество нападающих двадцатикратно. Нет теперь ни хана — командующего, ни иных командиров. Каждый предоставлен самому себе. И каждый спасается как может...

Всеобщую сутолоку усилили лошади — большая часть их сорвалась с коновязей и металась по лагерю, сбивая с ног и топча бегущих. Потом вся эта масса с шумом, подобным шуму водопада, вырвалась в степь.

В эту минуту прискакал полковник Скобелев с 5-й оренбургской сотней, еще более увеличив панику в стане врага. Теперь казалось, что страшных казаков — многие тысячи. Бежать! Бежать! И сотни застигнутых врасплох людей, оставшихся без коней, устремились во все стороны прочь из лагеря, в ночную степь.

Самые отборные и преданные части, располагавшиеся вокруг ханского шатра, избежали всеобщей участи. Помогло и то, что шатер стоял на другом конце поля, на берегу неглубокого ручья — сая. Доносившиеся крики, выстрелы, затем многотысячный топот лошадей не оставляли сомнения в причине шума.

— Орусy! — верный Абду-Мумин вбежал в ханскую спальню. Пулат-хан был уже на ногах и молча вооружался при тусклом свете сального каганца.

— Почему ночная стража молчала? Много ли орусов? — сказал наконец хан.

— Много! Очень много! Слышишь, что творится? Наверное, пришел сам Каупман!

— Где пансаты? Где Муса? Оморбек? Орозалы? Где Касым-Батыр-баши? Аким-бек?

— Разве найдешь кого в этом кавардаке? Надо уходить, мой хан.

Они вышли. Телохранители уже оседлали коней. Пулат-хан угрюмо вслушивался в звуки погибающего лагеря, своих погибающих надежд. Шум приближался. И вот уже первые волны беглецов достигли ханского шатра и понесли с собой и хана, и его нукеров...

Через неглубокий сай очень давно был переброшен мостик и с тех пор его не ремонтировали. Масса беглецов, не зная о мостике, в темноте устремилась в степь.

Зато о нем хорошо помнил Абду-Мумин. Подчиняясь его командам, нукеры оттеснили бегущих от берега, давая возможность проехать хану. Но его конь, ступив на мост, сразу же провалился, и всадник с мучительным стоном сполз с седла.

У него оказалась сломанной нога.

Лишь небольшому числу наиболее дисциплинированных и боеспособных всадников во главе с Пулат-ханом удалось избежать ночного погрома.

Еще не забрезжил рассвет, а уже все было кончено. Огромный лагерь опустел. Скобелев велел трубить отбой.

У казаков потерь не было, за исключением двоих легко раненых.

Неприятель понес потери: около сотни убитых, 198 ружей, 250 шашек, 168 пик и 2000 чалм.

— Главное не это, — говорил Скобелев. — Главное — то нравственное впечатление, которое получают кыргыз-кыпчаки от нашего ночного рейда. Пусть убедятся, что бунтовщикам нет спасенья ни светлым днем, ни темной ночью, как поется в песне.

Генерал Троцкий встретил победителя с распростертыми объятиями. Еще бы! Теперь не страшно явиться пред очи самого Кауфмана. (Генерал совсем было пал духом после отступления).

— Сердечно поздравляю, Михаил Дмитриевич, с победой! Этакое лихое дело!

Михаил Дмитриевич расправил бакенбарды.

— Благодарю за честь. Кажется, я немного рассчитался с ними за Андижан-сай... Сиречь — бутылку... И прошу, ваше превосходительство, особо отметить молодецкие действия сотника Машина. Он достоин чина войскового старшины. А уж о казаках и говорить не приходится: все как один — орлы!

ПОКУШЕНИЕ

К Наср-эд-дин-хану явился Фулат-бек-пансат, тот самый, который донес на заговорщиков. На этот раз Фулат решил отличиться перед сыном своего прежнего благодетеля и, в случае успеха (в котором не сомневался), он мог рассчитывать на чин кушбеги или парваначи.

— Только говори кратко! — предупредил хан; он терпеть не мог деловые разговоры.

— Знает ли мой повелитель, какие слухи носят в народе о Пулат-хане, да поразит его Аллах трясучкою!

— Слухи носят разные, — с неудовольствием ответил Наср-эд-дин-хан. — Говори прямо.

— Многие утверждают, что предводитель бунтовщиков совсем не настоящий Пулат-хан. Это обыкновенный кочевник, взявший себе громкое имя и тем привлекший на свою сторону глупых и легковерных. А настоящий Пулат-хан якобы проживает в Самарканде.

— Как это доказать?

— Если светлейший повелитель соизволит, я отправлюсь в Самарканд, найду подлинного Пулат-хана и уговорю его разоблачить обманщика.

— Действуй! — воскликнул Наср-эд-дин. — Если добьешься успеха, благодарность моя будет поистине безграничной!

И Фулат-бек отправился в Самарканд.

* * *

Ноябрьское солнце скрывалось за куполами мечетей. По узкой улочке пригорода Самарканда ехали трое

всадников — наши старые знакомые Исенбай, Судан-Уру и Джапалак.

— Сегодня мы должны решить задуманное дело, — говорил Исенбай. — Мне не терпится получить обещанную награду. Ух, и заживу же я! Будет у меня три жены, двенадцать работников, тысяча овец...

— Сначала перейди арык, а потом кричи «молодец», — насмешливо заметил Джапалак.

— Исенбай прав, надо спешить, — отозвался Судан-Уру. — Мы здесь от пятницы до пятницы, а Пулат-хан все еще жив.

— Не хотелось бы пятнать свою душу убийством невинного человека, — сказал Джапалак.

— А как же клятва на Коране? И не забывай: Шайтанкул обещал пустить по нашему следу соглядатаев. А свои обещания он выполняет.

— Но что мы могли сделать? — воскликнул Джапалак. — Если этот ученый ханзаде все дни находился в окружении учеников медресе? Убить на глазах у них мударриса? Но ученики — парни здоровые, они живо делают из нас кульчатай.

Оба других поежились.

— И сегодня вы сами видели, к нему проследовал какой-то гость, — продолжал Джапалак.

— Кто боится волков, не разводит овец! — воскликнул Исенбай, самый решительный из троих. — Сегодня мы доведем дело до конца, клянусь Аллахом!

Прятели подъехали к бедной облупленной харчевне, около которой у коновязи стоял пяток осликов.

— Здесь оставим лошадей, — скомандовал Исенбай. — Двое пойдут переулком к медресе и будут ждать, пока Пулат останется один. Третий же должен держать лошадей наготове.

— Я останусь, — быстро сказал Джапалак.

Оба других насмешливо поглядели на него:

— Видно вправду говорится: не всякий конь — скакун, не каждая птица — сокол.

Джапалак примирительно ответил:

— Пусть так. Но сказано: нет озера без лягушек, нет человека без недостатков. Коней сторожить кому-то ведь надо!

— Ладно. Будь наготове, а мы пошли.

«Идите, идите, да проклянет вас Аллах! — бормотал Джапалак. — А я знаю то, что знаю: кто не ест перец, у того рот не жжет. Кто ближе к огню, тот первым и сгорает».

* * *

В келье Пулат-хана сидели трое: сам хозяин, его зять, мутавалий мечети, и гость — тот самый Фулат-бек. Длинный разговор подходил к концу, чай из знаменитого самовара был выпит, сласти съедены. Лицо гостя выражало неудовольствие:

— Я не понимаю вашего упрямства, почтенный, — говорил он. — Вы же ничем не рискуете. Всего-то от вас и нужно: показаться народу и объявить, что подлинный потомок Алим-хана—это вы! А мутавалий и его жена подтвердят. Наверняка найдется и еще несколько свидетелей. А тот, кто прикрывается вашим именем, — гнусный самозванец. Не забывайте, что меня послал к вам сам Бахадур-Наср-эд-дин-хан!

— Об этом вы уже говорили...

— Русские власти тоже будут на нашей стороне, — продолжал Фулат-бек. — Ибо самозванец доставляет им немало хлопот. Повторяю еще раз: согласитесь — и вас ждет большая награда. Вы проживете жизнь в достатке и благополучии до самой кончины.

— Мне уже предлагали подобное три года назад, — отвечал хозяин. — Поймите и вы: я — книжный человек и не хочу ни во что вмешиваться.

— Но вашим именем творятся великие злодеяния, льются реки крови, достойным людям рубят головы! Подумайте о том, какую память ваше имя оставит в народе! Имя, оскверненное самозванцем! Оно будет сопровождаться проклятиями до Судного дня!

— Те, кто придет после нас, разберутся и из кучи лжи вытянут нить истины. Я в этом уверен. И это мое последнее слово.

— Жаль! — сказал Фулат-бек, вставая. — Выбирающий плохо и кончает плохо. Потомок Алим-хана недостоин той крови, что течет в его жилах.

Тут подал голос мутавалий:

— Недостойно гостю оскорблять хозяина! Идите, больше неуважаемый, и забудьте дорогу к нашему дому.

— Тьфу! — плюнул Фулат-бек и вышел.

— Надо бы его проводить... — начал Пулат-хан.

— Остерегись, высокорожденный! — сердито отвечал мутавалий. — Вежливость тоже имеет границы.

* * *

Исенбай и Судан-Уру вот уже два часа играли в кости в переулке. Они изнывали от нетерпения.

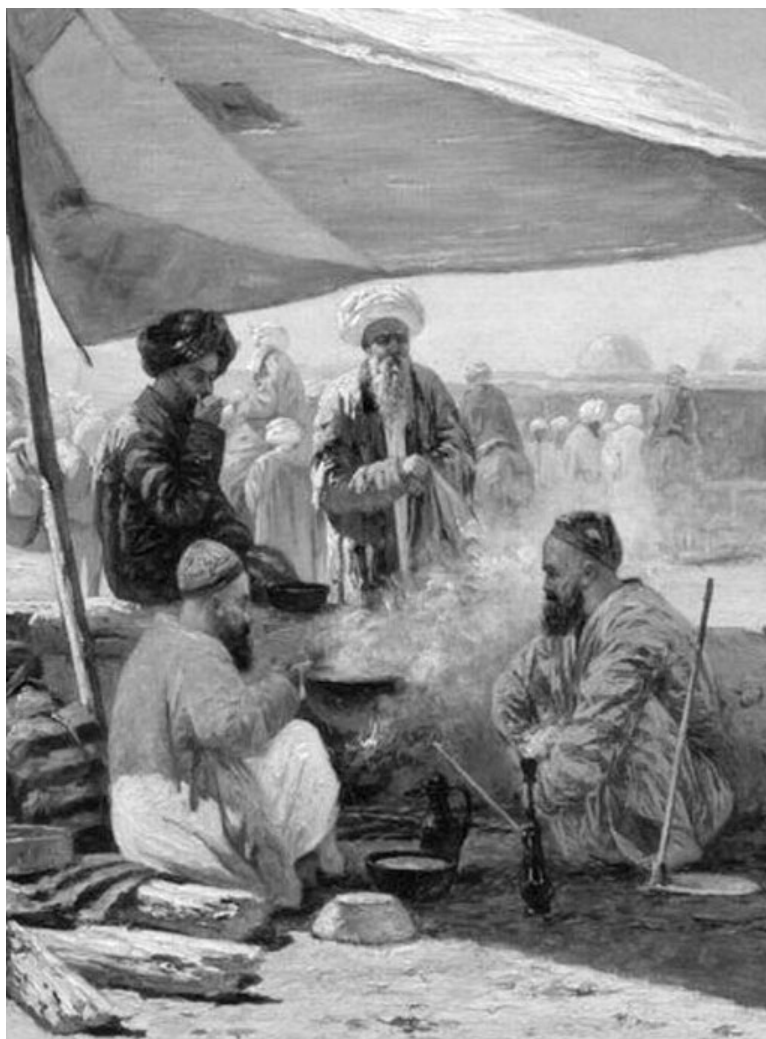
— И когда уберется проклятый гость!..

Какой-то старец с белой бородой заметил им с укоризной.

— Бесстыдники! Нашли место для игры! И где? У мечети! Ваши отцы наверняка были нерадивыми людьми и мало обращались к плетке. Ибо сказано: не будешь сечь сына в юности, не жди от него добра в старости.

— Чего ты раскричался, дедушка, — примирительно сказал Исенбай. — Мы приезжие и не знали, что тут мечеть.

— Больше не играем! — подтвердил Судан-Уру. — Я даже кости, если хочешь, выброшу. — И он забросил кости вместе с игральным стаканчиком через чей-то дувал. — Иди, пожалуйста, своей дорогой.

Исенбай и Судан-Уру вот уже два часа играли
в кости

Старик, сердито ворча и постукивая клюкой, удалился.

— Здесь оставаться больше нельзя, — сказал Исенбай. — Мы привлекли уже ненужное внимание. И чего торчит там проклятый гость? Наверное, доедает целого барана.

Он заглянул через дувал:

— Конь все стоит... Какой скакун! Прямо Тулпар.

— А что, если мы войдем во двор и спрячемся где-нибудь за дверь? Уже стемнело, собак у них нет.

— Хорошее слово! — обрадовался Исенбай.

Оба перемахнули через дувал, перебежали глинобитный двор медресе и затаились за углом, недалеко от коня, похрустывавшего сеном. Ждать пришлось довольно долго, стало совсем темно. Но вот дверь открылась и вышел человек. Наконец-то гость уберется отсюда!

Однако человек прошел мимо коня и направился к углу медресе.

— Ох, к нам идет...

— Кажется, это вовсе не гость... Гость сел бы на коня и уехал. Это — хозяин...

— Аллах посылает его нам в руки.

Оба приготовили длинные отточенные ножи.

Человек добрался до угла и в двух шагах присел — стал справлять малую нужду. Убийцы затаили дыхание... Вот человек встал, принялся натягивать штаны. Две тени выступили из-за угла.

— Кто это?.. — тревожно сказал человек. — Что вам надо?

— Простите, почтенный. Не вы ли Пулат-хан, проживающий в этом медресе? Мы к вашей милости.

— Я Фулат-бек! А если вам нужен...

Исенбай ударил его в грудь, Судан-Уру — в бок. Фулат-бек свалился без звука.

— Готов! Бежим!

— Возьми коня!

— О, Аллах, а если выйдут...

— Молчи, трус!

Оба подбежали к коню. Исенбай отвязал повод и вскочил в седло. Судан-Уру вспрыгнул сзади.

— ...Что он там делает, во дворе? — удивлялся мутавалий. — Не слышно стука копыт.

— Гость выпил много чаю, — подсказал Пулат.

Но вот дробно застучали копыта и затихли за оградой.

— Уехал! — сказал мутавалий с облегчением. — А ведь ты переделал мою душу, о мой знатный родственник! После многочисленных бесед с тобою я теперь полностью разделяю мудрость: истинное счастье не в деньгах и власти, а в спокойствии души.

* * *

Два дня убийцы прятались по самым дальним самаркандским караван-сараям. (Исенбай успел продать коня какому-то русскому офицеру). Оба ждали слухов...

И слухи появились. Посетители чайхан рассказывали о злодейском преступлении в мечети Ходжа-Ахрар. И убийцы поняли — не того убили.

— Теперь я припоминаю: он назвал себя Фулат-бек, — говорил Судан-Уру. — А ты, не разобравшись, ударил.

— Я думал, он просто шепелявит, — оправдывался Исенбай. — А то, что он назвался беком вместо хана — какая разница? Думал, из скромности.

— Что будем делать? Теперь Пулат-хана выследить труднее. Мы потревожили осиное гнездо.

— На этот раз убивать пойдет Джапалак, а мы останемся сторожить коней.

— Как бы не так! — возмутился Джапалак. — Мы сделали свое дело. Клялись лишить жизни человека из мечети Ходжа-Ахрар? Вот и лишили. Мы выполнили клятву.

— «Мы!» — передразнил Исенбай. — Ты-то лошадей сторожил. И не забывай о Шайтанкуле.

— Вот что, джигиты. Мне от Шайтанкула не надо никакой награды: ни ножа, ни веревки, ни мешка с серебряными таньга или даже с золотыми тилла. Хотите — продолжайте это гнусное дело. А я уйду.

Разговор происходил поздно вечером на дороге в Самарканд из близлежащего кишлака, куда приятели ездили подкрепиться — в кишлаке баранина стоила дешевле.

— Ну, нет! Было трое и будет трое! — запротестовал Судан-Уру. — Ведь Шайтанкул не отдаст нам твою долю, а делать-то придется вдвоем!

— А вы не делайте! Пусть Шайтанкул сам этим занимается.

— Эй, трус, рожденный от труса! — закричал Исенбай, вытаскивая длинный отточенный нож. — Ты думаешь, мы такие глупцы, что отпустим тебя живым?

Судан-Уру тоже выхватил нож.

Джапалак думал одно мгновенье.

Резким и точным ударом камчи он выбил нож из руки Исенбая (тот взревел от боли), затем хлестнул Судана-Уру по глазам.

— О-о-о-й! — завопил Судан-Уру, схватившись за лицо.

Третьим ударом камчи Джапалак послал своего коня вперед.

Все это произошло настолько быстро, что пока «приятели» опомнились, Джапалак ускакал на двадцать крупов.

...Они гнались за ним какое-то время, изрыгая все мыслимые проклятья. Затем отстали.

Из-за темных строений Самарканда поднималась луна...

БОРЬБА ДВУХ ХАНОВ

Казалось, после Ханы-Авада Пулат-хану больше не подняться. Но случилось иначе. Один из его военачальников, Валихан-тюре, участник знаменитого «восстания семи ходжей» в Кашгаре, еще до андижанских событий был послан Пулатом в Маргелан. Там беком-правителем был ставленник Наср-эд-дина-хана и Кауфмана некий Атакунбек. Валихан сумел поднять население и с его помощью захватил власть в городе, Атакунбека же казнил.

Наср-эд-дин двинул все имеющиеся силы под командованием своего дяди Мурадбека к Маргелану. Мурад-бек начал с того, что объявил Пулат-хана самозванцем. На всех площадях в кишлаках и придорожных чайханах посланные им люди принародно объявляли, что Пулат-хан вовсе не Пулат-хан, а простой кыргыз Исхак, сын муллы Хасана из племени бостон. Однако это ничего не изменило. Мулла Исхак прочно утвердился в сознании простого народа как Пулат-хан, враг ненавистного Худояра и его покровителей орусов, истинный защитник мусульман. Вспоминали и повторяли его слова, обращенные к народу:

— Если на одного приходится девять халатов, а на девятерых других — ни одного, значит мир устроен неправильно. И вовсе не Аллах милосердный, милостивый тому виной. Все мы произошли от Адама, значит, все мы равны по рождению. А если кругом — обиды, несправедливость и очерняется белизна, и ядовитым цветком цветет корыстолюбие, значит — это проделки шайтана.

Такие речи привлекали к нему сердца бедного люда, простых скотоводов и земледельцев. И в ответ на разоблачения Мурадбека эти люди говорили:

— Что из того? Хан справедлив и наказывает виновных без пощады, не пугаясь их богатства или знатности. И если он — из простых скотоводов, так это даже лучше: значит — наш человек!

А другие вообще отказывались верить людям Мурадбека:

— До каких черных пропастей клеветы доходят враги нашего хана! Но кто им поверит? Даже Абдуррахман Афтобачи признал его! И разве у него было бы такое большое войско, если бы он был простым человеком?

Валихан-тюре умело организовал оборону города. Известие об отступлении орусов из Андижана еще более воодушевило повстанцев. 7 и 8 октября под Файзабадом, близ Маргелана, Валихан наголову разбил войска Мурадбека. Сам Мурадбек попал в плен и был казнен. Дорога на Коканд оказалась открытой. Валихан не замедлил этим воспользоваться.

Кокандцы, узнав о победе под Файзабадом, поднялись в ночь с 8 на 9 октября. Их поддержали жители окрестных кишлаков. Хан Наср-эд-дин бежал под защиту царских властей, и отряды Валихана торжественно вошли в столицу.

Таким образом, важнейшие города ханства — Маргелан, Андижан, Коканд, не считая более мелкие — Ассаке, Балыкчи, Уч-Курган и т. д., оказались в руках Пулат-хана. В переписке русской администрации сложившееся положение характеризовалось следующим образом: «Узбекское и таджикское население Коканда и прочих городов и поселений ханства, находясь в возбужденном состоянии и напуганное угрозами господствующего в ханстве многочисленного кочевого населения, признает ныне ханом киргиза Пулат-бека, силой навязанного ему кипчаками и киргизами».

Дорвавшийся до власти Пулат-хан все более становился похожим на беспощадного восточного деспота. Для борьбы с Наср-эд-дином и его покровителями русскими он готов был объединиться с самим дьяволом. Теперь он всячески старался заручиться поддержкой знатных и влиятельных лиц, награждал перешедших на его сторону феодалов титулами и высокими должностями. Ура-тюбинского правителя Гафар-бека он назначил главою кокандской городской администрации (потом заменил его Абдылдабеком, сыном знаменитой Курманджан). Валихан-тюре стал править Маргеланом; Иша-хан-тюре — еще один участник «восстания семи ходжей» — Андижаном. Ближайшими советниками его стали бывший палач каракульджинских повстанцев мулла Юлдаш-пансат, Календербек, представитель мингов Абду-Керимбек и другие.

«Двенадцать в красном» работали не покладая рук. Разговоры о справедливом распределении халатов звучали все реже и реже, а потом и вовсе прекратились. За самим Пулат-ханом следовал целый караван из двухсот верблюдов с его личным имуществом. (И это после того, как все приобретенное ранее он отдал на хранение каратегинскому правителю). Во всех районах, занятых войсками Пулат-хана, царил самый настоящий террор. Источники передают: «Правление Пулат-хана ознаменовалось небывалой жестокостью и казни проводились ежедневно».

* * *

19 октября 1875 г. полковнику М. Д. Скобелеву было присвоено звание генерал-майора и он был зачислен в свиту Его Величества. Таким образом, полный чин его звучал так: свиты Его Величества генерал-майор. А попросту — свитский генерал. Александр II присвоил генеральский чин Скобелеву по представлению Кауфмана, а в свиту зачислил по собственной инициативе — как-никак ведь Скобелев был его крестником!

Скобелеву в то время было 32 года.

20 ноября новый генерал-майор решил отпраздновать свое представление:

— Господа офицеры! После утреннего развода прошу в мою палатку.

Офицеры перемигнулись: все были наслышаны про знаменитый походный погребец Скобелева, но мало кому удавалось отведать из него прекрасного французского коньяка. Сам хозяин пил мало и других угощал с большим разбором: нередко какой-нибудь солдатик, проявивший отчаянную храбрость, удостоивался доброй чарки, а командир его роты — шиша.

Офицеры явились все, включая прапорщиков. Человек пятьдесят. Все любили Скобелева. Но такую компанию никакая палатка не вместит; пришлось новоиспеченному генералу снять на сутки склад у купца Мухамеджанова за большие деньги. В соседнем складе, тоже снятом «именинником», гуляли все георгиевские кавалеры из нижних чинов — таких набралась добрая сотня. Кавалеры пили водку.

Пятьдесят офицеров — это почти полурота крепких мужчин, в большинстве не прочь выпить. На такую ораву никакого погребца не хватит. Французский коньяк выпили в мгновение ока, после чего офицеры преподнесли хозяину подарки: генеральские эполеты, витые золотом (купленные вскладчину), турий рог для вина, оправленный в серебро, и серебряный же кумган хивинской чеканки, полный бухарского красного вина. Предполагалось, что «именинник» должен его выпить.

Кумган вмещал чуть ли не полведра вина. Многие сомневались: одолеет ли генерал? Не пошлет ли всех к черту?

Скобелев объявил:

— От такого подарка грех отказываться. Шашки наголо!

Налил полный рог и выпил. Налил другой — выпил. Налил третий — выпил. Налил четвертый, пятый, шестой, седьмой...

Полковник Гарновский шепнул майору Родзянко:

— Господи Иисусе! Он же сейчас свалится!

— Его кокандцы всем скопищем повалить не смогли, а уж бухарское вино — тем более...

Когда и кумган, и рог опустели, грянуло дружное «ура». Генерал вытер усы:

— Пейте же и вы, господа!

Офицеры несколько уныло поглядели на столы: запасы катастрофически уменьшались. Еще по чарке-другой, а потом что?

Вошел щеголеватый адъютант:

— Ваше превосходительство, генерал-майор! Пожалуйте к его высокопревосходительству, генерал-адъютанту фон Кауфману.

— Иду! — отвечал Скобелев. — И вы не расходитесь, господа! Я вернусь скоро.

Слегка пошатываясь, он пошел к выходу.

— Господи! — сказал полковник Шубин. — Как же он покажется Кауфману в таком виде?

— Наш генерал везде прорвется, — парировал капитан Обрампальский.

Офицеры налили себе по бокалу.

— Кстати, о Кауфмане, — начал майор Родзянко, известный всей армии присяжной балагур. — Надеюсь, вы помните, господа, полковника Генерального штаба Петруевича? Он в прошлом году приезжал к нам с ревизией от военного министерства.

— Его мало кто видел, — заметил Гарновский.

— Вот-вот! А почему? Сейчас расскажу. Приехал этот полковник, и ну шнырять повсюду. Придирается по всякому поводу: и то ему не так, и это не этак. Знаете эту лихорадку, когда в действующую армию прибывает штабная крыса?

— Еще бы! — дружно ответили слушатели: штабных никто из боевых офицеров не любил.

— Ну вот! Надоел он Кауфману — сил нет. Вызывает Константин Петрович к себе полковника Скобелева:

— Михаил Дмитриевич! Голубчик! Уберите от меня куда-нибудь этого шпыня! Должником вашим буду! Сделайте что-нибудь! Говорят, он — большой пьяница. Вот и пойте его, голубчик! Да так, чтобы он, не протрезвясь, укатил в Санкт-Петербург. Весь мой погреб — к вашим услугам.

— Слушаюсь!

После этого Кауфман говорит Петрусевичу:

— Господин полковник! Все, что требуется, вам покажет и объяснит полковник Скобелев, крестник самого Государя Императора.

— Крестник самого Государя! — повторяет Петрусевиц, потрясенный.

— Да-с! Он у нас — самый боевой офицер, службу знает досконально. Но есть у него одна маленькая слабость... Знаете ли, иной раз любит пропустить фужер-другой... А уж хлебосол! Так вы сделайте милость, не отказывайтесь... Все-таки крестник Государя Императора.

Поселили Петрусевица вместе со Скобелевым в роскошных апартаментах. Чуть утро, Скобелев стучит:

— Господин полковник, пожалуйста завтракать.

А на столе — дивизион бутылок. Петрусевиц в ужасе:

— Как? Прямо с утра?

— А что тут пить? На один зуб. Пропустим по маленькой и — на позиции. Знаете, в боевой обстановке это принято. И от жары — первейшее средство. А еще вам скажу по секрету: в здешних местах водится зловредный москит, разносчик пендинской язвы. Укусит такой — и укушенный начинает страшно чесаться. И во сне даже чешется, остановиться не может. Расчесывается огромная язва цвета сырого мяса. А потом заживает...

— Ну хорошо: москит. А при чем тут вино?

— А притом: пьяного москит не кусает. Не выносит винного духа. Проверено многократно.

Ну вот: позавтракают — и денщик под локоть провожает Петрусевича обратно в спальню. А Михаил Дмитриевич как ни в чем не бывало — на службу.

Так продолжалось неделю. А потом Петрусевич, который, как оказалось, был вообще непьющим, не выдержал, сел и укатил в столицу, ни с кем даже не попрощавшись. Только, уезжая, высунулся из кареты, погрозил кому-то кулаком и прокричал:

— Знаю, кто тут пендинская язва!

Так пьяный и уехал.

Офицеры хохотали и не заметили, как вошел Скобелев.

— Вноси, ребята! — говорил он, обращаясь к кому-то за дверью.

Два рослых казака, предшествуемые вахмистром, внесли изрядный бочонок; бочонок — сразу видно — был старый.

— От Его Величества Государя Императора! — объявил вахмистр.

Офицеры все как один вскочили и прокричали дружное «ура».

Еще два казака внесли другой бочонок, не меньше первого.

— От генерал-губернатора Туркестанского края, генерал-адъютанта свиты Его Величества фон Кауфмана! — опять объявил вахмистр. Офицеры еще раз прокричали «ура». Скобелев усмехнулся, оглядывая гостей:

— А вы, небось, уже приуныли? Мол, не в чем и усы обмотить? Поручик! Подайте мне рог. А вы, ребята, — обратился он к казакам, — не откажитесь, выпейте за мое здоровье.

— Рады стараться! — гаркнули казаки.

* * *

Наутро половина офицеров еле приплелась к утреннему разводу. Другая — те, кто был свободен от службы, — отлеживалась по своим палаткам. Полковник Гарновский, икая, пил квас. Полковник Шубин отпаивался крепким

чаем. Капитан Ионов послал денщика раздобыть кумыса. Полковник фон Борх, немец по крови, русский по воспитанию, но родившийся на Украине, держась за голову, стонал:

— Ох, божечки ж мий! Що ж воно робыться!..

А генерал-майор Скобелев присутствовал на высшем военном совете у Кауфмана и выглядел как огурчик с грядки.

* * *

25 октября 1875 г. М. Д. Скобелев, теперь уже генерал, вышел из Намангана в Тюре-Курган. Население Намангана тотчас восстало. Оставленный генералом незначительный гарнизон, забаррикадировавшись в казармах, в течение трех суток отбивал яростные атаки повстанцев, кричавших «газават!».

Один из осажденных ночью выбрался из казармы, завладел кыргызской лошастью и догнал ушедшие части под Тюре-Курганом. Узнав о восстании, Скобелев только сказал: «Экие сволочи!» — и повернул назад. Войска шли форсированным маршем без остановок, пока не достигли Намангана. Этого никак не ожидали повстанцы. Однако они не растерялись, блокировали казармы и приготовились защищать город до последнего.

— Ненавижу тех, кто бьет по-предательски, в спину, исподтишка, — сказал генерал. — Такой враг пощады не заслуживает.

И приказал открыть шквальный огонь из 13 орудий по городу. Повстанцам нечем было ответить — у них не было артиллерии. А вражеские пушки все били и били. Горели дома, пламя с треском пожирало деревья в садах. Когда половина города превратилась в дымящиеся развалины, осажденные запросили «аман».

— Так-то, — сказал генерал, — так и быть: они получают «аман».

* * *

Абду-Мумин курамянец доложил Пулат-хану:

— Несравненный! Мои люди схватили одного оруса. Он назвался Якубом. Я в торбе у него обнаружил халат, тубетейку, чалму — всю одежду правоверного. И еще вот это...

Абду-Мумин подал хану бумагу. Пулат развернул и углубился в чтение. Брови его хмурились все больше, чем дальше он читал.

— Что там написано? — спросил курамянец.

— Это бумага, свидетельствующая, что подлинный Пулат-хан проживает в Самарканде, в мечети Ходжа-Ахрар. Подписано 18 уважаемыми лицами, прихожанами этой мечети...

— О, бой! — воскликнул Абду-Мумин. — Недаром он сразу показался мне шпионом орусов. Сейчас же прикажу лишить его головы.

— Не торопись, — отвечал хан. — Сначала допроси его хорошенько. С какой целью он появился в нашем лагере? Потом доложишь мне. Может быть, я сам на него погляжу.

Абду-Мумин так и поступил.

Якоб Дитрих, полураздетый, со связанными руками, стоял перед наибом на коленях. На голой спине его вздулись багровые рубцы — изготовившийся сзади верзила Шайтанкул успел уже трижды угостить его плетью.

— Признавайся, ты русский шпион? — грозно вопрошал наиб.

— Нет, клянусь Аллахом!

— Как смеешь, ты, неверный, упоминать имя Величайшего!

— Я давно уже готовлюсь принять истинную веру, — отвечал Якоб, чуть не плача. — И я вовсе не шпион: русские не содержат для работы своих соглядатаев. Обо всем, что надо, им доносят местные жители.

Абду-Мумин недоверчиво пожевал губами.

— Зачем ты проник в наш лагерь?

— Бумага... Я хотел передать хану важную бумагу...
— А знаешь ли ты, собака, что там написано?
— Конечно, знаю. Потому и ехал для встречи с ханом...
— Ага! Вот и признался! — злорадно воскликнул Абду-Мумин. — Бумага-то подложная. В ней написано, что будто бы подлинный Пулат-хан проживает в мечети Ходжа-Ахрар. А наш великий и несравненный Пулат-хан кокандский тогда кто по-твоему? Ты из тех, кто распространяет клеветнические слухи и достоин за это быть посаженным на кол!

Якоб Дитрих в искреннем недоумении широко раскрыл глаза:

— Прости меня, почтенный, но здесь какое-то недоразумение. Моего слуха касались зловердные сплетни о происхождении повелителя: я как раз и привез бумагу, чтобы опровергнуть их! Пулат-хан сначала жил изгнанником при мечети Ходжа-Ахрар. Потом Аллах повелел ему оставить затворничество и возглавить борьбу против злодея Худояра. И вот он, Пулат-хан, сейчас — владыка ханства. А чтобы никто не сомневался в его подлинном высоком происхождении, эта бумага призвана подтвердить это. Где же здесь злой умысел с моей стороны? Я и в прошлом и в позапрошлом году пытался добратсья до вашего лагеря и присоединить свои слабые силы к вашему праведному делу. Да все никак не получалось... Сипаи Худояра пресекали всякую возможность.

Эта речь произвела на Абду-Мумина впечатление. Действительно, если все так, то где здесь злой умысел?

После некоторого раздумья он снова начал вопрос.

— Где ты взял эту бумагу?

— Мне дал ее бывший наставник Пулат-хана.

— Где этот наставник?

Якоб вспомнил о смерти мавляны ходжи Юсупа.

— Он умер. Он был очень стар. Как он говорил мне, перед ним умерли и все свидетели, подписавшие эту

бумагу. Они тоже были глубокими стариками — ведь их молодость пришлась на времена Ибрагимбека, отца теперешнего хана. А это было сорок лет назад.

Абду-Мумин опять пожевал губами.

— Приходилось ли тебе встречаться с Пулат-ханом?

— Приходилось! Конечно приходилось! — оживился Якоб. — Мы не раз с ним беседовали за самоваром! Тогда он был очень простым и добрым человеком. Едучи сюда, я предвкушал, как мы с ним за чашкой чая...

— Глупец! — воскликнул Абду-Мумин. — Трижды глупец! Тогда благородный Пулат-хан скрывался в неизвестности, чтобы избежать козней врагов. Теперь же Сеид-Бахадур-Пулат-хан отягчен заботами государства! Неужели у тебя хватает самомнения думать, что он отложит все дела, чтобы снизойти для беседы с тобой, ничтожным?

Якоб молчал.

— Ладно! — сказал кураmineц, поднимаясь и давая знак Шайтанкулу развязать пленнику руки. — Я доложу о тебе пресветлому хану. Может быть, он и найдет минуту осчастливить тебя своим вниманием... А сколько глаз было у Пулат-хана, ты не помнишь?

Якоб с недоумением воззрелся на вельможу:

— Два... Правда, один вытек, говорят, в детстве...

— Ничему не удивляйся! — торжественно сказал Абду-Мумин. — Аллах оказал своему избраннику особую милость: он сделал и второй его глаз зрячим! Нет предела могуществу Единственного в мирах! Ты понял меня?

— П-понял, — отвечал Якоб, хотя ничего не понял. Неужто кривой Пулат-хан стал двуглазым? Возможны ли такие чудеса? Даже на Востоке?

— И помни! — продолжал Абду-Мумин. — Может быть, хан и снизойдет до беседы с тобой. Но не раньше, чем ты примешь мусульманство. Верни ему одежду! — приказал он Шайтанкулу. — И запереть надежно! За его целость и сохранность отвечаешь головой.

ФОМА ДАНИЛОВ

В конце ноября 1873 г. по тракту из Ташкента в Наманган двигался транспортный обоз. На нескольких десятках арб везли провиант и зимнее обмундирование для русских войск, стоявших в Намангане.

Перед этим прошли дожди и немощеная дорога превратилась в грязное месиво, скрывавшее опасные рытвины. Двухколесные арбы с натужным скрипом выбирались из них, разбрасывая ошметки грязи.

Две арбы отстали от каравана. У одной сломалась ось, и теперь люди перекладывали с нее груз на другую арбу. Их было четверо: возница из местных, двое юнкеров — совсем еще безусых мальчишек в походных шинелях — и бравый унтер-офицер с роскошными генеральскими усами. Фамилии юнкеров — Колусовский и Эйагельм, а также унтера — Фома Данилов — сохранили нам историки.

Фома, рослый, плечистый богатырь, вытирая пот со лба, с тревогой поглядывал на небо и вокруг. Осенние сумерки подкрадывались быстро, обоз ушел далеко, а перегрузить осталось еще несколько тюков

— Чего ты все оглядываешься, Данилов? — задорно сказал Колусовский. — Или боишься?

Унтер недовольно засопел.

— Бояться не боюсь, а опаску имею. В здешних местах бродят шайки Батыр-баши. Не ровен час наскочат...

Последний тюк наконец благополучно переместился на исправную арбу и крошечный караван тронулся.

Возница правил арбой, остальные шли рядом. Юнкера принялись подшучивать над Даниловым.

— Что же ты, Фома, целый год воюешь в Туркестане, а Георгия не заслужил?

— Придет срок — заслужим, — добродушно отвечал унтер-офицер. Он не обижался на юнкеров: молодые петушки, рвущиеся в драку — что с них взять? Жизнь-то их пообтешет в свое время.

Действительно, оба юнкера походили на петушков: тонкие, угловатые, со светлым пушком над верхней губой вместо щегольских усиков — к их великой досаде. Не надо обладать особенной мудростью, чтобы догадаться, как они попали в действующую армию. Настойчивые прошения по начальству, в которые был вложен весь романтический пыл юности; слезные моления у родительских ног; ходатайства родственников, друзей — и мечта сбылась. Мечты! Мечты! Блестящая военная карьера, в 25 лет полковничьи эполеты, грудь в регалиях, благородный шрам где-нибудь на видном месте (но так, чтобы не портил лицо!). А потом.., а потом... Воображение рисовало залы петербургских дворцов и они, молодые герои, летят в мазурке с первыми красавицами... Или тенистый парк вокруг старинного особняка где-нибудь в глубине России; луна, скамейка, белое платье и опять он, юный герой, в ответ на настойчивые просьбы нехотя-скучно и скромно повествующий о туркестанском походе...

Совсем стемнело и дорога теперь еле угадывалась. Юнкера приуныли.

— Нельзя ли быстрее, Джапалак? — торопили они возницу. — Надо в конце концов догнать наших.

— Нельзя быстрее, — невозмутимо отвечал Джапалак. — Арба ломаться будет.

— наших догоним только на ночлеге, в кишлаке, — сказал Данилов.

— А сколько еще до кишлака?

— Аккурат семь верст киселя хлебать.

Бедные юнкера еле тащились, с трудом выдергивая ноги из грязи. Им больше не чудились петербургские гостинные и парки, облитые луной. Хотелось есть и — спать, спать...

Как это получилось, юноши так и не смогли понять. Конные налетели со всех сторон сразу: ржание, крик, визг. Грохнул с ослепительной вспышкой выстрел (это Данилов) и вот уже им крутят руки страшные свирепые люди, хотя в темноте лиц не разглядишь, видны только оскаленные зубы да белки глаз... Как в дурном сне. Они слышали, как ругался Данилов, как Джапалак причитал на своем языке со слезой в голосе — его били плетью.

Потом их посадили на лошадей и повезли куда-то. Броненная пустая арба осталась на ночной дороге.

* * *

Их привезли в город Маргелан на другой день, на закате солнца, и заперли в низкой мазанке с крошечным оконцем. Снаружи приставили двух часовых — пленники слышали их разговоры, иногда взрыв смеха. Измотанные физически и душевно, юноши повалились прямо на пол и впали в забытье. Рядом похрапывал Фома Данилов.

Просидели они в «кутузке» и весь следующий день. Кроме них здесь оказался еще один человек, одетый весьма странно: русские рубаха-косоворотка, брюки, сапоги, а по-верх — узбекский халат и тюбетейка. Белобрысые волосы, черты лица и голубые глаза выдавали европейца.

Назвался он Яковом, сказал, что — немец.

— Как же ты, немец, и попал в Туркестан? — спросил Фома Данилов.

— А что же тут такого? — ответил Яков. — К вашему сведению, господин унтер, в Туркестане служит довольно много немцев. Начнем с самого главного лица — генерал-губернатора фон Кауфмана. Дальше — полковник барон фон Меллер-Закомельский и его брат ротмистр Меллер-

Закомельский, тоже фон-барон; полковник барон Аминов, казачий есаул фон Штакельберг, подполковник Адеркас, генерал-майор Эйлер, ходжентский уездный начальник подполковник барон фон Нольде, майоры Абграль и Ранау, подполковник фон Бреверн, советник Вейнберг... Заметьте я не назвал и третьей части... Кстати, вот даже юнкер Эйагельм, судя по фамилии...

— Я из курляндских немцев, — сказал юнкер.

— По какой причине сижу? — продолжал Яков на чистом русском языке. — А по той простой, что джигиты Пулат-хана признали меня за «орусского» шпиона. Дожидаюсь ханского суда.

Открылась дверь и вошел в сопровождении рослого джигита их бывший возница Джапалак. Он с жалостью оглядел пленников, сокрушенно почмокал губами и сказал, сильно коверкая русские слова:

— Заптрым хан будыт наша вера прынымат.

— Ты, значит, опять переметнулся к своим, — сказал Фома Данилов. — Шкура ты продажная.

Джапалак понял и обиделся.

— Ково я продал? — заговорил он горячо и гораздо чище. — Тебя? Нет. Тебя? Тебя? Нет! Нет! У вас работал — тоже никого не продавал, хлеб зарабатывал. Меня джигиты ругался: орусам продал. Камчой сильно били. А все неправдышка.

Внезапно Яков заговорил с возницей на местном языке. Обрадованный Джапалак залепетал безостановочно... Говорил минут пять. Затем Яков перевел кратко:

— Он говорит: завтра хан повелит вам менять свою веру на истинную, то есть мусульманскую.

— Ишь, чего захотел! — сказал Данилов.

— Никогда! — вскричали юнкера.

— А не примете, так, говорит, велит расстрелять.

— Бог не выдаст, свинья не съест, — отвечал Данилов.

Джапалак понял, что его прежние друзья отказываются менять веру. Он что-то сказал джигиту, тот вышел за дверь. После этого возница стал горячо доказывать Якову. Тот слушал, кивал головой.

— Он говорит: примите веру для виду, надо только молитву мусульманскую прочитать да голову обрить — больше с вас ничего не потребуется. А там видно будет. Как полагаете?

Юнкера посмотрели на Данилова.

— Не бывать тому, — отвечал унтер.

— Ой, не надо! — горестно воскликнул Джапалак. — Ой, плохо будет, зачем? Ты хорош человек, Пома! Зачем смерти хочешь?

— А затем! Ежели я хороший человек, то и поступать должен по совести. А совесть не велит хриstopродавцем становиться.

Джапалак целую минуту горестно качал головой, повернулся и вышел с тяжким вздохом. Было слышно, как повесили замок.

— Ну, вот и все, — прошептал юнкер Колусовский. — Завтра мы умрем.

— Я буду молиться всю ночь, — сказал юнкер Эйгельм.

— Зря это вы так-то, — сказал Яков. — Можно было бы и обмануть кокандцев... В конце концов бог один. Только молимся мы ему по-разному. Не все ли равно, как молиться?

Эйгельм возразил:

— Я читал, в древней Америке у ацтеков были боги, требовавшие человеческих жертв. Вы бы и этим богам молились?

— Тут вы путаете, любезнейший. То были не боги, а идолы... Истинный же бог один, только называют его по-разному, каждый народ на своем языке: Бог, Яхве, Саваоф, Иегова, Аллах... А кокандцев надо бы обмануть.

— Свою совесть не обманешь, — откликнулся Данилов. — Вот ты, Яков, не знаю, как тебя по бабушке...

— Иванович.

— ...Яков Иванович, скажи: что ты за человек! То ли немец, то ли русак, то ли кокандец? Какая у тебя вера?

Яков долго молчал, потом проговорил задумчиво:

— Какая вера? Родители мои были католиками и меня крестили по католическому обряду. Это было далеко отсюда, в Баварии. Потом родители переехали в Померанию, да и умерли там. Попал я сиротой к дяде, тот был протестантский пастор, он увез меня в Эстляндию — это под Петербургом — и там уже сделал из меня лютеранина.

— Нехорошо твой дядя поступил, — сказал Фома. — Человеку, в какой вере родился, в той и помирать положено.

— Еще не все. Вырос я, а дядя к тому времени помер. Жил он бессребреником и умер таким. Я — опять сирота, без гроша в кармане. Скитался я по всей Расее, жывал и в Петербурге, там и научился русской речи. И там же в православие перешел... Мне так думается; бог — один, только каждая нация его к своим обычаям приспособила. Вот и получилось: тот — католик, тот — лютеранин, этот — православный, а те — мусульмане...

— Ну это уж ты загнул, — сказал Данилов. — ведь эти самые бусурмане Христа и Богородицу не почитают, какой же у нас с ними один бог? Врешь ты все, Яков Иванович, я тебя и слушать не хочу!

* * *

Наутро пленников вывели на площадь перед ханским дворцом. Собралась любопытствующая толпа. Шеренга сарбазов в синих куртках, таких же шароварах и бараньих шапках, с ружьями в руках вытянулась в длинную стройную линию.

Мулла с Кораном в руке спросил по-кокандски Якова Ивановича: принимает ли он истинную веру?

— Я готов! — отвечал немец и принялся скороговоркой лопотать непонятное — должно молитву.

Фома Данилов поглядел — и плюнул.

— Подлый человек, — сказал он.

Мулла подошел к юнкерам.

— Они согласны, — сказал Яков Иванович.

Оба юнкера молча покивали головами. Толпа радостно загудела. Юнкера, спотыкаясь, повторяли молитву.

Затем мулла приступил к Данилову.

— Прими истинную веру, — перевел Яков.

— Отстань, — сказал унтер-офицер.

Мулла смекнул в чем дело и быстро скользнул в дворцовые ворота. Скоро оттуда вышел величественный старик в дорогом парчовом халате, с саблей на боку.

— Абду-Мумин, правая рука хана, его наиб, — зашептали в толпе.

Старик остановился против Данилова, вперил в него ястребиный взгляд из-под кустистых бровей.

— Прими истинную веру, — сказал он. — И хан осыплет тебя милостями, даст высокую должность.

— Нет! — отрезал Данилов.

— И еще раз говорю: прими истинную веру. Иначе тебя ждет смерть.

— Нет! — отвечал Данилов. — В какой вере родился, в такой и умру.

Абду-Мумин ушел во дворец. Толпа напряженно ждала решения самого Пулат-хана. Но вот его наиб вышел и снова стал против Данилова, словно ангел смерти Азраил.

— Хан оказывает тебе в третий раз милость: прими истинную веру. Или смерть.

Тут Данилов взорвался:

— Напрасно вы, собаки, надрываетесь! Ничего с меня не возьмете, а хотите убить, так убивайте!

Абду-Мумин взмахнул рукой. Сарбазы тотчас сорвали с Данилова мундир и потащили к арбе, что одиноко стояла

у стены. Унтер-офицера прикрутили к огромному колесу. Кто-то из сипаев нагнулся снять сапоги. Данилов пнул его и закричал:

— Не дам снимать! Погодите немного! Когда умру, тогда и снимайте!

— Оставьте его, — приказал Абду-Мумин.

Шеренга сарбазов в 25 человек выстроилась напротив приговоренного. По команде грянул залп. Голова Данилова упала на грудь. По толпе пронесся единый вздох. И она стала быстро расходиться. Кокандцы не были лишены чувства благородного. Люди переговаривались, потрясенные:

— Батыр! Батыр-орус!

После расстрела Данилов жил еще около часа. Вечером труп его сняли с колеса и закопали в мусорной яме тут же на краю площади.

Через два с небольшим месяца генерал Скобелев услышит подробности смерти героического унтера из уст самих кокандцев, прикажет откопать труп и похоронить со всеми воинскими почестями. Скобелев по этому делу подал рапорт Кауфману; Кауфман сделал доклад царю. «Его Императорское Величество соизволил назначить вдове его (т. е. Данилова) пожизненную пенсию в 120 руб. в год». По решению генерал-губернатора приказ о царской милости был оглашен по всем туркестанским войскам по-ротно, по-сотенно и по-батареино.

* * *

Обоим юнкерам обрили головы, обрядили в кокандскую одежду и Яков Иванович принялся обучать их символу веры на арабском языке: «Нет Бога кроме Бога и Мухаммед пророк Его»,

Но юноши, потрясенные всем увиденным и тем, что навалилось на них, плохо соображали.

— Выше голову, ребята! — бодро говорил Яков Иванович. — Неужто трудно запомнить: «Ля Алл иль Алла?..»

А когда кокандцы ослабят за нами внимание, мы, как это говорится по-русски, дадим тягу. Смажем пятки салом. Навострим лыжи. Зададим стрекача. Джапалак нам поможет.

— Но Джапалак киргизец, мусульманин!

— И среди киргизцев и мусульман есть хорошие люди. Знаете, какая у Джапалака любимая поговорка? «Стой впереди лягающего, но позади бодающего». Вы так и поступили. Ведь вы не предали никого — ни родину, ни царя. Вы просто пошли на военную хитрость.

Но юнкера были неутешны. Геройская смерть Данилова стояла перед их глазами.

— Мы трусы и нет нам прощения, — говорил Эйагельм.

— Вот увидите, все будет хорошо, — настаивал Яков Иванович. — Вы еще послужите Отечеству с оружием в руках, хотя лично я считаю, что самый большой грех — убивать.

Трое новообращенных жили в той же мазанке — «кутузке», только теперь пол был застелен кошмами, вместо кроватей громоздились три горки одеял и подушек. Кормили их тоже неплохо. Однако юнкеров не покидало уныние.

Как-то ночью в дверь мазанки осторожно постучали и послышался голос Джапалака:

— Просыпайтесь! Аллах одаряет лишь бодрствующих!

Яков выскочил первым и обнял старого, как он полагал, приятеля.

— Время пришло, — сказал Джапалак. — Вы готовы? Оба юнкера были уже на ногах.

— К чему?

— Как? Разве вы не изъявляли желания вернуться к своим?

— А это возможно?

— Я достал двух коней. На одном поедет Якуб — он потолще и побольше. А на другом уместитесь вы. Торопитесь, юноши!

Все выскочили за дверь. В звездном свете вырисовывались три конских силуэта.

— Спасибо, друг, — проникновенно говорил Якоб. — Чем смогу отблагодарить за себя и этих мальчишек такого джигита, как ты?

(Юнкера поблагодарить и не подумали — от радости, наверное).

— Э! Гора с горой не сходится, а люди... Но торопитесь!

— А ты сам?

— И я с вами. Если Шайтанкул или Абду-Мумин узнают меня, мне конец. Это Аллах Милостивый так устроил, что мы за неделю не встретились. Но нельзя искушать судьбу слишком долго.

В голосе Джапалака Якобу почудилась усмешка.

Юнкера уже сидели на лошади и торопили:

— Скорей, Яков Иванович.

Джапалак объяснил направление и всадники ускакали в степь, растворясь в ночи. Лагерь, как всегда, охранялся из рук вон плохо и часовые ничего не заметили.

ЗИМНИЙ ПОХОД СКОБЕЛЕВА

Осенняя кампания продолжалась. Отряды Пулат-хана потерпели поражение 27 октября под Наманганом, 2 ноября — в кишлаке Ашабе, 17 ноября — у села Балыкчи, которое затем Скобелев взял штурмом. В сражении под Ульджибаем 2 декабря повстанцы потеряли убитыми 600 человек, 4 фальконета, 410 ружей, 8 значков и много холодного оружия.

Однако туркестанское командование понимало: все эти победы не дают главного результата — прекращения войны. Впереди маячила зима и русские военачальники по опыту знали, что в боевых действиях наступит спад. Но только до весны. А как только растает снег в горах и появится зеленая трава, неугомонные кочевники-горцы опять возьмутся за газават. И конца этой войне не будет видно.

И тогда возник дьявольский план: нанести упреждающий удар по зимовкам кочевников, когда им бежать некуда. Горные ущелья завалены снегом и недоступны для скота. Значит, скотоводам останется одно из двух: или отказаться от борьбы и заключить мир или погибнуть.

Кто первый предложил этот план — Скобелев или Кауфман — осталось неизвестным.

Впрочем, обратимся к документу — донесению военного губернатора и командующего войсками Ферганской области генерал-майора М. Д. Скобелева туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману о военных действиях в бывшем Кокандском ханстве с 25 декабря 1875 г. по 7 февраля 1876 г.:

²⁰ Том XV. В. М. Плоских

«...Поражения неприятеля, не будучи направлены против его центров, не препятствовали, при свойственной ему подвижности, являться вслед за потерпевшим неудачу.

С непонятным упорством шайки его (т. е. неприятеля) вновь проникали в самое близкое к нам соседство. Так, например, 14 ноября, вослед за Балыкчами, и 12 декабря, вскоре после Ульджибая, шайки кипчаков подходили к самому Намангану.

Естественно, что при таком положении дел край истощался, и доверие к нам населения не могло быть упрочено. Между тем нашей обязанностью является доставить населению возможность мирного процветания, под охраной нашей силы. Помимо того, такое положение дел требовало от войск Наманганского отдела крайнего напряжения сил...».

В докладе от 9 ноября 1875 г. на имя Кауфмана Скобелев продолжает развивать свою мысль: «Беспокойный и воинственный дух кипчаков и киргиз-кыпчаков и их сплоченность создали им в Кокандском ханстве исключительное положение. Они заявляли притязания на решение судеб ханства и поддерживали их своею постоянной готовностью к борьбе с оседлым населением, в которой обыкновенно одерживали верх.

Кипчаки и военная партия сосредоточились в восточной части ханства. Эта партия избрала в свои вожди кипчака (Афтобачи) и киргиза (Пулат-бека) и овладела некоторыми оседлыми центрами. Так, например, Ассаке, Андижаном, Маргеланом, Узгеном, где в последнее время образовалось целое враждебное нам правительство, которое управляет, опираясь на грубую силу кипчаков и киргиз... Такое положение дел заставляет прийти к заключению, что кипчакам и военной партии, на них опирающейся, необходимо нанести удар, который убил бы их значение в крае.

Страна между Нарыном и Кара-Дарьей Эки-су-арасы населена по преимуществу кипчаками и кара-киргизами,

составлявшими главный контингент в ополчениях, выставлявшихся против нас правительством войны. Опираясь на предгорья Кандыр-Тау, Алатау и Кандыр-Даван, кипчаки и киргиз-кипчаки легко могут ускользнуть летом от преследования, забираясь в свои горные кочевки, выбираемые ими в тесных ущельях и вообще в местах мало доступных... Но в зимнее время места, в которых могут летом укрыться эти племена, непроходимы и для них недоступны, а поэтому вопрос об укрощении враждебных нам кипчаков и киргизов-кипчаков весьма облегчается.

Экспедиция в зимнюю пору года, когда полукочеевое население держится со своими семействами и скотом в курганах и зимовках и не имеет возможности бежать в горные ущелья, поставит их перед необходимостью или драться с нами, или смириться и навсегда отказаться от притязаний управлять судьбами ханства.

Предвидя при этом возможность встречи нашего отряда в некоторых местах с наружными изъявлениями покорности, представляю на благоусмотрение Вашего высокопревосходительства те условия, которые будут предлагаться мною:

1. Уплата контрибуции деньгами или натурой в размере, который, в общих чертах благоугодно будет назначить Вашему высокопревосходительству в зависимости от числа дворов или иных условий.
2. Выдача людей нам заведомо враждебных.
3. Выдача заложников из влиятельных родов, которые будут пересланы в Ташкент или другие места.
4. Выдача оружия и боевого снаряжения.

Эти условия будут предлагаемы мною по обстоятельствам или в совокупности или отдельно, на их выполнение будет даваться срок, после которого кишлак, не исполнивший требуемого, будет уничтожен без пощады».

Кауфман внимательно прочел эти соображения и написал Скобелеву нанести упреждающий удар между серединой декабря и серединой января.

Генерал Скобелев приступил к исполнению предписания 25 декабря. Оставив гарнизоны в Намангане, Чусте и на Ак-Джаре, он выступил с отрядом из девяти рот, семи с половиной сотен, ракетной батареей и 12 орудиями, всего числом 2821 человек. Отряд был обеспечен теплой одеждой, юртами, подвижным лазаретом. Провианта взяли немного, рассчитывая обеспечивать им войска путем реквизиции (т. е. грабежа). Обоз состоял из 500 арб.

С войском шло также несколько сот джигитов Наср-эдин-хана, взятых по его настоянию.

Переправившись через реку Нарын, отряд двинулся правым берегом Кара-Дарьи по направлению к «столице» кыргызов-кыпчаков, их главному кишлаку Байток. Летучие отряды, направляемые во все стороны, должны были захватывать все кишлаки по пути движения. Вот тут-то и глава Туркестана Кауфман, и бравый генерал Скобелев просчитались. Кишлаки оказались брошены жителями, которые заблаговременно бежали к Узгену и на левый берег реки. Карателям ничего другого не оставалось, как разрушить курганчи и сжечь все, что могло гореть.

Историк Горянов, очевидец этих событий, резюмирует: «Таким образом, цель экспедиции — нанести решительный удар кипчакам на их зимовках — не могла быть достигнута».

Проблуждав недолго по Эки-су-арасы, обескураженный Скобелев переправился через Кара-Дарью и 2 января стал лагерем около кишлака Мир-Рават в 5 верстах от Андижана.

— Эки бестии! — говорил он о кыпчаках с некоторым даже восхищением. — Им и зимой неймется. Что за народ!

От лазутчиков стало известно, что энергичный и неутомимый Абдуррахман Афтобачи собрал в Андижане довольно большие силы: до 20 тысяч вооруженных жителей, 5 тысяч сарбазов и 10 тысяч конницы — из тех самых кыпчаков.

— Этот, по крайней мере, не побежит, — радовался Скобелев. — Готовиться к штурму!

4 января произвели рекогносцировку. 5 января пал густой туман, так что войска были вынуждены провести весь день в бездействии. 6-го рекогносцировка повторилась, а 7 января Скобелев перевел войска на высоты Ак-Чакмак, где была выгодная позиция для артиллерии.

8 января начали артиллерийский обстрел города, затем на штурм пошли колонны. Скобелев знал слабые места обороны — в этом ему помог некий андижанский вельможа Арзыкулбек, перебежавший к ним в лагерь. В своем отчете военному министру Кауфман писал о взятии Андижана: «Неприятель, не угадав фронта атаки, начал стекаться к угрожаемым пунктам только тогда, когда открыла огонь наша артиллерия, попал под убийственный огонь ее и не успел занять передовых оборонительных укрытий, которые были уже захвачены передовыми штурмовыми колоннами».

Колонны овладели центром Андижана и высотой Гуль-Тюбе, где была немедленно установлена батарея. Абдурахману Афтобачи ничего не оставалось, как вывести уцелевшие войска из города и отступить по направлению к Ассаке.

Андижан был взят.

Сам Скобелев вполне сознавал значение этого события. Он писал: «Погром, постигший 8 января Андижан, на который были устремлены взоры не только Кокандского ханства, но и всей Средней Азии, глубоко потряс нравственно и материально силу правительства войны. Андижанские беглецы по всему ханству разнесли весть о постигшем их страшном поражении и внесли панику во все центры ханства».

Андижан был главным опорным пунктом повстанцев. Теперь его не стало.

Лазутчики принесли известие, что неугомонный Абдурахман Афтобачи собирает в Ассаке новые силы.

— Нет, каков молодец, а? — воскликнул Скобелев. — Такого ничем не проймешь. Его бьют, а он крепчает. Дерется до последнего. Ей-богу, господа, я его уважаю. И все же пора с ним решительно кончать.

13 января генерал произвел рекогносцировку местности по направлению к городу Ассаке, а 18-го двинулся туда с отрядом, состоявшим из двух рот пехоты, конных стрелков (120 стрелков, 120 казаков-коноводов), пяти сотен казаков, ракетной батареи и четырех конных орудий.

Войска подошли к речке, за которой раскинулся сам город. Единственный мост был заблаговременно уничтожен Абдурахманом. Скобелев долго наблюдал в подзорную трубу за неприятельской стороной. Затем велел артиллерии обстрелять город, урду и высоты восточнее города: там он заметил большое скопление неприятеля.

Наведя таким образом панику, Скобелев перевел отряд вброд через реку в полтора верстах выше города. И тотчас пехотные роты и конные стрелки атаковали высоты. Через четверть часа бой был закончен. Защитники сопротивлялись вяло — они еще не пришли в себя после артиллерийского обстрела.

Под защитой стрелков казаки втащили на высоту артиллерию и поднялись сами. Таким образом, весь отряд Скобелева оказался, и в прямом, и в переносном смысле, «на высоте». За гребнем простиралось обширное плато, на котором стояли многочисленные конные и пешие войска Афтобачи: отсюда он готовился нанести удар, если бы Скобелев вздумал штурмовать город. Но Скобелев поступил так, как не ожидал противник. Чем это объяснить? Одним лишь полководческим талантом генерала? А может быть главную роль здесь сыграла разведка, добровольные осведомители из числа местных жителей?

Весь отряд Скобелева оказался, и в прямом,
и в переносном смысле, «на высоте»

Так или иначе, артиллерия опять заработала. Афтобачи ничего не оставалось делать как бросить свою конницу прямо на пушки, на левый фланг врага, рассчитывая обойти с фланга и тем самым обезвредить страшную артиллерию. Это был излюбленный прием кокандского полководца. К сожалению, он ему не удался. И на этот раз атаки были отбиты. А затем пять сотен казаков и конные стрелки ударили, в свою очередь, во фланг неприятеля. На плато было негде особенно развернуться и перевес в численности кокандцам ничего не давал. Афтобачи сдерживал, сколько мог, напор казаков, чтобы дать время пехоте уйти с поля боя.

Но вот кыпчакская конница дрогнула и повернула назад по маргеланской дороге, а за ними, как злые духи, мчались казачьи сотни. Наконец, через 9 верст преследователи наткнулись на колонну сарбазов в 800 человек и, как пишет беспристрастный историк, «большую часть ее изрубили... После этого били отбой и отряд возвратился в город Ассак и занял его без боя, т. к. жители города разбежались».

* * *

Абдуррахман Афтобачи созвал последний военный совет. На нем присутствовали помимо главнокомандующего 26 военачальников: их решения ожидали 400 джигитов — все, что осталось от сторонников газавата.

Начал сам парванчи:

— Я получил письмо от Кауфмана. Он предлагает мне сдать с условием сохранения жизни и определения содержания соответственно моему званию. Всем, кто со мной, — то же самое. Что скажете?

Все двадцать шесть молчали. А что они могли сказать?

— Такова, видно, воля Аллаха: я не сдержал клятву, данную на Коране. Не отомстил Худояру за смерть отца и не выгнал русских за пределы ханства. У нас было

вдесятеро больше войск, но все-таки мы проиграли. Мы потерпели поражение у Махрама, в Андижане, при Ассакке. Теперь у нас больше нет сил. Народ отвернулся от нас, джигиты разбежались. Так бывает всегда: у победившего — друзей весь мир, у побежденного — даже собственные сапоги становятся врагами. Говорите же ваше решение!

И он обвел мрачным взглядом соратников.

— Ты за нас всех сказал, — ответил Нур-Мухаммед-датха. — Что можно добавить к сказанному?

Афтобачи с горечью продолжал:

— Что можем мы противопоставить русским пушкам? Наши «китайча», кремневые ружья или шашки джигитов? А выучка русских сарбазов? Воевать дальше — значит просто губить без всякой пользы наших людей. Нет, видно, конец...

В тот же день Абдуррахман Афтобачи продиктовал ответ и отправил его генерал-губернатору. В нем говорилось: «В письме Вашем, между прочим, относительно примирения Вы предлагаете мне некоторые условия, в справедливости которых дали честное слово, я этому верю.

Дабы мне и моим родственникам не подвергаться наказанию, я желаю получить за подписью Белого царя прощенное свидетельство; кроме того, не было бы никакого вреда на вечное время моим родственникам».

Но Кауфман в это время был далеко, в Петербурге, и Афтобачи написал второе письмо — его заместителю генералу Г. А. Колпаковскому: «Чувствуя свое бессилие против храбрых и непобедимых воинов Белого царя, равно желая прекратить бедствия войны, разоряющие мое отечество, я сдался генералу Скобелеву, надеясь на милосердие могущественного во всем мире Белого царя. При этом с полной надеждой обращаюсь к Вам, как к доброму покровителю края, что Вы меня не пустите на несчастный путь. Обещанию, данному мне генералом Скобелевым, я верю и надеюсь, что Вы не оставите обратить на это милостивое Ваше внимание».

Генерал Скобелев встретил своего врага со всеми воинскими почестями. В парадном строю застыл батальон линейных войск. Штаб-офицеры — при всех регалиях. Показался кортеж пленных в окружении конных казаков. Джигиты шли, держа коней на поводу, опустив головы. В знак покорности у каждого на шее висела сабля. Впереди всех, глядя прямо перед собой, твердо шагал главнокомандующий разбитой армии. На нем был дорогой перепоясанный халат, сафьяновые сапоги. На поясе висела сабля.

Скобелев — в парадном мундире с генеральскими эполетами и тоже при всех регалиях — отделился от свиты и четким шагом пошел навстречу.

В пяти шагах друг от друга оба главнокомандующих остановились.

Афтобачи отстегнул пояс, нагнулся и вместе с саблей положил его на землю у ног своего врага.

Скобелев тоже нагнулся, поднял пояс и вместе с саблей протянул Абдуррахману.

Грянуло громовое «ура».

— Невероятно театрально, — шепнул Кун Петрову.

Тот лишь зыркнул на него и отвернулся: не пропустить бы малейшей детали исторического момента!

Скобелев повернулся к батальону и зычным голосом прокричал:

— Храбрые российские воины! Вы всегда отличались благородством по отношению к такому же храброму и благородному врагу! Кокандскому фельдмаршалу Абдуррахману Афтобачи — слава!

— Слава!-а-а-ва!-аа! — взревал батальон.

— Русские сарбазы кричат вам хвалу, — шепнул Абдуррахману переводчик.

Афтобачи повернулся к батальону и с достоинством поклонился.

— Ну прямо как на водевиле в Пензенском театре, — шепнул опять Кун.

— Милостивый государь! — злым шепотом отвечал Петров. — Если вы сейчас же не прекратите этот... этот цинизм, я вызову вас к барьеру!

В это время Скобелев протянул руку. Два врага обменялись рукопожатием.

— Вас проведут в вашу палатку! — сказал генерал. — О свите не беспокойтесь: для всех приготовлены помещения соответственно званию. Джигитов разведут по свободным казармам. Через два часа прошу в мою палатку на торжественный обед: я даю его в вашу честь!

* * *

На следующий день Скобелев послал телеграмму на имя исполняющего обязанности генерал-губернатора Колпаковского: «Абдрахман Афтобачи сдался на милость его величества добровольно. Мною ему обещано обеспечение его личности и его семейства. Абдрахман Афтобачи все им обещанное выполнил безусловно честно. Осмеливаюсь просить Ваше превосходительство ходатайства у его Высочествова о представлении устройства судьбы Афтобачи на милостивое воззрение Государя Императора».

Ходатайство прославленного генерала было удовлетворено.

КОНЕЦ НЕЗАВИСИМОСТИ КОКАНДА

В Маргелан к Пулат-хану прискакал гонец от Афтобачи с письменным сообщением. Главнокомандующий писал, что после стольких поражений, потери почти всего ханства он не видит иного выхода, как прекратить бесплодную борьбу и сдаться на милость Белого царя. Он сам уже сделал это и настоятельно советует то же самое повелителю. Народ устал от войны, хватит без всякой пользы губить храбрейших воинов.

Лицо Пулат-хана окаменело. Он долго молчал. Придворные с тревогой наблюдали за своим владыкой, перешептывались и переглядывались. Часть из них была вполне согласна с Абдуррахманом — война всем надоела. Но самые непримиримые, такие как Валихан-тюре, Акимбек-батыр-тюре, дрожали от гнева: вот где таилась измена — в самой голове кокандского войска! Предатель Афтобачи наносит удар в спину, да будет он проклят Аллахом!

Пулат-хан поднялся и вышел на террасу дворца. Со стороны города ему померещился шум. Маргеланцы, наверное, уже знают... И многие из них тоже готовы к измене святому делу.

Подошел Абду-Мумин. Пулат-хан сказал, не оборачиваясь:

— В урде находятся три брата Афтобачи и, кажется, его сноха?

— Да, мой птенчик.

— Надеюсь, ты понимаешь, как с ними поступить?

Абду-Мумин в ужасе отшатнулся:

— Но они — из самого могущественного кыпчакского рода! Казнив их, мы оттолкнем кыпчаков!

Пулат-хан с бешенством поглядел на него:

— Они уже «оттолкнулись»! Если сдался Афтобачи, кыпчаков не удержат. Повелеваю: резать!

— Будет исполнено!

Помолчав, как будто успокоившись, Пулат-хан спросил:

— Сколько у нас пленных орусов?

— Семеро. Все раненые.

— Зарезать. Больше не будет мира с орусами, теперь — или мы их, или они нас.

Капитана Святополка-Мирского и шестерых казаков, шедших с оказией, захватил отряд Батыр-тюре еще полмесяца назад. Капитан был тяжело ранен. Все пленные находились под охраной в небольшом помещении при урде. Туда и отправился Шайтанкул.

Пробыл он недолго. Ни крика, ни шума борьбы не донеслось из сарая. Шайтанкул вышел, демонстративно вытирая лезвие длинного ножа:

— Молодцы! Хорошо умирали — молча. Теперь дело за арбакешами — пусть вывезут трупы на свалку.

* * *

Слух о расправе над родственниками достиг Афтобачи уже на другой день. И весь этот день верные джигиты никого не пускали в палату бывшего парванчи: он не хотел, чтобы люди видели его слезы, его слабость.

Наутро парванчи попросил у Скобелева свидания. С необыкновенным жаром он принялся доказывать генералу, что откладывать операцию против лже-Пулата нельзя: тот может уйти на Алай и тогда кампания затянется на неопределенное время. Нужно нанести удар как можно скорее, в этом поможет он, Афтобачи. Пошлет в Маргелан своих джигитов и склонит горожан на сторону русских.

Скобелев и сам так думал. Дела призывали его в Наманган и, прежде чем уехать, он сформировал летучий отряд из шести с половиной сотен казаков, эскадрона конных

стрелков, ракетной батареи, четырех конных орудий и двух рот пехоты. Вместо себя он оставлял двух братьев, баронов Меллер-Закомельских: старшего, полковника, — своим заместителем, младшего, ротмистра, — командиром летучего отряда. Перед отрядом поставил задачу: форсированным маршем пройти к Маргелану с тем, чтобы принудить горожан выдать Пулат-хана, если они хотят получить «аман» (пощаду). В случае неповиновения — взять Маргелан штурмом.

Абдуррахман Афтобачи заблаговременно послал туда своих джигитов, чтобы склонить население к благоразумию.

Отряд выступил из Андижана через Ассаке 27 января в 10 часов утра.

Теперь прочтем рапорт самого начальника отряда флигель-адъютанта гвардии ротмистра барона Меллер-Закомельского:

«...Пройдя от г. Ассаке 12 верст, за кишлаком Нияз-Батыром были получены важные новости, изменившие цель и направление движения отряда. Двое жителей г. Маргелана привезли письменные уведомления, что Пулат-хан вышел из г. Маргелана с 5000 конницы, частью пехоты, 5-ю орудиями, со всем своим имуществом и направляется к Алайским горам с целью пробраться в Каратегин и что он настоящую ночь (с 27-го на 28-е января) намерен провести в кишлаке Уч-Курган... Во время остановки отряда прискакал из Уч-Кургана один из посланных сотником Байтоковым лазутчиков (люди Абдуррахмана Афтобачи), который сообщил, что Пулат-хан действительно находится в этом пункте с 5000 кавалерии, с 500 пехотинцами, с 5-ю орудиями и еще ничего не знает о нашем движении...».

За этот день отряд уже прошел 40 верст; и люди, и кони достаточно притомились. Но ротмистр хорошо понимал, что будет, если Пулат-хан прорвется на Алай. И он решил немедленно идти к Уч-Кургану, хотя лазутчики предупреждали о расстоянии: не менее 50 верст. Один

из людей Абдуррахмана Афтобачи, седобородый Исманордатха, бывший при отряде, сказал:

— Я проведу войско к Уч-Кургану самой короткой дорогой так, что даже птицы не расскажут самозванцу о нашем движении.

Ротмистр отобрал три сотни самых выносливых, взял эскадрон конных стрелков, ракетную батарею и двинулся форсированным маршем. Следом обыкновенным маршем шли остальные три сотни с четырьмя конными орудиями.

Дорога вплоть до Уч-Кургана тянулась по незаселенным местам, кочевники в такую пору года тоже не попадались и это было очень на руку русским.

Кишлак Уч-Курган — большое селение, в несколько сот дворов. Лежит он в лощине вдоль горной речки Уч-Курган-Сай. Две полосы усадеб, узкие и длинные — версты на две — тянутся по берегам и соединены единственным мостом. Большая часть кишлака лежит на правом берегу; в южной его части на возвышении находится урда — ханский укрепленный замок. Здесь ночует Пулат-хан с отборными, самыми преданными ему отрядами. Остальные разбрелись по дворам, несколько сот конников разместились на базарной площади.

Глухая ночь. Спит кишлак, спит грозный Пулат-хан, спит войско. А тем временем казачьи сотни уже втягиваются на улицы левого берега. Передняя сотня и эскадрон стрелков спешиваются, их ведет капитан Куропаткин (будущий военный министр России, печально прославившийся в русско-японскую войну).

Часовые наконец-то замечают врага и поднимают оглушительную пальбу. Но штурмовая колонна Куропаткина, не отвечая на выстрелы, бегом преодолевает мост и лезет на стены, на которых безмолвствуют пушки. Жестокий бой начинается в самой урде.

Тем временем другие части отряда, отрезавшие обе дороги — арбяную и вьючную — в горы, ждут в засаде.

Просыпается вся армия. Борцы за веру выскакивают из домов и бегут неизвестно куда: отряд на базарной площади пытается оказать сопротивление — его расстреливают в упор, затем стремительная штыковая атака довершает разгром.

В это время подходят остальные три сотни с четырьмя орудиями. Заговорили пушки, усугубляя панику. Сотни прорываются в урду на помощь Куропаткину. Защитники гибнут один за другим, но не отступают: они хотят дать своему вождю шанс на спасение.

Главное сражение идет в урде, на мечущихся в беспорядке по селению повстанцев русские почти не обращают внимания. Не в первый раз повторяется ситуация: войско, оставшееся без командиров во время внезапной ночной атаки, превращается в бестолковую толпу.

Еще не рассвело, как все уже было кончено. Пулатхан все-таки прорвался через заслон на вьючной тропе и с несколькими десятками человек ушел в горы. Остальные разбежались.

Утром подсчитали трофеи и потери.

Из рапорта: «Трофеями этого дела были: 5 медных орудий, более 100 фальконетов, собственные бунчуки и щиты Пулат-хана и его наиба Абду-Мумина, множество разного рода оружия, пороха и артиллерийских снарядов, 20 барабанов, 4 трубы, все имущество Пулат-хана и более 200 принадлежащих ему верблюдов; урон неприятеля огромный. — Вся его пехота, защищавшая урду и орудия, переколота, кавалерия частично уничтожена, остальная рассеялась...».

Русские потери составили 11 раненых нижних чинов...

Читая о смехотворно малых потерях русской армии в кокандской войне, невольно закрадывается сомнение о достоверности сообщений. Не изображают ли свои победы русские военачальники более блестящими, чем они были на самом деле?..

С другой стороны, опыт истории учит: в столкновении примитивной воинской организации с более высокой

первая терпит сокрушительное поражение при минимальных потерях врага. В знаменитой Марафонской битве афиняне, которых было вдвое меньше, наголову разбили персов, потеряв всего 195 (или 198) человек, в то время как персы потеряли несколько тысяч.

* * *

После сдачи Афтобачи и неудач Пулат-хана «законный» правитель Коканда Наср-эд-дин решил, что пришло время прочно воссесть на отцовский престол. С небольшими силами он выступил из Махрама и остановился в кишлаке Найманчи в девяти верстах от столицы. Вперед были посланы 100 джигитов, которые и провозгласили на базарной площади Коканда, что наступило правление хана Наср-эд-дина («Заман, заман Наср-эд-дин-хан!»)...

Кокандцы встретили известие с молчаливой враждебностью, а когда убедились, что хана все нет (тот выжидал), вступили в драку с его джигитами и убили из них 11 человек.

Более того, комендант города Абдылдабек (сын знаменитой Курманджан) 27 января напал на кишлак Найманчи. Наср-эд-дин был разбит, потерял 200 человек и опять бежал в Махрам, откуда явился. И лишь при помощи русских войск, после ухода Абдылдабека, ему удалось вступить в Коканд.

* * *

5 февраля 1876 г. из Петербурга пришла телеграмма от генерала Кауфмана о решении царя присоединить Кокандское ханство к Российской империи и образовать Ферганскую область в составе Туркестанского генерал-губернаторства.

Энергичный Скобелев тотчас отдал приказ войскам, расположенным в Намангане, Чусте, Ак-Джаре и Андижане, форсированным маршем идти к столице ханства. Сам гене-

²¹ Том XV. В. М. Плоских

рал следовал с отрядом Меллер-Закомельского. В 16 верстах от Коканда его встретили посланцы Наср-эд-дина и передали артиллерию в количестве 29 орудий. Подошедшие войска заняли ворота Нау-Бухара, а утром 8 февраля в 11 часов вступили в город. Хан Наср-эд-дин был препровожден в Ташкент, в урде встал русский гарнизон.

Но есть и другая версия. Историк XIX в. генерал-лейтенант Терентьев передает, как он утверждает, со слов участников событий следующее.

Хотя войска и поспешали к Коканду, но нетерпеливому Скобелеву казалось — слишком медленно. Тогда он отдал приказ барону Меллер-Закомельскому-старшему:

— Послушайте, полковник! Продолжайте движение, а я поскачу вперед. Каждые полчаса уведомляйте меня о пройденном пути.

Взяв сотню казаков, полуроту конных стрелков и два ракетных станка генерал-майор помчался по старой дороге в Коканд.

Как ни быстро двигался Скобелев, хану успели донести об этом раньше. Недалеко от города его встретили посланцы с приветствиями, пожеланиями и вопросом: куда и почему так спешит Ак-паша (Белый генерал)?

— Еду в гости к хану! — отвечал Скобелев.

Ответ казался правдоподобным: с генералом было не войско, а лишь сопровождавшая его свита.

Подойдя к Коканду, уже к вечеру, он расположился на ночлег у ворот Нау-Бухара, передав хану, что прибудет утром с визитом и чрезвычайным сообщением.

Когда взошло солнце, Скобелев с несколькими казаками и адъютантом отправился во дворец: он уже получил известие, что Меллер-Закомельский находится в 22 верстах от столицы.

Хан принял генерала весьма торжественно, как и подобает встречать гостя-победителя. Тронный зал был украшен коврами, сам Наср-эд-дин восседал на священном троне

своих предков, вдоль стен стояли придворные в парчовых халатах. Лицо хана выражало тревогу, но Скобелев своим громогласным приветствием и пожеланиями долгих лет жизни хану и его семейству сумел отвлечь его от недобрых предчувствий.

Подали достархан, началась обычная вежливая беседа. Прошло полчаса, час, два... Одно только удивляло придворных: каждые 15 минут в зал входил казак, приближался к генералу и передавал ему клочок бумаги. Скобелев прочитает — и в карман. Наконец, сам хан обратил на это внимание:

— Не объяснит ли нам уважаемый, что означает ваше поведение?

— Пустяки! — небрежно отвечал генерал. — Просто я очень спешил к хану с важной новостью и мой обоз с подарками отстал. Вот мне и сообщают, далеко он или близко.

— А что это за важная весть?

— Подождем еще немного и я объявлю.

Вскоре опять появился казак и передал Скобелеву очередную записку. Генерал прочитал и вздохнул с облегчением: колонна Меллер-Закомельского подошла к воротам Нау-Бухара. В то же время ханский доверенный слуга скользнул к трону и стал что-то шептать на ухо повелителю. Наср-эд-дин как-то сразу сник, на его лице появилось растерянное и жалкое выражение.

Скобелев поднялся во весь рост и своим звучным голосом возгласил:

— Ваше высочество, хан Кокандский! Объявляю во всеуслышание волею Его Величества Государя императора: отныне Кокандское ханство включается в состав Российской империи!

Когда переводчик Ибрагимов перевел хану слова генерала, лицо его сморщилось, он заплакал... Придворные молчали, окаменев.

Генерал произнес с укоризной:

— Утешьтесь, Ваше высочество! Не вы ли в личном письме от 23 сентября прошлого года просили генерал-адъютанта Кауфмана избавить Вас от тяжелой обязанности управлять ханством? Не Вы ли настаивали на покровительстве России? Вот Ваши слова: «Я искренне прошу Вас избавить меня от этого счастья...».

В 11 часов утра отряд Меллер-Закомельского вступил в Коканд и занял урду. В ней были найдены 62 медных орудия и большое количество пороха и боевых припасов. Злосчастный хан Наср-эд-дин со всем семейством в сопровождении то ли конвоя, то ли почетного эскорта, был отправлен в Ташкент. Туда же был выслан и Абдуррахман Афтобачи со своими близкими.

НОЧЬ НА ЗИМНЕЙ ДОРОГЕ

К концу января 1876 г. в Фергане наступило относительное затишье. Непокоренный Пулат-хан ушел в горы. Воины Афтобачи сложили оружие. Лишь отдельные разбойничьи шайки подстерегали прохожих на дорогах. После трехлетней опустошительной войны страна возвращалась к мирной жизни.

Поздним январским вечером по Андижанскому тракту ехали двое путников. Сорвавшийся с гор ветер принес метель.

— Черт! Дер Тойфель! — ругался один из путников, протирая залепленные снегом глаза. — Этак дело не пойдет! Надо искать укрытие. Джапалак! Ты лучше меня знаешь окрестности. Далеко ли до кишлака?

— Это знает только Аллах, — отвечал Джапалак, прикрывая рот кожаной рукавицей, чтобы не задохнуться. — И от... куда этот ветер? Видно, за дело взялся сам шайтан.

Наступила такая темнота, что хоть «глаз выколи». Путники продвигались еще некоторое время, пока окончательно не потеряли дорогу.

— Что будем делать, Якуб? — сказал Джапалак.

— Это я хотел у тебя спросить, — проворчал Якоб Дитрих, пытаясь закрыть шарфом подбородок. — Вот тебе и Средняя Азия! Чистая Сибирь!

— Шайтан везде одинаков, — отвечал Джапалак. — И в стране «Сибирь», и у нас. Он всегда держит наготове целую арбу с неприятностями для человека. Но я вижу как будто огонек. Посмотри в ту сторону, где у тебя рука с камчой.

Действительно, сквозь пелену снега время от времени мигал слабый огонек.

— А вот это уж точно посылает нам Аллах! — радостно воскликнул Якоб Дитрих.

Они тронули коней, держа на огонек, временами останавливаясь, когда огонек надолго пропадал за пеленой снега.

Дороги к этому огоньку почему-то не было. Кони шли, беспрестанно натываясь на кочки и рытвины. Два раза пересекали арык.

— Странно! — говорил Джапалак. — А! Понял. Мы потеряли дорогу и едем какой-то пустошью. А дорога где-то рядом.

— Черт с ней, с дорогой, — богохульствовал вконец продрогший Дитрих. — Лишь бы добраться до тепла.

Наконец, путники уперлись в невысокую стену, облепленную снегом. За ней смутно вырисовывалось множество строений. Но не слышно было ни лая собак, ни петушиного крика.

— Этот кишлак, — сказал Дитрих, — брошен жителями и до сих пор не заселен. Сколько таких кишлаков на истерзанной ферганской земле! Ах, война, война! Однако кто-то вернулся, раз огонек горит.

Джапалак вдруг сказал:

— Стой, Якуб! Знаешь, куда мы попали? На кладбище. Эти дома вовсе не дома, а гумбезы. Вот почему не слышно лая собак.

— А как же огонек? Его хорошо видно отсюда.

— Иногда пастухи укрывают от ненастья отару между гумбезами, а сами в одном из них разводят костер. Хотя муллы говорят: за это Аллах сурово карает.

— Какое нам дело до мулл? Пойдем греться к пастухам. Я чую запах жареной баранины.

Они въехали через пролом в дувале и устремились к зовущему огоньку.

Кладбище было огромным. Виляя между домиками мертвых, друзья, наконец, достигли желанной цели. Перед ними высился огромный гумбез, покрытый белым саваном снега. Сквозь отверстие в крыше, оконца, отдушины, прочие архитектурные «дыры» прорывался пляшущий свет; оттуда же тянулись струйки дыма и уносились ветром. Две темные фигуры стояли у входа.

— Мир вам, братья! — сказал Джапалак.

— И вам мир! — ответили фигуры в один голос.

— Приютите озябших путников у вашего костра и Аллах зачтет вам это, — сказал Якоб, слезая с седла.

— Гостей посылает бог! — ответил один из стоявших и приказал второму. — Отведи измученных скакунов к нашим коням и задай им ячменя.

«Эти голоса я когда-то уже слышал», — подумал Джапалак.

Вход в гумбез был завешен кошмой, хозяин приподнял ее и гости вошли.

Внутри это надгробное строение напоминало большую юрту. Посередине горел костер. Человек шесть сидели на корточках вокруг, у каждого — вертел с нанизанными кусками шипящей баранины. Путники сглотнули слюну и поздоровались, никто не ответил.

— Вот, привел гостей, — раздался сзади голос. Джапалак словно молния пронзила: обернувшись, он растерянно уставился на ухмыляющуюся физиономию Исенбая-узгенца.

— Я тебя сразу узнал, — рот Исенбая растянулся еще шире. — Мы повсюду тебя искали, а ты сам пришел. Да еще и дружка — оруса привел. Вот удача! Уважаемый Сарымсак-ходжа, мы нашли этого негодяя!

«Почему нас не приглашают к столу?» — думал Якоб. В это время человек, сидевший в дальнем почетном углу, поднял голову и Якоб узнал Шайтанкула.

— Беги! — крикнул Джапалак, схватившись с Исенбаем.

Дальше действие развивалось стремительно. Исенбай вцепился в Джапалака и оба упали. Якоб, пытавшийся помочь другу, был сбит с ног вбежавшим Судан-Уру. Другие подоспели от костра и через несколько мгновений оба приятеля, избитые, с окровавленными лицами, опутанные веревками, стояли, прислоненные к стене, словно кули в рогоже. Шайтанкул смотрел на них поверх огня: он не дал себе труда сдвинуться с места.

— Ох и позабавимся мы в эту ночь, джигиты! А я уж думал, скучать придется...

Джапалак прошептал разбитыми губами Якобу:

— Помнишь «двенадцать в красном?» Половина из них здесь с Шайтанкулом. Остальных, наверное, побили. Теперь «шесть в красном».

— Жаль, этих не убили...

— Что вы там шепчетесь, как девицы за стеной юрты? — говорил Шайтанкул, усаживаясь поудобнее. — Шепчитесь, шепчитесь! Ночь длинная, все еще успеется. Эй, джигиты! Как мы будем с ними забавляться? Высказывайтесь! Придумывайте веселые пытки, но такие, чтобы эти ишаки протянули до утра! За лучшую веселую пытку с меня полновесный тилла.

— Отрубить им голову! — высунулся Судан-Уру.

— А также руки и ноги! — поддержал Исенбай. Остальные повалились от смеха.

Отсмеявшись, Шайтанкул сказал назидательно:

— В каждом деле человек должен достичь мастерства. Палачи — тоже. Я знавал одного такого: он мог истязать человека страшными муками целый месяц и тот все еще оставался жив...

— Сунуть им ноги в костер и пододвигать все дальше, — сказал один из палачей, самый молодой.

Другие стали предлагать пытки такие ужасающие, что у пленников встали волосы дыбом. Они видели этих

людей — «двенадцать в красном» — в деле и знали: то, что они предлагали, так и будет...

Мастера заплочных дел принялись спорить между собой как истинные профессионалы.

— Отвергаю твои приемы! — кричал один. — После них разве проживет преступник хотя бы неделю?

— Зачем неделя! — кричал другой. — Лишь бы протянули до утра — вот цель, в которую надлежит попасть!

Шайтанкул начал поучать остальных; это обидело самого пожилого палача:

— Ты новичок в нашем деле! Ты был надсмотрщиком на строительстве арыка! А я пытал и казнил когда-то самого Мусульманкула!

Дошло до того, что палачи подрались. В пылу драки сорвали кошму, висевшую на стене, — за нею оказался пролом, через который задула вьюга. Это отрезвило драчунов. Кошму повесили на место и Шайтанкул сказал, отдуваясь:

— Не вы ли выбрали меня предводителем? Я ваш ба-тыр-баши и все должны мне подчиняться!

Он обратился к пленникам:

— Я вижу, вас трясет от страха. Это правильно, потому что мучить вас будут мастера своего дела. И скалы затрясутся, выслушав такое. Но у одного из вас есть возможность избежать таких удовольствий — у того, кто согласится проделать все наши советы на своем товарище. Так кто же из вас? Хотя бы ты, фиранк?

— Господи! Господи! — простонал в ужасе Якоб.

— Какого бога ты призываешь? — с усмешкой сказал Шайтанкул. — Ведь ты был и капыром, и правоверным.

— Я призываю и Христа, и Аллаха. Никто из них не выдумывал казней, лишь такие, как ты. Неужели ты не можешь убить меня как мужчина мужчину? Враг — врага?

— Ну а ты что ответишь, Джапалак?

— То же, что и мой друг Якуб: придется вам самим браться за это поганое ремесло, проклятые!

— За то, что не принес голову Пулат-хана самаркандского и нарушил мой приказ, ты умрешь вторым. Сначала увидишь, что будет с твоим другом, а потом с тобой — то же самое...

— Эй, где мои прекрасные инструменты! — огорченно воскликнул пожилой палач. — В этом спешном бегстве из Уч-Кургана пришлось все бросить...

— Разожгите костер посильнее, — скомандовал Шайтанкул. — Раскалите ножи! Пора приступать к развлечению.

Первым схватили Якоба, раздели донага. Палачи, как стая гиен, окружили несчастного. Слышно было, как Якоб громко молился, а Джапалак тихо плакал.

— Начинай ты первый, покажи свое искусство, — сказал Шайтанкул пожилому палачу.

Тот нагнулся. Якоб Дитрих страшно закричал, вместе с ним закричал у стены Джапалак. В ответ на их вопли раздались крики и в гумбез, сорвав занавес, ворвались вооруженные люди...

Первым был чернобородый джигит небольшого роста с пистолетом в руке: он выстрелил в Шайтанкула, но попал в пожилого палача и тот с протяжным воплем полетел в костер.

Следовавший за первым второй джигит, настоящий великан, увидев Шайтанкула, со страшным рыком прыгнул вперед и настиг его у кошмы, закрывавшей пролом в стене. Два гиганта вступили в жуткую схватку: в ход пошли кулаки и зубы. Оба упали и, сцепившись, продолжали кататься.

Вбежавшие еще джигиты схватились с остальными членами шайки. От разлетевшихся от костра головешек загорелись кошмы и одеяла. Едкий дым наполнил помещение.

Борьба продолжалась несколько минут. Из «двенадцати в красном» двое оказались живыми — оглушенный Исенбай и Судан-Уру, притворившийся мертвым.

Чернобородый джигит, ворвавшийся первым, воскликнул:

— А где же Баяке? Где проклятый Шайтанкул?

Действительно, обоих гигантов нигде не было видно.

Подал голос Джапалак:

— Они выкатились через этот пролом вместе с кошмой, которая здесь висела.

Тем временем победители-джигиты выбросили дымящиеся кошмы и трупы на снег, сквозняк продул помещение. Дым перестал есть глаза и Якоб увидел в дверном проеме высокую фигуру в меховом плаще и форменной русской папахе. Человек отер иней с усов и бородки и сказал чернобородому по-русски:

— Уважаемый Шабдан-батыр! Вы, кажется, вполне успешно накрыли шайку разбойников? С чем и поздравляю!

— Мало-мало побили, тюре-Кун. Типер разбойник стала меньше на... как эта... алты... шесть душ! Жалко, Шайтанкул здесь не лежит. И Баяке пропал.

Тут вошел Баяке, тяжело дыша, весь вывалянный в снегу.

— Упустил Шайтанкула? — весело спросил Шабдан. Баяке от злости закричал зубами:

— Хитер этот проклятый! Нырнул под кошму, а я не знал, что здесь пролом. Пока выпутался из кошмы, услышал только стук копыт. Погнался было за ним, да куда? За бураном не видно и не слышно.

— Шайтан с ним, не огорчайся: когда-нибудь и его поймаем.

Баяке мрачно ответил:

— Стыдно признаваться... Недостойно это джигита... Я откусил ему ухо. И выплюнул...

Под смех остальных Шабдан утешил его:

— Зато меченого будет легче найти...

Выступил Якоб Дитрих:

— Братья! Не знаю как и благодарить вас за спасенье! — Затем обратился к человеку в папахе. — Насколько я понял, вы — русский подданный, знаменитый ученый Кун?

— Ну, ну голубчик, не такой я уж и знаменитый, — сконфузился Кун.

— Объясните, ради бога, как вам удалось набрести на это кладбище и спасти нас?

— Очень просто: пурга, огонек, голубчик.

— Какой голубчик?

— Голубчик — это вы... Такая у меня поговорка, — опять сконфузился Кун.

Все оказалось действительно просто. Кун возвращался в Ташкент. Шабдану с его джигитами было по пути. В дороге их застигла метель, они заметили огонек. Но когда обнаружили кладбище, опытный Шабдан смекнул, что это не пастухи — чего им делать зимой на кладбище? Он приказал джигитам приготовиться. А дальше случилось то, что случилось...

— А теперь скажите, — обратился Шабдан к Исен-баю и Судан-Уру, — что заставило вас заниматься таким богопротивным ремеслом, как разбой на большой дороге?

Те уже пришли в себя и теперь наперебой начали кричать:

— А куда нам было деваться? Пулата мы не убили, значит и возвращаться к Пул... к хану было нельзя. Шайтанкул давно держал отточенный нож. В Узген, домой, тоже нельзя — там бы нас схватили стражники Наср-эд-дина или орусов, — кричал Исенбай.

— И мне нельзя домой было, — вторил Судан-Уру. — Токмакский начальник выдал бы меня кокандцам.

— Потому и пришлось разбойничать...

— Мы делали как Пулат-хан: грабили только богатых.

— Богатых куда приятней встретить... Что возьмешь с бедняка?

— Ничего не понимаю, — сказал Шабдан.

Джапалак объяснил про задание, данное Шайтанкулом.

— Но как же вы снюхались с Шайтанкулом, которого так боялись?

— Мы наткнулись на него случайно! Пощадите, отпустите нас! Мы не виноваты!

Джапалак и Якоб тоже стали просить Шабдана отпустить пленников. Шабдан-батыр грозно сдвинул брови:

— В этих местах было ограблено и убито 14 человек, не считая тех, кто спасся бегством. Разве это не их рук дело? Они могли бы покинуть шайку этих палачей, но остались! Нет, я не отпущу, я передам их русским властям и пусть участь их решит суд в Ташкенте.

Из телеграммы исполняющему обязанности туркестанского генерал-губернатора Г. А. Колпаковскому:

«1 февраля доставлены в Андижан два разбойника Исенбай и Судан-Уру, занимавшиеся постоянным грабежом и не признававшие ничьей власти. Судан-Уру — киргиз Токмакского уезда, Исенбай — житель Узгена, не признаете ли целесообразным разрешить казнить обоих смертью в Намангане».

Разрешение было дано.

ТРАГЕДИЯ В ГОРНОМ УЩЕЛЬЕ

Пулат-хан, собрав разбитые отряды, рассчитывал уйти в Каратегин для пополнения и реорганизации войска. Там у него была надежная поддержка в лице шаха-тестя. Там же остались и его молодая жена — дочь каратегинского правителя, и основная часть казны, добытая за три года действий.

Но шах-тесть, еще недавно такой любвеобильный, в критический момент поступил не так, как ожидал зять. Когда измученные повстанцы достигли границ этого горного княжества, их встретили дружинники правителя в полной боевой готовности. Горные дороги и тропы оказались перерезанными и бдительно охранялись.

— К нам вам пути нет! — кричали сверху каратегинцы.

— Эй, мусульмане! — уговаривал Абду-Мумин. — Где вы потеряли свою совесть? Не мы ли с вами делили достархан три месяца назад? За сколько же вы продались неверным?

Пулат-хан потребовал начальника; начальник явился: это был дворцовый управитель Файзулло.

— Не думаешь ли ты, что придется держать ответ перед твоим повелителем за подобные действия? — спросил Пулат-хан.

— Не думаю! — дерзко отвечал Файзулло. — Я лишь выполняю его приказ. Отныне ты больше не зять благородного владетеля Каратегина: шах развел тебя со своей дочерью!

— Это против шариата! — кричал Абду-Мумин.

— Шах знает лучше, — отвечал Файзулло.

— Собачья падаль! Шакалы! Позор своих отцов! Вот я вас! — ругался Абду-Мумин. — О светлый хан, позволь я со своими джигитами выбью этих лисиц — не спасут их завалы, за которыми они спрятались.

В ответ каратегинцы начали пускать стрелы, дали залп из ружей. Два-три джигита охнули, хватаясь за плечи и бока.

Пулат-хан собственноручно оттащил своего наиба, рвавшегося в бой.

— Бесполезно! — сказал он. — Каратегинский пес нас предал, это ясно. Действительно, нам туда нет дороги.

— А наша казна? Неужели мы оставим ее этим проклятым изменникам?

— Придется! Сила на их стороне. Настанет время и мы им все припомним.

И Пулат-хан приказал отступать.

Измученные, полузамерзшие, голодные повстанцы вынуждены были заночевать в обледенелых горах, без пищи и огня. В ту ночь многие из них отдали Аллаху души от холода и ран.

Всю первую половину февраля Пулат-хан с маленьким отрядом телохранителей — все, что осталось от огромного ополчения, — метался по Алаю, пытаясь поднять кочевников. Но зима не располагает к военным действиям. Суровая, холодная и голодная — она вызывала лишь одно желание — как-нибудь выжить, продержаться до весны.

18 февраля отряд повстанцев спустился в Исфайрамское ущелье. Внизу они увидели сотни две юрт, от которых поднимались дымки. Здесь зимовал кыргызский род дёёлёс, во главе которого стоял давний сторонник Пулат-хана бий Мырзакул. Но Пулат-хан в последнее время не доверял Мырзакулу: он помнил свой приказ казнить его брата. А кочевники — люди мстительные...

Абду-Мумин понял его мысли:

— Правильно думаешь, хазрат. Мырзакул ненадежен. Однако выхода нет. Посмотри: люди не выдержат еще одну ночь без пищи, огня и укрытия. Да и тихо здесь...

Ни Абду-Мумин, ни сам Пулат-хан не подозревали: всего лишь час назад айыл покинули джигиты Афтобачи, посланные на поимку Пулат-хана. Джигиты ночевали здесь и все допытывались у хозяев: слышали? видели?

— Если бы слышал, пошел бы по его следу. Если бы видел — разорвал бы своими руками, — отвечал Мырзакул.

То же самое подтвердили и два его почетных гостя — бий Бекжан и Исманор-датха — тот самый, который провел отряд Меллер-Закомельского в Уч-Курган. Не доверять им не было причин.

— Мы будем недалеко, — сказал начальник отряда Качибек-пансат. — Если случится важное — пошлите за нами. У нас есть сведения, что Пулат бродит в этих местах.

Пулат оглядел последних своих приверженцев: с почерневшими обмороженными лицами, с ввалившимися глазами, в повязках, через которые проступала запекшаяся кровь... Многие сидели по-двое на одной лошади, другие брели пешком... Вот Акимбек, вот Сулайман-удайчи, вот мулла Муса... Верные, преданные до конца... Много ли их? Всего три десятка...

— Нам бы только подкрепиться, да обогреться, — сказал Акимбек. — Оружие мы будем держать наготове...

В айыле их приняли без особого радушия, смотрели настороженно: не появятся ли вслед за первыми еще толпы таких же голодных и вооруженных?..

Нежданных гостей встречали сам бий Мырзакул и два его гостя — Исманор-датха и Бекжан — в окружении аксакалов.

Пулат инстинктивно почувствовал — они таят какую-то обиду на него, но не было сил додумать мысль до конца.

— Расставь стражу, — сказал он Абду-Мумину и облизнул потрескавшиеся губы. Откуда-то потянуло дразнящим запахом шурпы.

Абду-Мумин едва нашел в себе силы повторить ханский приказ джигитам. У тех же не нашлось сил его выполнить. Их развели по юртам, накормили горячей пищей.

Измученные беглецы скоро заснули все до одного — вернее, впали в полубоморочное забытье.

...В дальней юрте совещались трое биев. Нужно было решать: сейчас или никогда.

— Абду-Мумин сказал, что за ними идет еще пятьсот воинов, — сказал Исманор-датха. — Что, если правда?

— Откуда им взяться? Разве шел бы впереди войска сам Пулат? Стоит только взглянуть на них...

— Надо послать человека за джигитами Афтобачи...

— Я уже сделал это, — сказал Мырзакул. — Они будут вот-вот...

— Тогда пора действовать. К их приходу мы должны закончить все сами...

— Нужно тихо, без шума... Наши люди предупреждены, только ждут сигнала...

Исманор-датха, Бекжан и Мырзакул действовали продуманно. Однако осуществить свой план без шума не удалось. Джигиты Пулат-хана оказали сопротивление, да и сам хан ударом сабли зарубил одного из нападавших. По всему айылу собаки подняли галдеж, в испуге заржали кони, заблеяли овцы.

...Абду-Мумин выскочил из юрты с пистолетом в одной руке, кинжалом — в другой.

— Измена! — кричал он. — Кю мне, нукеры! Спасите хана!

— Минбаши! — хрипел кто-то в темноте. — Наш хан схвачен!.. Убит!.. А-а-а! — голос перешел в крик и резко оборвался.

— Хватайте кураминца! — раздавались возбужденные голоса. — Он здесь! Он не мог уйти далеко! — Он узнал голос Мырзакула-хозяина.

Абду-Мумин впал в неистовство.

— Я здесь, подлые предатели! — загремел он и разрядил пистолет во тьму (в ответ послышался вопль).

Двое джигитов подвели ему коня.

— Надо бежать!..

— Наш хан убит!

В это время с дальнего конца айыла, от дороги, слышались воинственные крики, резко хлопнуло несколько выстрелов и донесся боевой клич кыпчаков: «Афтобачи!» То джигиты Абдурахмана спешили на помощь заговорщикам.

...Небольшая группа повстанцев, верных Абду-Мумину, вырвалась из айыла и, пользуясь ночной темнотой, ушла в горы.

Между тем, Пулат-хан был жив и даже не ранен. Он полужелал, опутанный волосяным арканом, беспомощный, словно младенец. В богато убранной ханской юрте все теперь было перевернуто, скомкано, истоптано и выпачкано снегом, кровью и навозом.

— Дайте больше света! — кричал Мырзакул. Дёёлёсцы принесли несколько факелов, зажгли все чираги-свечильники, за стенкой юрты никак не могли успокоиться собаки.

Убитых джигитов за ноги выволокли наружу и бросили в овраг за айылом.

Мырзакул плюнул Пулат-хану в лицо:

— Попался! Да проклянет тебя Аллах! Теперь ты ответишь за смерть моего брата!

Бекжан пнул его сапогом в бок:

— И за гибель двух моих сыновей. Тоже ответишь, сын шайтана.

— А ведь еще вчера вы признавали меня своим ханом, — тихо сказал Пулат.

— На каждое «вчера» есть два «сегодня», — отвечал Исманор-датха. — Какой ты хан? Ты — самозванец, Исхак, сын Хасана, да проклянет Аллах вас обоих! Веревка орусов давно плачет по твоей шее!

— У настоящего Пулата один глаз, — промолвил кто-то. — Раз этот байгуш выдает себя за него, давайте вырвем ему глаза, чтобы похоже было!

— А я бы не отдавал его орусам, — сказал Мырзакул. — Орусы не умеют казнить: вешают или расстреливают. Разве это наказание? Нет! Сдерем с него живого кожу, а остатки посадим на кол — пусть помучается день-другой, пока не околеет! За все наши мучения, за кровь наших близких!

Послышался шум и в юрту ввалился Качибек, с ним — несколько джигитов-кыпчаков.

— А дайте же мне взглянуть на обезьяну, пробравшуюся на ханский трон, — запел он. — Вот ты где, собака! Много ты крови пролил, теперь настала твоя очередь. Скоро, скоро базарные псы будут обглаживать твои кости.

Один из джигитов изо всех сил вытянул Пулат-хана плетью. Тот дернулся, голова его упала на грудь.

— Что ты делаешь, ишак! — закричал Качибек. — Мы обязаны довести его живым!

Вместе с Пулат-ханом были схвачены Аким-бек, Ишмат, мулла Муса и другие ближайшие его соратники. Всех их повезли в Маргелан к русским властям.

* * *

За время дороги Пулат-хан оброс реденькой мягкой бородкой. Уже в Маргелане, выслушав приговор военно-полевого суда, он попросил, чтобы ему обрили голову и бороду, а также дали приличную одежду взамен изорванной и грязной.

В камере Аким-бек сказал:

— Не все ли равно, мой хан, в каком виде умереть. Аллах примет наши души, даже если мы будем совсем без халатов.

— Ты не прав, — спокойно отвечал Пулат. — Мы уйдем, а память в народе останется. И пусть скажут: они достойно вели себя даже в руках палача.

— Тогда пусть дадут и мне чистую одежду!

Остальные тоже выразили такую же просьбу. Военные власти удовлетворили последнее желание осужденных.

* * *

Самозванство — застарелая язва истории. Еще в древнеперсидской державе объявлялся некий Сумбад-маг, выдававший себя за одного из ахеменидских царей. Затем были Лжефилипп, Лженерон, три Лжедмитрия, Емельян Пугачев... А сколько всего их было, одному богу известно. Самозванцы вовсе не являлись в большинстве своем защитниками угнетенных — в основном это были авантюристы, всплывавшие на волне всеобщего недовольства. И все они (или почти все) кончали очень плохо. Но были и искренние защитники народа.

Не избежал подобной судьбы и мулла Исхак — самозванный Пулат-хан.

* * *

Когда Пулат-хана привезли в Маргелан, находившийся там Якоб Дитрих потерял покой.

— Я должен увидеть этого человека, — беспрестанно повторял он, расхаживая по своей мастерской.

Наконец, он не выдержал, схватил шапку и помчался к зданию уездной тюрьмы. В тюремной охране служил его давнишний знакомый старый унтер-офицер Гаврила Алексеевич Треухов, и Якоб решил действовать через него.

Разговор с унтером был долгий, обстоятельный. Якоб рассказал приятелю все как на духу: и про мечеть Ходжа-Ахрар, и про то, как попал в плен к джигитам Пулат-хана.

— Вот я и думал все это время: как же так? Один раз он мне представился умнейшей личностью, прямо-таки восточным философом, а в другой раз...

Приятели сидели в трактире за штофом, который поставил Якоб.

— Поперва-то он прикидывался, — объяснял Треухов, наливая стопку. — А в другой-то показал волчьи зубы... Видал, что натворил твой философ? Кровушки — море...

— Очень уж хочется повидать его! Удостовериться, так сказать. Интересуюсь я, как жизнь может изменить душу человека!

— Жизнь, она кого хошь обломает, — соглашался зашмелевший Треухов. — Особливо, ежели человек нетвердых рассуждений.

— Слышь, Лексеич, а не мог бы ты устроить это дело? Мне бы только повидать, да словечком перекинуться — душеньку успокоить. Вреда от этого властям не будет. А я тебе три целковых подарю.

— Што? — грозно спросил Треухов. — Российского унтер-офицера подкупать? Да я тебя!..

— И фотографический портрет сделаю бесплатно... в самом парадном виде — при орденах и регалиях. Пошлешь домой, пусть поглядит твоя супружница Акулина и детки, какой такой бравый унтер есть их папка! Да ты пей! Пей, не стесняйся!

«Унтер-офицер» Треухов пил, не стеснялся. Рассуждал:

«И то... Какой от этого вред? Поговорить с человеком... Только надо все-таки доложить по начальству. Такой порядок. А ты ему корзинку с харчами спроворь: дескать, арестанту из христианского милосердия. Штабс-капитану у нас добрый, он разрешит...».

Неизвестно, какими путями эта весть дошла до Пулат-хана: какой-то человек очень просит свидания с ним. У человека этого есть приспособление, которое само в один момент рисует портреты. Пулат-хан уже слышал, что есть такое чудо у капыров.

Тоненький лучик света забрезжил в душе смертника. А вдруг Аллах посылает ему тайных друзей, стремящихся его освободить?

И вот двери камеры отворились и Якоб увидел... Перед ним стоял человек в опрятном чистом халате, в белой кисейной чалме с красивыми чертами лица. Поражали черные глаза его — они походили на горячие угли — так и жгли...

Напрасно Якоб искал следы оспы на лице смертника — их не было. «А ведь у него два глаза!» — ужаснулся Якоб и тут с облегчением понял: не он! Не тот близкий его сердцу собеседник, а совсем другой человек.

29 февраля 1876 года ярко светило солнце. Погода для фотографической съемки была самая подходящая. Во дворе тюрьмы присутствовали штабс-капитан и охранники.

— Ну, действуй! — сказал штабс-капитан.

Пулат-хана пригласили сесть на деревянный стульчик. Он неуверенно опустился и замер, смотря прямо в объектив. Якоб направил треногу, накинул на себя черный платок...

Уходя, Пулат-хан несколько раз оглянулся: не подает ли незнакомец какой-либо знак? Нет, не подал... И охрана смотрела зорко. А на стульчик уже садился штабс-капитан, расправляя грудь, подкручивая усы...

(Якоб Дитрих впоследствии неплохо заработал на продаже этих снимков, пока уездный начальник не запретил. Сам фотограф дожил до начала XX века и еще в 1901 г. существовала его «Фотография» в Маргелане).

На другой день 1 марта 1876 г. на базарной площади в Маргелане при стечении народа были повешены Пулат-

хан, Аким-бек и ряд других повстанческих вождей, повинных в казни русских пленных. Били барабаны, глашатай прочитал приговор на русском и местном языках. Когда тела осужденных закачались в петлях, по толпе пронесся единый вздох... Многие плакали, иные радовались и во всеуслышание говорили: собаке — собачья смерть. Это были те, кто так или иначе пострадал от бунта или от Пулат-хана лично. Большинство же в толпе глазели молча.

А за день до этого у стен далекой Нарынской Куртки был пойман Абду-Мумин — его схватили джигиты Скобелева при содействии кыпчакского бия Тангайты с сыном. В телеграмме от 2 марта 1876 г., направленной Колпаковским Кауфману, говорится: Абду-Мумин повешен в Ташкенте.

ЭПИЛОГ: «ТИХО СТАЛО В СРЕДНЕЙ АЗИИ»

Летом 1876 года был закончен Алайский поход Скобелева: завершилось покорение бывшего Кокандского ханства. Дороги были очищены от разбойников, новая администрация, сама заинтересованная в этом, налаживала мирную жизнь.

Это было весьма нелегким делом. Хотя бы потому, что впервые в истории края у власти оказались люди совершенно другой цивилизации, «неверные», чуждые местному населению и по обычаям, и по вере, и по государственным законам. На всей территории ханства было отменено рабство; права духовенства и феодальной верхушки ограничивались, чем в значительной мере подрывалось их благосостояние. Естественно, эта часть населения относилась к русским враждебно.

С другой стороны, прежний уклад жизни приучил подданных бывшего Кокандского ханства относиться к беспорядкам, как к чему-то неизбежному. Недовольство властью, бунты и восстания были обычным явлением. Как замечает историк, «происходило это потому, что, начиная с самого хана, никто не чувствовал себя прочным на месте; вследствие этого все, державшие власть, опять-таки начиная с самого хана, заботились не об интересах народа, а лишь об устройстве своего личного благосостояния за счет народа. Произвол и насилие царили повсюду»...

Социально-экономические, классовые противоречия, беззастенчивая эксплуатация народа осложнялись противоречиями этнического характера — между оседлой и кочевой

частью населения. Бесконечные свары и борьба за власть различных феодальных группировок дополняли картину неустойчивости, неуверенности в завтрашнем дне.

В этих условиях требовалась крепкая, стабильная власть, которая могла бы гарантировать всем группам населения беспристрастное отношение и уверенность в прочности, неизменности законов. «Благодаря дружным усилиям войск и администрации, действовавших по личным указаниям и под руководством генерала Скобелева, к 1-му января 1877 года, т. е. всего лишь через 10 месяцев после присоединения Кокандского ханства, были достигнуты такие результаты, каких трудно было даже ожидать... Конец начавшегося 1876 года ознаменовался полным и повсеместным спокойствием».

Тем не менее, Скобелев полагал, что, «хотя большая часть оседлого населения и встретила приход русских вполне сочувственно, ...нужно будет ждать несколько лет», пока она освоится с новым положением и «воочию убедится в том, что находиться под владычеством русских гораздо выгоднее». Служилые ханские люди, крупные земельные собственники, родовые вожди и духовенство, которые с приходом русских потеряли прежнее влияние и доходы, будут агитировать против русских при всяком удобном случае.

Далее историки пишут: «Это предположение Скобелева... вполне подтвердилось. За последующие 25 лет было пять случаев, когда не в меру честолюбивые люди пытались поднять знамя восстания против русских на почве священной войны, но ни разу... не встретили активного сочувствия туземного населения...».

Итак, авторы документа о генерале Скобелеве может быть и правы. Средняя Азия была замирена. Скобелев уехал на Балканский фронт, где ему предстояло обрести бессмертие. Кончились бои, резня, перестали литься реки крови. Никто больше не боялся за собственную жизнь и жизнь своих близких. Пришли мирные времена. Началась тихая, спокойная, размеренная эксплуатация народа...

Как же сложилась судьба его главного противника, Абдуррахмана Афтобачи?

Абдуррахман Афтобачи вместе со своей семьей и небольшим числом приближенных был сослан на постоянное жительство в Екатеринославль. Российское правительство по ходатайству Скобелева и Кауфмана установило ему пенсию — 3000 руб. в год. Для сравнения знаменитая царица Алая Курманджан-датха получала пенсию в десять раз меньше — 300 руб., не менее знаменитый Шабдан Джантаев, имевший чин войскового старшины, — 400 руб. Полководец прожил несколько лет в чужом для него краю в материальном довольстве и сытости, но в тягостном для него безделье и мирно скончался на своей постели, оплакиваемый друзьями и родственниками.

КЫРГЫЗЫ И КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО **(научное послесловие)**

Предлагаемое научное послесловие подтверждает документальность повести и дает картину политической и экономической жизни Кокандского ханства XIX в., показывает роль кыргызов в истории этого ханства

В последнее время все более политизируются события и явления не только недавней истории, но и далекого прошлого. При этом наблюдается тенденция некомпетентной и необоснованной идеализации порядков даже Кокандского ханства. Хотя именно кокандский период вошел в историю кыргызского народа как беспрецедентное бремя налогов и произвола, время непрерывных восстаний, что и обусловило стремление кыргызов к сближению с Россией.

Проиллюстрируем это строго документальными сюжетами. Почти семь десятилетий сравнительно немногочисленный и разобщенный кыргызский народ оказывал упорное сопротивление завоеваниям кокандских ханов.

В период с 1762 по 1832 г. кокандские ханы совершили много походов против вольнолюбивых кочевников, пока преобладающими воинскими силами не завоевали их по частям и то на короткое время. Современник тех далеких событий справедливо отмечал, что вся история Кокандского ханства являла собой непрерывную цепь восстаний кыргызов и кыпчаков против ханского ига.

* * *

Что представляло собой Кокандское ханство того времени, властители которого были столь ненавистны кыргызам?

Отсталое феодальное государство, путавшееся в тенетах мрачного средневековья, в течение всего XVIII столетия силой, обманом и хитростью сколачивалось ханской династией Минг, члены которой считали обычным делом братоубийство и отцеубийство в борьбе за престол. Власть правителей Коканда поддерживалась только вооруженной силой, подчинение завоеванных кыргызов, казахов и таджиков обеспечивалось беспощадным террором. Ханский двор раздирали межфеодальные усобицы, борьба многочисленных претендентов за престол. Рабство было официально признанным. Налоговая политика основывалась на грубом произволе, поскольку сбор податей ничем не регламентировался. Это была одна из типичных восточных деспотий. Под игом этой деспотии кочевники Южного Кыргызстана находились с 1762 по 1876 г., а Северного — с 1825—1832 по 1855—1863 гг.

Оценивая значение Кыргызстана и борьбу за влияние или господство здесь трех более могущественных соседних государств — Кокандского ханства, Цинской империи и России, западно-сибирский генерал-губернатор Г. Х. Гасфорт в середине XIX в. с полным основанием писал: «Выгодное же положение Дикокаменной орды в угле трех смежных держав, крепкая природная местность, ею занимаемая, и более воинственный их дух, нежели других кыргызских (казахских. — Ред.) племен, делают преобладание сею ордою предметом весьма важным для каждой из трех держав»¹.

Завоевание Кыргызстана кокандскими ханами изменило политическую обстановку в регионе Средней Азии. Его последствия для кыргызского народа не были однозначными. Родоплеменная верхушка склонялась к сотрудничеству или борьбе с завоевателями. Положение простого народа крайне ухудшалось. Он оказался под тяжким бременем двойного гнета: кокандских властей и собственных феодалов.

¹ АВПР Ф. Главн. Архив. 1—7, 1844—1863. Д. 1. Л. 36.

В народной памяти этот период отразился черной полосой жестокого угнетения и произвола, беспросветной нужды и несправедливости. Но народная память бережно сохранила и примеры героической борьбы кыргызов против кокандского ига, свидетельствовавшей о том, что гордый и свободолюбивый кочевой народ никогда не мирился с чужеземным угнетением.

* * *

Эпоха феодализма повсеместно характеризовалась обострением классовой борьбы трудящихся против угнетателей. Так было и в истории кыргызского народа, народа, который неоднократно поднимал восстания против «своих» и чужеземных эксплуататоров.

Общим недостатком этих выступлений были их стихийность, неорганизованность и разобщенность, отсутствие осознанных политических целей. Восстания заканчивались, как правило, поражением. За ним следовала кровавая расправа над побежденными, что вызывало новые вспышки народного гнева и новые поражения. Таким образом, конец одного восстания готовил начало нового. Этот процесс, приобретший перманентный характер, приводил к значительным людским потерям, разрушению экономики, грабежам, насилиям, личным трагедиям с обеих сторон. В конце концов эти явления привели к полному развалу Кокандского ханства, что обусловило возможность ликвидации его сравнительно небольшими силами русских войск.

В период возвышения Коканда представители кыргызской знати играли в его политической жизни заметную роль. Они охотно участвовали в феодальных усобицах, низвержении одних ханов и возведении на престол других. Безусловно, они преследовали определенные личные выгоды и цели. Трудящиеся кыргызы участвовали в политических акциях своих амбициозных предводителей, но мотивы их действий были иными. Каждое выступление независимо

от политических лозунгов родо-племенной знати давало возможность простым сородичам выплеснуть свой гнев и протест против ханского ига. Поэтому трудящиеся кыргызы в своих антиханских настроениях зачастую уводили восстания на более высокий уровень исторической значимости, чем это предполагалось политической интригой родо-племенной знати кыргызов.

Борьба за престол в Коканде вела к ослаблению власти ханов на местах и в таких случаях кыргызы возобновляли попытки сбросить иго кокандского гнета. Все это создавало напряженную атмосферу на окраинах Кокандского ханства. Кыргызов боялись, поэтому с ними заигрывали, но при первой же благоприятной возможности с особенно воинственными и опасными старались расправиться как можно более жестоким способом. Правда истории свидетельствует о том, что кокандским властителям так и не удалось полностью покорить гордый, свободолюбивый народ, искоренить среди кыргызов дух сопротивления. Русские посланники при кокандском дворе отмечали, что восстания кыргызов были следствием «жестокости и дурного правления», что временами они распространялись на огромные территории. Кыргызы никогда не чувствовали себя истинными подданными кокандских ханов. Они рассматривали свое подданство прежде всего через призму зависимости от кокандских рынков и расположения многих зимовок в Ферганской долине, находившихся в пределах военного присутствия Коканда.

В период дворцовых смут в Коканде в 1842 г. кыргызские феодалы Таласа скрывали претендента на престол Шералы и, заняв Коканд, они провозгласили его ханом. Одновременно кыргызы стали изгонять кокандские гарнизоны из крепостей, отказывались платить подати. В том же 1842 г. кыргызы Прииссыккулья разрушили кокандские крепости и фактически освободили край от ханского гнета. Русские пограничные наблюдатели сообщали в это время,

что кыргызские племена Прииссыккулья восстали против кокандского хана, «свергнули с себя его иго и, разорив устроенные на границах кокандцев с кочевьями кыргызов крепостцы, начали с тех пор действовать самостоятельно»¹. Кокандским властям с большим трудом удалось восстановить в крае свой режим, но в целом их влияние здесь оказалось сильно подорванным.

Следует отметить, что борьба кыргызского народа против ханской тирании не была обособленной от общего антиханского, антифеодального движения всех народов, населявших Кокандское государство. Кыргызы боролись против деспотизма вместе с казахами, таджиками и узбеками. Освободительная борьба народов Коканда знает немало примеров, свидетельствующих об этом.

В 1845 г. вспыхнуло крупное восстание алайских кыргызов, распространившееся вскоре и в окрестностях Оша. Восставших поддержало трудовое узбекское население. Источники не сообщают о конкретных причинах восстания, но, видимо, оно было вызвано налоговой политикой Шералы-хана. Восстание вначале развивалось быстро, поскольку главные военные силы ханства во главе с Мусульманкулом — предводителем кыпчакской знати, находились в это время в Ташкенте, подавляя там очередное антиханское выступление. Ввиду этого обстоятельства борьбу против восставших кыргызов и узбеков начал хаким Шахриханского вилайета (области) кыпчак Мухаммед-Азар Кур-Оглы, спешно собравший оставшиеся в Коканде войска. Кыргызы оказали упорное сопротивление отрядам шахриханского хакима. Однако подход из Ташкента Мусульманкула с войсками решил исход дела. Повстанцы, были разбиты. Кокандцы без труда захватили Ош, где устроили настоящую резню населения. Кокандский автор Мулла Нияз Мухаммед в своей книге «Тарихи Шахрухи» — самом

¹ ЦГВИА Ф. 1440. Оп. 1. Д. 2. Л. 59–73.

полном первоисточнике по истории Кокандского ханства, так описывает Ошское восстание кыргызов 1845 г.:

«Смятение и тревога, овладевшие сердцами кыпчаков (в связи с вестями о восстании в Ташкенте. — Ред.), были вызваны (также) тем обстоятельством, что сведения о кыргызском восстании в окрестностях Оша, (охватившем район) до Уч-Кургана и до границы Алая, и об осаде Оша, дошли до кыпчаков Шахрихана, которые оповестили Мусульманкула.

После получения этого устрашающего известия (кыпчаки), отложив ташкентские дела, занялись отражением кыргызов. Не имея иного средства и вынужденные к тому необходимостью, они (кыпчаки) собрали кошун и стали наступать на кыргызов. Кыпчак по имени Кур-Оглы, который был правителем Шахрихана, выступив с кошуном этого вилайета на два дня раньше войска столицы и встретившись с кыргызами, обратил их в бегство»¹.

После подавления Ошского восстания многие попали в плен, а еще больше пали в неравной борьбе с ханскими головорезами. В. Наливкин писал, что пленных отправили в Коканд, где предали жестокому суду. Сам Мусульманкул задержался на некоторое время в Оше, «дабы окончательно водворить здесь порядок и повиновение властям»². Однако кипчакской верхушке при дворе Шералы-хана не удалось полностью стабилизировать положение в государстве. Пока Мусульманкул расправлялся с повстанцами, крупные феодалы — некий Рахматулла-датха и исфаганский хаким Сатыбалды-датха — вступили в сговор с предводителями кыргызов Алая о низложении Шералы-хана. Шералы-хана «заставили испытать напиток мученичества» (т. е.

¹ Материалы по истории киргизов и Киргизии. М. 1973. — Вып. 1. С. 233.

² *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства. — Казань, 1886. С. 161.

зарезали. — Ред.), а на престол возвели одного из сыновей бывшего кокандского правителя Алим-хана — Мурада. Нет сомнения в том, что заговорщики умело использовали народное восстание в своих целях. Таким образом, несмотря на то, что движущей силой восстания было трудовое кыргызское и узбекское население, результатами его воспользовалась группировка кыргызских и узбекских феодалов, недовольных политикой Шералы-хана.

Вскоре на юге Кыргызстана вспыхнуло новое восстание кыргызов против ханского гнета. На сей раз в 1847—1848 гг. восстали кочевники Наманганского округа. Мулла Нияз-Мухаммед кратко сообщает, что кыргызы спустились с гор и в местности Балыкчи сразились с кыпчаками, но потерпели поражение.

В 50-х годах XIX в. неуклонно росло возмущение кыргызов и казахов насильственными действиями ташкентского правителя Мирзы-Ахмеда, которое вскоре вылилось в восстание. Вначале повстанцы требовали низвержения и наказания ташкентского хакима, но вскоре восстание было уже направлено против всей ханской власти в целом. Невольным свидетелем этого восстания стал известный русский путешественник Н. А. Северцов. В апреле 1858 г. он был взят в плен и привезен в г. Туркестан. Здесь он и оказался вместе с ханским гарнизоном в почти месячной осаде города восставшими кыргызами и казахами. Нет сомнения в том, что симпатии русского путешественника были в данном случае не на стороне осажденных.

Антиханские восстания охватили все районы Кокандского государства, но наиболее широкий размах они получили все же на юге. Здесь инициаторами восстания вновь выступили алайские кыргызы племени адыгене. Они создали ополчение численностью в 40 тыс. человек. Повстанцы были плохо вооружены — лишь некоторые имели огнестрельное оружие. Основная масса восставших имела сабли, боевые топоры, а то и вообще просто палки. Несмотря

²³ Том XV. В. М. Плоских

на это, они разбили недалеко от Маргелана в местности Самгар карательный отряд кокандцев.

Следует отметить, что восставшие в то время не имели единого руководства. Отряды ополченцев формировались по родовому принципу и действовали самостоятельно. Однако все восставшие были одержимы одной, общей для всех целью — сбросить ненавистное иго кокандского хана Худояра. Восстание усиливалось и тем, что в нем приняли активное участие трудящиеся массы узбеков, кыпчаков и таджиков. Таким образом, силы восставших росли и они имели реальные шансы одержать победу в своей справедливой борьбе против национального и социального гнета.

Однако и на сей раз феодальная верхушка ханства использовала народное движение в своих политических целях. Она решила низложить кокандского правителя Худояр-хана и возвести на престол его старшего брата Малля-бека, надеясь укрепить при нем свои позиции. Так оно и случилось. Малля-бек стал очередным правителем Коканда, а кыргызская родо-племенная знать еще более упрочила свое влияние в ханстве. Народные массы в итоге не получили ничего. Феодальный гнет не только не ослаб, но усилился, а налоговая политика ханов стала гораздо жестче.

Весной 1862 г. в Коканде вновь вспыхнули народные волнения. Не исключено, что они были в немалой мере инспирированы представителями кыргызской родо-феодальной знати, поскольку во главе восстания скоро встал правитель кыргызских родов Алая Алымбек, активно сотрудничавший с кыпчакским феодалом Утембием. Поводом к восстанию послужило убийство «неизвестными» заговорщиками Малля-хана. Однако уже тогда сарыбагышский манап Уметалы прямо заявлял, что кокандского правителя «убил один из придворных чинов хана Алымбек из рода Адыегене»¹. Известный русский путешественник А. П. Федченко,

¹ ЦГА Республики Каз. Ф. И. 2. Оп. 1. Д. 167. Л. 5. Св. 8.

побывавший в ханстве в начале 1870 г. писал, что как только кыргызы заметили проявление симпатий Малля-хана к оседлой кокандской знати, они убрали его и провозгласили ханом Шах-Мурада, сына Сарымсака, являвшегося старшим сыном Шералы-хана. Несмотря на то, что кыргызская родо-феодалная верхушка добилась своих целей, народное возмущение не утихло еще долго. Повсеместно трудящиеся кыргызы изгоняли ханских наместников, разрушали кокандские крепости, отказывались платить зякет.

Все вышеизложенное еще раз свидетельствует о том, что народно-освободительная борьба кыргызов против кокандского ига нередко эффективно использовалась различными группировками враждующей родо-племенной знати в своих целях. Причем сама знать зачастую искусственно вызывала волнения среди рядовых сородичей. И почти всегда основные выгоды от тех или иных народных движений извлекали феодалы. Однако нельзя не видеть, что восстания кыргызов против кокандского ига носили не только национально-освободительный характер, но и содержали в себе заметные элементы социальной борьбы.

К этому времени, особенно после взятия русскими войсками в мае 1865 г. Ташкента, Кокандское ханство попадает в вассальную зависимость от России. Хан оставался на престоле территориально усеченного государства, но внешнеполитические и дипломатические его функции уже переходили к представителям российских властей, в частности к вскоре назначенному в край и наделенному огромными административными полномочиями туркестанскому генерал-губернатору. Если прежде симпатии русских властей были на стороне повстанцев, то в новой политической ситуации туркестанский генерал-губернатор стал активно поддерживать своего вассала — кокандского хана.

В 1867 г. снова восстали кыргызы Алая. Они были доведены до отчаяния тиранией ханского наместника в Кызыл-Кургане Кул-датхи. Повстанцы во главе с неким Садыком

Саркером осадили укрепление Кызыл-Курган и овладели им. Ненавистный наместник был убит. Кокандский правитель послал на подавление восстания карательный отряд, который с большим трудом погасил пламя народного возмущения. Но через три года (в 1870 г.) на Алае вспыхнуло еще более мощное по размаху восстание. Худояр-хан вынужден был обратиться за помощью к бухарскому эмиру. Объединенными усилиями двум деспотам удалось лишь временно притушить пламя народных волнений кыргызов Алая. Вскоре южные районы Кыргызстана превращаются в постоянный очаг восстаний, переросших вскоре в открытую народную войну кыргызов против ханского деспотизма и произвола.

Весной 1871 г. выступили сохские кыргызы Ферганы. Худояр-хан послал против них отряд в 2 тыс. сарбазов под командованием нового «военного министра» Атабека. Последнему не удалось разбить кыргызов в открытом бою, он смог лишь оттеснить их в горы. Кокандцы попытались проникнуть глубоко в кыргызские кочевья, но получили жестокий отпор. Тогда Атабек захватил 12 первых попавшихся кыргызов, которые и были казнены в Коканде в устрашение всем недовольным ханскими порядками.

В связи с тем, что восставшие кыргызы чаще всего укрывались от ханского возмездия в труднодоступных горных районах, Худояр-хан обратил особое внимание на укрепление гарнизонов горных крепостей и сооружению новых военных укреплений в окрестных горах. В частности, им был значительно укреплен гарнизон и обновлена крепость Дараут-Курган.

Правление Худояр-хана (1844–1858; 1862–1863; 1865–1875) вошло в историю как период наиболее жестокого угнетения кыргызского народа. В официальной записке «По поводу волнений в Кокандском ханстве» Н. Петровский подчеркивал, что основные причины восстания кыргызов сводились к «жесточкому, крайне деспотическому управлению

ханством... его правителя Худояр-хана»¹. Худояр-хан был патологически жесток. «Насильственные захваты, отравления, умерщвления целых династических родов ближайших родственников, ночные нападения, утопления, сажание прежних властителей на кол живьем, похищение юных принцев для придания законности... претендентству, регентству и т. д. следовали одно за другим непрерывною чередою», — отмечал академик А. Ф. Миддендорф. Американец Е. Скайлер, посетивший Коканд в те времена, описывает эпизод, когда после одного из восстаний пятьсот плененных его участников были зверски казнены на базаре в присутствии огромной толпы. Зарубежные исследователи Е. Росс и Ф. Скрайн, посетившие Туркестан в конце прошлого века, характеризуют Худояр-хана как всеми ненавистного правителя, из-за которого «часто разгорались мятежи».

С 1873 г. борьба кыргызского народа против тирании Худояр-хана переросла в настоящую войну, которая не прекращалась до тех пор, пока кокандский правитель не покинул трон и не бежал под защиту царских властей. Поводом к восстанию 1873 г. послужило дополнительное налогообложение кыргызов южных районов Ферганской долины. Русский политический обозреватель того времени Ю. Россель писал по этому поводу: к кыргызам «явились ханские офицеры налагать добавочные подати по три овцы с каждой кибитки и еще новый поземельный налог на обработанную землю в горах». Кыргызы вначале мирно выразили протест, на словах отказываясь платить незаконные и непомерно высокие подати. Тогда ханские посланцы стали «вразумлять» кыргызов обычными для таких случаев средствами. Возмущенные избиением и пытками ни в чем не повинных людей кыргызы взяли за оружие и вступили в бой с ханским отрядом. В последующем, опасаясь прибытия карателей, они снялись со своих мест и откочевали

¹ ЦГИА России Ф. 560. Оп. 21. Д. 335. Л. 2.

в отдаленные горные урочища. Их примеру последовали тысячи других кочевий. По данным источников, в 1873 г. в целом перекочевали в горные местности 20 тыс. кыргызских семейств и 10 тыс. кыпчакских, т. е. примерно 150 тыс. человек. Все они влились затем в число активных повстанцев. Началось небывалое по размаху всенародное движение угнетенных против ханской тирании.

Главным предводителем повстанцев стал кыргыз из рода бостон Исхак-уулу, батрачивший на мелкого торговца Абду-Мумина. Любопытна биография этого человека, которого называли в те времена «кыргызским Пугачевым».

Исхак родился в семье маргеланского мударриса примерно в 1844 г. Окончив сельскую школу, он одно время учился в кокандском, а затем в маргеланском медресе. В 1867 г. он против воли отца бросил учебу и поселился среди соплеменников из рода бостон. Он много кочевал с кыргызами, хорошо познал их трудную, многострадальную жизнь. Незадолго до начала восстания он нанялся работником к старому сподвижнику Алымкула — мелкому торговцу Абду-Мумину.

Известно, что депутация кыргызов в начале восстания отправилась в Самарканд к внуку Алим-хана Пулату с предложением вступить в ряды восставших и возглавить их, но последний отказался примкнуть к народу. Тогда Исхак сам назвал внуком Алим-хана Пулатом и вскоре с отрядом сподвижников в 200 человек появился на Чаткале. Самозванный Пулат-хан возглавил народное движение против кокандского хана. Следует заметить, что он не был единоличным руководителем восстания. Он делил власть с руководителями отдельных отрядов повстанцев, среди которых наибольшей известностью пользовались андижанский кыргыз Мамыр Мергенов и его чаткальский соплеменник Момун Шамурзаков.

Весьма характерно, что феодалы, недовольные Худояром, и в этом случае постарались примкнуть к народному движению, чтобы исподволь подчинить его своим корыстным

политическим планам. Они хотели видеть на престоле своего ставленника, который бы правил, исходя из их интересов. В сложной политической обстановке родо-феодальная верхушка совершала противоречивые маневры, поддерживая то сына хана Насредина, то самозванца Пулат-хана — претендентов на престол.

Повстанцы неоднократно обращались к туркестанским властям с призывом помочь им. Но те взяли курс на поддержку вассального хана, и даже беженцев, подвергавшихся в ханстве репрессиям, возвращали обратно. Эта политика вела к ослаблению притягательной силы России, в которой повстанцы стали видеть власть, и не без основания, лишь союзную хану. Воспользовавшись этим, религиозные деятели, примкнувшие к восставшим, призывали кроме всего прочего к «газавату» — священной войне против русских, что находило определенный отклик в рядах повстанцев. Все это придавало народному движению сложное, иногда внутренне противоречивое содержание. Восставших всеми силами старались отвлечь от борьбы против своих прямых врагов из числа феодальных кланов, навязывали им реакционные политические лозунги. Это явилось причиной непоследовательности в действиях многих руководителей восстания, а иногда и их перерождения.

В частности, непоследовательно вел себя и сам Пулат-хан. После изгнания Худояр-хана и занятия кокандского престола он начал действовать его же методами — грабить трудящихся, жестоко преследовать и наказывать непокорных своей воле, поддерживать пропагандируемые среди простого народа лозунги «газавата». Таким образом, взяв власть при помощи народа, он шел против воли того же народа, желавшего соединить свою судьбу с Россией. О том, что восставшие кыргызы искренне стремились к этому, свидетельствуют многие факты. Так, алайские и ферганские кыргызы в ходе восстания получали поддержку со стороны своих соплеменников — чуйских, таласских, центрально-

тяньшаньских кыргызов, ставших уже подданными России и призывавших всех кыргызов последовать их примеру. Восставшие ходжентские кыргызы поддерживали постоянные связи со своими токмакскими сородичами, получали от них помощь и переписывались с Шабданом Джантаевым по делам восстания.

Известно, что восставшие кыргызы Коканда неоднократно обращались к русским властям с просьбами о принятии их в российское подданство. Еще в начале восстания, в ноябре 1873 г., депутация кокандских кыргызов представила русской администрации Туркестанского края список 42 кыргызских родов, члены которых выражали желание принять российское подданство. По оценке (на наш взгляд, несколько завышенной) некоторых специалистов, их число достигало полумиллиона человек. В письме русским властям, представленном депутацией кыргызов, указывалось: «Хан начал выступать против шариата (т. е. против закона. — Ред.), за это мы, не вынося несправедливости, ограбили его зякетчи. Худояр послал к нам войска свои, от которых мы убежали в горы, оставив кочевья наши. Но ханский военачальник успел захватить у нас 270 человек в плен, привез этих людей в гор. Асаке и, по приказанию хана, велел всех посадить на кол. Тогда мы все собрались и объявили себя врагами хана». В заключение восставшие просили русские власти помочь им в борьбе против хана и решить вопрос о принятии всех кыргызов-повстанцев в российское подданство¹.

Антиханское движение кыргызов было поддержано трудящимися слоями оседлого населения — узбеками и таджиками. Коллежский советник Вайнберг, посланный туркестанской администрацией в Коканд в 1874 г., доносил в канцелярию генерал-губернатора, что «оседлое население наравне с кочевниками тяготится настоящим положением

¹ ЦГА Респ. Узб. Ф. И. 715. Оп. 1. Д. 58. Л. 362.

дел в ханстве и если доньше между этими двумя элементами не было солидарности, то не потому, что они относились враждебно один к другому: подобные отношения существуют между главными представителями этих народностей, простолюдин же хлебопашец или работник вполне сочувствует кочевнику, живущему своими стадами»¹. О солидарности кочевого и оседлого населения Коканда в антиханских настроениях писал осенью 1874 г. военному министру и сам туркестанский генерал-губернатор.

Такая солидарность несла в себе мощный заряд повстанческой энергии и грозила ханской власти полным крушением. Русская администрация это хорошо понимала. Но она была связана договором с Худояром, согласно которому последний, как вассал российского самодержавия, мог рассчитывать в сложный момент на поддержку со стороны сюзерена. Поэтому туркестанские власти не могли удовлетворить просьбы кыргызов о принятии их в российское подданство, хотя понимали сложность их положения и сочувствовали им. Вместе с тем русские власти Туркестана не могли не видеть, что при таком размахе народного движения ханская власть обречена и рано или поздно вопрос о подданстве кокандского населения вновь встанет на повестку дня.

В 1875 г. народное движение кыргызов против кокандского господства достигло своего апогея. Кыргызы при поддержке узбекского дехканства успешно занимали кишлаки и города Ферганы. Худояр-хан под защитой русского военного отряда бежал в российские пределы. Ханом был провозглашен его сын — Насредин. Появились надежды, что восстание пойдет на убыль. Но оно, напротив, еще более усилилось. Повстанцы в противовес Насредину провозгласили ханом Исхака-уулу, подняв его по традиционному обычаю на белом войлоке как Пулат-хана. Отныне

¹ ЦГА Респ. Узб. Ф. И. 715. Оп. 1. Д. 61. Л. 326.

Пулат-хан приобретал законные права властителя судеб в государстве.

9 октября 1875 г. повстанческая армия овладела Кокандом. Насредин, как и его отец Худояр-хан, бежал под защиту туркестанских властей. Царское правительство, исходя из договорных обязательств, вынуждено было ввести на территорию Кокандского ханства свои войска. Эта акция произвела сложное воздействие на психологию многих повстанцев. Еще недавно просившие российского подданства, искавшие помощи у России в борьбе против ханской тирании, они с известным недоумением следили за продвижением царских отрядов, пришедших на помощь хану. Но в большинстве своем повстанцы отнеслись к факту прихода русских войск сдержанно, не вступая с ними в столкновения. Зато феодальная верхушка и духовенство еще более активно стали призывать к «газавату» — священной войне против неверных, организуя вооруженное сопротивление продвижению русских военных формирований. В это время Пулат-хан, пытаясь удержать ханскую власть, пошел на поводу феодалов. Вместе со своими сподвижниками — феодалами Абдурахманом Афтобачи и Абдылдабеком, сыном бывшего алайского правителя Алымбека-датхи и его супруги, а также правопреемницы Курманджан-датхи, Пулат-хан пытается противостоять наступлению царских войск, но терпит поражение и под Андижаном, и под Асаке. Отойдя с 5 тыс. воинов к Уч-Кургану, Пулат-хан был настигнут отрядом Закомельского — далеко не лучшего по своим личным качествам офицера русской армии.

Закомельский неожиданно напал на лагерь Пулат-хана. Среди повстанческого войска началось смятение, и оно практически прекратило сопротивление. Пулат-хану удалось ускакать с небольшим отрядом на Алай. Повстанцы, не желавшие покоряться уже русским войскам и боясь репрессий, скрываются бегством в горах. «Военно-научную» экспедицию по усмирению повстанцев возглавил полковник

М. Д. Скобелев — будущий герой Шипки (принимал участие в освобождении Болгарии от турецкого ига). В подробных донесениях о военных событиях в Кокандском ханстве с 25 декабря 1875 г. по 7 февраля 1876 г.¹ командующий отрядом М. Д. Скобелев признавал, что главным контингентом кокандских повстанческих войск являлись кыргызы и кыпчаки. Зимняя экспедиция, по мнению Скобелева, должна была нанести им такой погром, который бы сделал невозможным «это главное орудие против нашей позиции». Бороться с хорошо вооруженными царскими войсками разрозненные отряды кыргызских повстанцев не могли, и они бегут в горы. Каратели вымещают злобу на отдельных встречных, сжигают покинутые айлы.

По следам беженцев-кыргызов шел отряд подполковника Закомельского. Попадалось брошенное имущество, оставшие женщины и дети. Между кишлаками Караянтаком и Капрабатом настигли обоз повстанцев. «Прикрытие его изрублено... Все названные кишлаки были сожжены», — цинично заявляли в рапорте царские каратели, преследуя Пулат-хана, Абдылдабека и других предводителей уже осколков повстанческого движения, еле теплящегося пока лишь на Алае.

Пулат-хан надеялся, что алайские кыргызы поддержат его и борьба разгорится с новой силой. Но простой народ, натерпевшийся в свое время самоуправства Пулат-хана, остался равнодушным и отказал ему в поддержке.

Отказала в этом ему и алайская родо-феодалная знать. Она понимала, что сопротивляться русской регулярной армии бесполезно, а потому для сохранения своей власти и привилегий лучше было поскорее заключить мир, пожертвовав самозванным ханом. Раненый Пулат-хан в ночь с 18 на 19 февраля 1876 г. был вероломно схвачен своим же соратниками-феодалами и выдан царским властям.

¹ ЦГА Респ. Узб. Ф. И. 715. Оп. 1. Д. 67. Л. 67–152.

1 марта 1876 г. при большом стечении народа в Маргелане по приговору военного суда он был объявлен преступником и как самозванец казнен (повешен на площади).

Даже иностранные авторы, оценивая причины последнего антикокандского восстания и жестокость карательных мер, подчеркивали: «Как и во всех восстаниях позднего периода, вожаки этого выступления на этот раз претендентом на трон выдвинули человека со стороны, не из ханского рода, а кыргыза, который занял место представителя династии. Русские считали это бунтом против их правления. Они казнили большинство вожаков его, захваченных в плен, и наложили контрибуцию на население районов, бывших центром сопротивления».

Вся территория Кокандского ханства, за исключением Алая, была уже под контролем русских войск.

Перед царским правительством встали сложные политические проблемы. Возникла дилемма: либо сохранить ханство, возведя на престол нового правителя, либо ликвидировать его, присоединив территории Коканда к России.

В правительственных кругах России понимали, что сохранение ханской власти вызовет новые волны народного возмущения, новые просьбы о принятии в российское подданство. Поддерживать прогнивший режим ханов и отказывать народу в его искренних желаниях значило подрывать престиж России в глазах трудящихся масс Туркестанского края. Военный министр России Д. А. Милютин и туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман выступали поэтому за ликвидацию Кокандского ханства. Министр иностранных дел России и одновременно глава ее правительства канцлер А. М. Горчаков выступал против такого шага, ссылаясь на то, что он вызовет обострение отношений с Англией, которая более чем ревниво следила за успехами России в Средней Азии.

По мнению Горчакова, в ответ на этот шаг России Англия могла инспирировать войну на Ближнем Востоке,

втянув в конфликт Турцию, недовольную позицией русского правительства в вопросе о Сербии и Черногории.

Борьба в правительстве завершилась победой военных, которых поддержал царь Александр II. Д. А. Милютин очень убедительно изложил свое мнение и тот «изъявил согласие на занятие Коканда предстоящей весной», т. е. весной 1876 г.

Ликвидация Кокандского ханства прошла без особого труда. М. Д. Скобелев легко овладел Андижаном, Абдуррахман Афтобачи столь же легко сложил перед ним оружие. Насредин-хан бежал. 3 февраля 1876 г. Д. А. Милютин записал в своем дневнике: «Получены довольно важные известия из Коканда: смуты и раздоры дошли до крайнего предела, что обе соперничающие партии нашли вынужденным сложить оружие... Депутации от разных городов просят о принятии ханства в подданство русского царя».

Через несколько дней Д. А. Милютин направил телеграмму исполняющему обязанности туркестанского генерал-губернатора Г. А. Колпаковскому, в которой приказывал ему «лично ехать в Коканд и объявить народу, что белый царь, снисходя к его просьбе и желая положить конец его бедствиям, принимает его в свое подданство». 7 февраля 1876 г. Г. А. Колпаковский в воззвании к местному населению объявлял: «Весь кокандский народ, как оседлый, так и кочевой, принят в российское подданство, и земли, им занимаемые, составлявшие прежде Кокандское ханство, присоединены к Российской империи»¹. А 19 февраля 1876 г. последовало «высочайшее повеление о присоединении к империи бывшего ханства Кокандского под именем Ферганской области». Губернатором новой области был назначен «свиты его величества генерал-майор Скобелев», руководивший операциями по ликвидации Кокандского ханства².

¹ ЦГА Респ. Узб. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 6.

² ЦГИА России Ф. 1291. Оп. 82. Д. 3. Л. 5.

С гибелью основного предводителя повстанцев и занятием царскими войсками стратегических пунктов в горах восстание постепенно идет на убыль. Последний этап восстания показал, во-первых, что в сравнении с регулярными войсками силы повстанцев оказались слишком неравными, а, во-вторых, исчезла основная причина, вызывавшая столь длительную, многолетнюю борьбу — гнет Кокандского ханства. Ханство как государство было ликвидировано. Но ему на смену шел новый, колониальный гнет царизма. И трудящиеся, пока, неосознанно проявляют сопротивление царским войскам, явившимся с первоначальной целью поддержки ханской власти. Оценивая итоги кокандского похода, туркестанские чиновники сами вынуждены были признать, что пришлось воевать не с ханом, а с народными массами.

В итоге в 1876 г. вся территория Кыргызстана была включена в состав России. Начался новый этап в истории кыргызского народа, завершившийся через 115 лет созданием независимого, суверенного кыргызского государства.

**Доктор исторических наук,
профессор В. Плоских.**

04.01.1995 г.

**ПРЖЕВАЛЬСКИЙ
БУРЕВЕСТНИК**

*Историческая
новелла*

ДОНОС

Усатый городской вошел в кабинет пишпекского пристава:

— Ваше благородие! Там какой-то мещанин дожидается. Говорит, дело у него к вам.

— Введи!

Вошедший был щуплый человечек с угодливым выражением на лице. В руках он мял кепчонку не по сезону — на дворе стоял мороз. Человечек торопливо сделал несколько шагов вперед и протянул вчетверо сложенный лист бумаги. Пристав взял его, развернул и стал читать:

«Его высокоблагородию господину приставу полицейской части от мещанина Гуревича, состоящего контролером цирка господина Назарова. Докладываю, что видел у служащего Олейникова Ивана печатную прокламацию противоправительственного содержания, которую он читал вслух Ивану Пономареву. В ней имеются призывы против властей».

* * *

Пишпекский пристав оказался ретивым служакой и тотчас дал делу ход.

При обыске нелегальная литература была найдена, был там и экземпляр крамольной «Искры». Олейников с Пономаревым оказались в тюрьме. Дознание велось несколько дней. Откуда попали к рабочим прокламации? Кто из политически неблагонадежных мог распространять нелегальную литературу? Кто из поднадзорных, из ссыльных, препровождаемых по этапу, бывал в Пишпекке в последнее время?

Арестованные никаких имен не называли, предъявленные обвинения начисто отрицали.

Наконец, полицейские напали на след. Он вел к некоему Виктору Лойцнеру в Пржевальск, на берега Иссык-Куля.

* * *

Перед нами копии архивных дел. Строки документов скупы, одиозны. Они представлены, с одной стороны, полицейскими доносами, материалами судебного разбирательства, обвинительным заключением и приговором. С другой — показаниями революционеров. Обе стороны преднамеренно искажают реальность. В первом случае она представлена сквозь призму жандармского дознания. Во втором — истину сознательно затушевывали обвиняемые, которые старались скрыть действительный размах своей деятельности и ввести в заблуждение сыскные органы. Только с учетом этих обстоятельств и следует подходить к рассмотрению судебных дел. Но, как говорил В. И. Ленин, можно «иногда по дыму полицейской лжи догадываться об огне народного возмущения». Эти слова первого историка первой русской революции всегда вспоминаются, когда перебираешь скупые и часто фальсифицированные документы царской охранки о революционном движении.

В годы жесточайшего полицейского террора, глубокого революционного подполья и строгой конспирации, когда каждый документ — явная улика, а нередко и провал, за которым следовали тюрьма, ссылка, каторга, виселица, нелегальные документы не могли сохранять всей картины разворачивающейся революционной борьбы. В те годы история революции еще не писалась. Это было делом будущего. А все оказавшиеся на виду и попавшие в сейфы полиции документы представляли картину, которую можно сравнить с надводной частью айсберга, подводная же часть его — это то, что было скрыто строгой конспирацией партии...

— Мало нам наших социал-демократов: учитель Глебов, фельдшер Якушев. А тут еще этот Лойцнер, — говорил пишпекский пристав своему недавно назначенному помощнику. — Хороша птичка! В феврале был привлечен к дознанию по государственному преступлению в Саратове. Однако сумел уйти из-под надзора тамошних чинов полиции и в июне пробраться через Пишпек в Пржевальск. Я тогда получил изрядный нагоняй от начальства — за то, видите ли, что не опознал преступника! Хм! Первого ноября, то есть месяц назад, он был осужден на ссылку в Олонецкую губернию под гласный надзор. А теперь ишь где оказалась эта протобестия! Ну да ничего. Отправим-ка депешу приставу Хахалеву — и с плеч долой. Пусть разбирается — это в его уезде.

«ФИЛОСОФ» ИЗ ПОЛИЦИИ

Пржевальский пристав Хахалев получил депешу через пять дней — именно столько времени требовалось, чтобы преодолеть расстояние от Пишпека до Пржевальска.

Когда прибыла почта, пристав посиживал у себя дома и потягивал наливку со своим приятелем доктором Апполинарием Савватьевичем Всехватским и ждать не ждал ничего такого!

Прочел — и нахмурился.

— Неприятности? — посочувствовал доктор.

— Хорошего мало, — проворчал пристав. — Вот, полюбуйтесь: у меня в уезде завелись революционеры. Некий Виктор Лойцнер, весьма зловредный субъект.

От закадычного приятеля Хахалев не скрывал свои служебные заботы. «Доктор» был не доктор — медицинский факультет в Петербурге он так и не окончил. Выгнали со второго курса за участие в студенческих волнениях. С тех пор во всех своих бедах он винил только «революционную заразу», которая погубила так удачно начавшуюся карьеру. Он сделался тем домашним философом, какие во все времена водились по глухим углам провинциальной России: этакого ницшеанского толка с изрядной дозой умозрений, взятых из пресловутого «триумвирата» — самодержавие, православие, народность.

Пристав Хахалев был тоже в своем роде философом, правда, с изрядной примесью полицейских мотивов.

Таким образом, в наличии имелось два философа: оба с одинаковым уклоном, оба считали себя интеллигентными

людьми, заброшенными в глухую дыру. Они должны были найти друг друга. И они нашли.

Хахалев прошелся по комнате.

— Не понимаю я этих господ марксистов. — Куда рвутся? Чего хотят? Ну рабочие — еще куда ни шло. С ними все ясно. Этим, действительно, как они говорят, нечего терять кроме своих цепей. А господа разночинцы!? И даже дворяне? Молодые, грамотные, обеспеченные... Чего им-то надобно? Строили бы карьеру. Так нет! Прут на каменную стену, расшибают себе лбы, и все это — во имя «рабочего класса», до которого им вовсе не должно быть дела. Взять хотя бы этого Виктора Лойцнера. Сын отставного подпоручика. Семья вполне благонадежная. Своя заимка под горами. Крепкое хозяйство. Работников держат. Землицы вполне достаточно. Дача на берегу Иссыйк-Куля. Чего бы, кажись, еще! Живи — не тужи...

— Лойцнер, — перебил доктор. — Это из каких же? Из немцев?

— Да, обрусевший немец. Предки живут в России со времен Екатерины Великой. Ежели правду сказать, у них немецкого только и осталось, что фамилия. Женились-то испокон веку на русских мамзелях из Замоскворечья. Так что фридриховой крови в них — пшик. У меня в архиве на его милость есть прелюбопытнейшая бумага, так сказать, послужной список бунтаря. Вот, если интересно, зачитаю вам несколько строк из него:

«...двадцати пяти лет, православный, холост, не окончил полного курса реального училища, без определенных занятий...» Надобно вам сказать, милостивый государь, что сей молодой человек родился в Тифлисе, а потом семья переехала в Саратов. Там он и поступил в реальное училище, но был исключен из пятого класса за пропаганду революционных идей. Каков гусь?

— Н-да..., — сказал доктор.

– Читаю далее: «Активно участвовал в демонстрациях и митингах, выступал с речами, призывавшими к ниспровержению существующего строя. Агитировал за революцию и установление республики. В качестве конспиративных квартир использовались чайные Саратова...» И сто в столь юном возрасте!

Хахалев взял другой листок.

– «С июля 1902 года взят под подозрение. Установлено регулярное наблюдение. Десятого февраля 1903 года был произведен обыск в его квартире полицейскими чинами (перечислены фамилии). Обнаружены нелегальная литература и письмо революционного содержания, которые автор не успел уничтожить. На основании чего саратовским губернским жандармским управлением Лойцнер был привлечен к дознанию по государственному преступлению». Вот какие художества числились за юным балбесом!

– Чем же кончилось дознание?

– А кончилось тем, что господин Лойцнер сумел летом тайно бежать сюда, на Иссык-Куль, где уже три года изволил проживать его батюшка. Однако полиция проследила его путь. Пятого июля семиреченский военный губернатор из Верного сообщил в Ташкент о прибытии Лойцнера восьмого июня в Пржевальск.

– Докладывают как о прибытии августейшей особы!

– Тогда же я получил распоряжение учредить за Лойцнером негласный надзор. Каждый его шаг отмечали мои люди. А при возвращении в Саратов он был арестован...

Хахалев взял следующую бумагу:

– «Первого ноября 1903 года состоялся суд, постановивший выслать господина Лойцнера Виктора Ивановича административным порядком под гласный надзор полиции в Олонецкую губернию сроком на два года».

– Каким же образом он оказался здесь?

– А каким образом многие из них оказываются не там, где им быть надлежит? Халатность столичных чинов,

сударь мой! Однако мои люди, даром что провинциалы, а казенный хлеб не даром едят. Вот и посадили на крючок господина бегуна.

— Значит дело осталось за арестом?

— Это всегда успеется, батенька. Мне теперь важно выявить связи добра молодца. Я закидываю сеть, расправляю, растягиваю... А когда я ее вытяну, то сразу выловлю всю рыбку — и крупную, и мелкую. Эти господа социалисты вот где у меня сидят. — Хахалев хлопнул себя по толстому загривку. — Вы знаете, что такие люди, как этот Лойцнер, не одиноки. Попробуй, уследи за каждым: то юнцы-гимназисты Михаил Фрунзе и Эраст Поярков с товарищами, то университетский студент, член «Сибирского землячества» Никифоров (нашелся тоже «земляк» в Пржевальске!), то ваш писарь из лазарета Катунцев. И каждый противоправительственные прокламации норовит привезти. Все эти ссыльные и поднадзорные, вся эта братия, проходящая по этапу, — вот опаснейшие распространители революционной заразы. Могу вам прочесть еще одну бумагу, — пристав опять начал рыться в папках. — Вот, пожалуйста! Он откашлялся и прочел:

— «В последнее время... доходят слухи, что лица, административно высылаемые из внутренних губерний России, при следовании через русские селения распространяют среди крестьян различные вздорные рассказы явно антиправительственного характера... Возникновение этих рассказней среди крестьян всецело относится к усилившемуся за последнее время движению лиц, административно высылаемых из столиц и иных мест Европейской России и следующих по тракту в город Верный».

— Но до нас-то эти этапники в основном не доходят, — заметил доктор.

— Зато плоды их зловредной деятельности мы пожинаем и здесь, в нашей глуши, — возразил Хахалев. — Причем рассказы пришлых агитаторов выслушиваются

местными крестьянами с интересом и ревниво скрываются от начальства и священника, а это многое значит! Понимают, каналы, что совершают антиправительственные дела!

У пристава Хахалева на вооружении был богатый служебный опыт. По части засылки провокаторов и в «хватательном» рвении он мог бы вполне потягаться и со столличными чинами.

И когда к нему однажды в часть, как обычно, явился бездельник-доктор побалагурить, деловой пристав сказал:

— Поскучайте-ка тут, сударь мой, тет-а-тет с наливочкой, пока я посудачу с одним человечком. — Пристав вышел в смежную комнату и закрыл за собою дверь.

Любопытство было слишком велико: доктор на время оставил наливку, подкрался к двери и приложил ухо. Слышно было довольно явственно, хотя собеседники говорили вполголоса.

— Гляди у меня, шельма, проворонь его. Малый он не промах. Чуть что не так — вмиг раскусит.

— Не сумлевайтесь, вашбродь, — гудел в ответ простуженный бас. — Не таких объегоривали! Найдем управу на сопляка.

— Надо найти. Этот Лойцнер у меня, как чирей в неудобном месте. Времени тебе даю в обрез — неделю. Не обернешься в срок, они тебя раскроют.

— Покеда они меня раскроют, я им скажу: «Адью, ребята», — как говорил мой командир штабс-капитан Черников. — Зря, что ли, я в Пишпек ездил...

НА ЗАИМКЕ

Заимка отставного подпоручика Ивана Порфирьевича Лойцнера располагалась в трех верстах от города, в живописнейшем месте. До гор, кажется, рукой подать. С противоположной стороны виднелись густые тополя Пржевальска. Земля тут была хорошая, огород давал отличные овощи, крупную рассыпчатую картошку. Кроме того, Иван Порфирьевич разбил сад: в нем росли молодые яблоньки, груши, сливы и знаменитая горная смородина с душистыми листьями и крупными черно-сизыми плодами. Этим летом смородина дала первый урожай. Сейчас, зимой, заиндевший сад словно окутался серебряной пылью.

Природа здесь была вполне дикой. Для защиты от заячьих зубов плодовые стволы были обвязаны пучками соломы с известкой. Ночами лаяли собаки, а утром хозяин находил близ курятника на снегу лисьи следы. В ночном мраке ухали филины. Петенька Сомов — друг-знакомец Виктора, гостивший на заимке, утверждал: выйдя как-то ночью во двор, слышал рычание барса — ирбиса. И хотя каждый знал, что барсы никогда к человеческому жилью не спускаются, все же слушали петенькино «заливание» с интересом — уж больно занимательно врет!

Подавали ужин. За столом все население заимки: Иван Порфирьевич да Марья Гавриловна, их непутевый сын Витюша, которого родители все продолжали считать мальцом, красавица-сноха Настя, два внучонка-малолетка вместе со своей нянькой, пятнадцатилетней Груней Махтиной, и, наконец, работник Сашка Юпатов, здоровенный парень лет двадцати.

После ужина, когда укладывали детей и старики отправлялись на покой в свою спальню, оставшись вдвоем, друзья могли говорить о своих чрезвычайно важных делах. Самов, с неизменной самокруткой в зубах, настаивал:

— Пора, пора, Виктор, нам двигать в Россию. В самую гущу классовой борьбы.

— А кто же здесь будет народ поднимать?

— Кого прикажешь поднимать? Лавочников? Торговок с базара? Или попа Игнатия? Здесь же нет пролетариата. А местные обыватели только тем и заняты, как бы мошну потуже набить.

— Ты не прав, Петр. Разве мало парней-батраков у богатеев? Вон у одного Всехватского их восемь человек. Я уж не говорю о кыргызах. Сплошь голь перекатная. Горючий материал.

Сомов недоверчиво качнул головой.

— Да знаешь ли ты, что у этих парней на уме? Девоч лапать, да где бы шкалик зашибить. Те же, кто поумней, далеко вперед смотрят: на собственное хозяйство деньги копят. А вечерами чем развлекаются? Ходят по улицам гуртом: чуб гвоздиком завит, сапоги — гармошкой и... стекла у обывателей бить.

От печи подал голос Сашка Юпатов:

— Был я седня на базаре...

Все повернули к нему головы.

— Толкуют, будто вчера вечером полицейского хорошо помяли...

— А кто — неизвестно?

— Слышал краем уха, будто зааксуйские парни...

— Классовая борьба! — фыркнул Сомов.

— А что? — повернулся к нему Виктор. — Разве в рабочих слободках не поступали так испокон веку? По всей России? Это и есть первичное проявление классового сознания — коллективная защита от произвола властей.

...Виктор Лойцнер не намерен был отсиживаться на отцовской заимке. Вместе с Сомовым, связным из Баку, который еще в Саратове снабжал Виктора нелегальной литературой, они организовали что-то вроде маленького кружка; в него входили местные приятели Виктора: Коля Андрогин и Коля Пирогов, а также Сашка Юпатов. В какой-то мере к кружку можно было причислить и жену Виктора Настеньку, и даже няньку их детишек Груню Махтину.

Сомов согласился приехать из Саратова в Пржевальск, потому что ему надо было какое-то время переждать в безопасном месте. Но, прожив здесь недели две, заскучал. Он рвался туда, в центральную Россию, где только и была, по его мнению, настоящая классовая борьба. Виктор же придерживался иной точки зрения. Поэтому споры между приятелями возобновлялись каждый вечер.

Сомов говорил:

— Сейчас в стране экономический кризис. Закрываются заводы и фабрики. Только в Донецком бассейне, насколько я знаю, закрылось больше восьмидесяти угольных шахт. Остановлены многие доменные печи, люди выброшены на улицы. Полтораста тысяч рабочих в России не имеют работы. Повсюду забастовки. Если в 1900 году бастовало 29400 человек, то уже к лету этого года число бастующих перевалило за 80000. Вот где борьба! Там и только там можно развернуться вовсю. Русские социал-демократы готовят царизму достойный подарок!

Передохнув, продолжал:

— Я тут посматривал твои записи... Так вот: какие в Пржевальске промышленные предприятия? В основном — водяные мельницы да кожевенные и маслобойные заводы. На каждом наемных рабочих — один-два человека, от силы пять. Всего по городу — несколько десятков. Зато всевозможных лавок — больше двухсот. Вот и прикидывай, в какой среде придется наши идеи пропагандировать.

Терпеливо дослушав товарища, спокойным голосом заговорил Лойцнер:

— Мы должны бороться, считать, что настоящая борьба только там, в центре, неверно. Я тебе тоже приведу цифры, Петя. В Семиреченской области сейчас скопилось около шестнадцати тысяч неустроенных переселенцев. Они числятся «самовольцами», не получили земельных наделов, не имеют возможности возвратиться обратно в Россию или следовать далее в сибирские просторы. На сегодняшний день только по Пржевальскому и Пишпекскому уездам число русских переселенцев подбирается к сорока тысячам. В основном это тоже бедняки. А каково положение рабочих? Оно не лучше, чем в России. Рабочий день двенадцать — пятнадцать часов. О тружениках — никакой заботы. Школ, медицинских пунктов крайне мало. Врачей тоже. На весь Пржевальск сколько их? Вот почему даже такой проходец, как Всехватский, именует себя «доктором».

Виктор помолчал немного, потом закончил:

— А ты говоришь, социал-демократам здесь делать нечего. Я еще не упомянул коренное население. Кыргызская беднота терпит еще худший гнет — и царизма, и своих собственных эксплуататоров. Это огромный наш резерв в борьбе с самодержавием.

ГОСТЬ

Вечером 16 декабря на заимку прибыл гость. Он назвал себя посланцем пишпекских рабочих Пономарева и Олейникова, отставным солдатом Василием Осолодковым, Это был рыжий детина лет сорока пяти, в дубленом полушубке и кыргызской шапке — малахае. Несмотря на теплую одежду, гость сильно простыл: чихал, кашлял, сморкался.

— Ну и погодка! — говорил он, вытирая покрасневший нос и заиндеветшие усы ладошкой. — Сто чертей ей в печенку! Перед Тюпом как задул санташ — спасу нет! И шуба, не помогла. Продрог до костей.

Гостя встретили радушно, отпоили чаем с черносмородиновым вареньем и медом. Марья Гавриловна подкладывала гостю сдобу, варенье.

После ужина мужчины остались одни. Осолодков свернул сигарку и вставил в прокуренные усы.

— Мне Иван ничего не передавал? — спросил Виктор,

— Какой Иван? — в свою очередь опросил гость. — Их два сразу.

— Пономарев.

— Ясное дело, передавал. Передавал, значит, просьбу, чтобы вы отправили в Пишпек литературу.

— Как там у них дела?

— Дела-то? — Осолодков усмехнулся. — Дела нормальные. Обоих в полицию вызывали, обоих в каталажку сажали...

Виктор вопросительно посмотрел на гостя.

— За те самые листовки, какие ты Пономареву оставил, — пояснил тот.

- Говорите: сажали. Значит, они на свободе?
- Само собой.
- В таком случае, нужно ли передавать им литературу? Что-то я не пойму... Ведь это все равно, что взять и отдать в руки полиции.
- Это уж наша забота, – самоуверенно сказал Осолодков. – Ты литературу давай. Нужда в ней крайняя. – Осолодков провел ребром ладони по горлу.
- Хорошо, через пару деньков приготовлю что-нибудь.
- А разве сейчас нет?
- Сейчас нет.
- Обидно, да ладно, – сказал Осолодков. – В таком разе мне надо двигать. Зайду через пару деньков, как ты говоришь.

После его ухода Виктор обо всем рассказал Сомову. Тот встревожился:

– Я вот чего в толк не возьму, – сказал он. – Прибыл к тебе человек от пишпекских товарищей – и безо всякого пароля. А ты уверен, что это свой человек?

– Откровенно признаюсь, мы с Пономаревым вовсе ни о чем таком не договаривались... – отвечал Виктор. – Но я подумал: вдруг там действительно срочно понадобилась литература? Наступает пора, когда в рабочее движение вовлекаются массы. Вот пишпекцы и послали человека. Их он знает в лицо – я с ним беседовал.

– Это ни о чем не говорит, – возразил Петр. – Их могут отлично знать в лицо и шпики. Плохо, очень плохо у вас поставлена конспирация!

– Она пока что в процессе становления, – слабо защищался Виктор.

– Этот процесс может оплатиться кровью и каторгой многих. Но ты-то опытный конспиратор, и тебе совершать подобные промахи непростительно.

Осолодков пришел 20 декабря. С ним Виктор передал для пишпекских рабочих четыре брошюры: два запре-

ценных сочинения Льва Толстого и «Речь Гольдבלата», издания «Искры» 1903 года.

— Только и всего? — разочарованно сказал гость.

— Пока — да. Через пару деньков подберем еще что-нибудь.

— Через пару деньков я уже буду трястись на арбе где-то на полдороге в Пишпек. Выеду завтра. Ждут меня товарищи! Так что если у вас есть что кому передать, давайте адреса.

— Да нет, спасибо, ничего не надо.

— Вольному воля! — сказал Осолодков. — А книжочки знатные, — продолжал он, рассматривая брошюры. — Хорошо это дело у вас поставлено, Виктор Иванович. Поди, типографии-то недалече, а? — И он шутливо толкнул Виктора в бок. — Есть, поди, и у нас в Пишпеке, а мы и не знаем, а?

— Может быть, может быть... — Виктор сдержанно улыбался.

— Адресочки бы нам... Да от вас письмецо. Ведь партийную литературу не навозишься издалека, а так бы на месте напечатали, сколько нужно... Адреса товарищей: связь-то надо устанавливать. Чтобы, значит, дружно на угнетателей... всем миром... Или не доверяете?!

В душе у Виктора все больше крепло подозрение. Чтобы отделаться от назойливого собеседника, он пообещал сообщить нужные адреса позже, письмом.

— Больше ничего для вас сделать не могу.

— Обидно, да ладно. — Осолодков стал прощаться. Он поправил малахай, запахнул полушубок и двинулся бодрым солдатским шагом по утоптанной в снегу тропе туда, где за оврагами и взгорками темнела линия Пржевальских тополей. Виктор смотрел ему вслед в тягостном раздумье: кто же этот человек?

В ЮРТЕ

Вернувшись в дом, Лойцнер выложил Сомову свои подозрения. Тот очень встревожился и сразу стал собираться:

— Надо успеть, пока он не дошел до города и не общил в часть...

— Неужели это так серьезно? — спросила Настя. Сомов усмехнулся:

— Лично мне десять лет каторги обеспечено. Да и тебе, Виктор, пожалуй, не поздоровится...

Поздно ночью Сомов постучался в ворота усадьбы своего знакомого — крестьянина Ивана Демьяновича Кудрявцева который сочувствовал социалистам и был связан с Лойцнером.

За ужином хозяин говорил:

— Отправишься завтра после обеда. К вечеру доберешься до юрты моего друга Кадыркула. Надежный человек. У него переночуешь. Наутро он тебя дальше проводит.

Но на другой день Кудрявцев решил сам проводить гостя:

— Так будет надежнее.

К вечеру они добрались до одинокой юрты, что приткнулась у подножья небольшого кургана. Уже совсем стемнело. С востока дул резкий колючий санташ, принесший с собой ненастье. Залаяли, почуяв приближение чужих, кыргызские волкодавы — громадные псы, покрытые густой длинной шерстью. Где-то за юртой заржали лошади. На шум вышел хозяин в чапане и войлочной шапке. Кудрявцев весело приветствовал хозяина. Тот всмотрелся и, узнав гостя, дружески обнял его, стал приговаривать:

— Маладес, Ванюшка! Ай, Ванюшка!

Посередине юрты горел очаг. Из казана тянуло вкусным запахом баранины. У стены напротив сидели три кыргыза: между двумя молодыми — старик с длинной белой бородой клинышком. Около него лежал комуз. Все трое степенно пили чай из круглых деревянных чашек.

Гостей вежливо приветствовали, затем усадили на кошму и подали пиалы. Только теперь. Сомов почувствовал, как проголодался. На полотенце хозяйка подала горячие лепешки, наломанные кусками.

Кудрявцев объяснял Сомову:

— Место, где мы сидим, считается почетным у кыргызов. Для гостей... Тут обычно хранят они все свое богатство: постель, одежду, ковры — если есть. Складывают в стопку — джюк, по-ихнему. Хозяин ушел от своего манапа и бедует здесь с семьей. Я его к хлебопашеству приучаю... Эх, Петруха, несладко живется и ихней голытьбе. Куда как несладко! Налоги, — ты их знаешь, — поборы и повинности, да еще обируют свои баи да манапы — под видом родовой помощи соплеменнику... А из этой кабалы выбраться бедняку практически невозможно. Вот сам посуды, какая взрывная сила таится в местном населении! Недавно были волнения в Тонской волости — дыйкане выступили против избрания волостным сына крупного манапа. Нечто подобное происходит и у нас под боком — в Джеты-Огузской волости. Вон и войска по этому поводу введены — боятся власти выступлений.

Хозяйка подала бешбармак. Но мяса почти не было — кот заплакал. Сомов видел, как один из парней строгал в блюдо тонкие ломтики с двух бараньих ножек и бараньей головы...

После ужина Кудрявцев о чем-то заговорил с хозяином по-кыргызски, потом обратился к Петру:

— Я им про тебя рассказал. Обещали помочь.

Тем временем старик взял в руки комуз и начал настраивать его.

²⁵ Том XV. В. М. Плоских

— Этот старик, — тихо шепнул Кудрявцев, — комузчи, он рассказывает, играет на этой штукавине — комузе. Да погоди — сам услышишь.

И вот старик ударил по струнам и запел сильным приятным, вовсе не старческим голосом, аккомпанируя себе на инструменте. Сомов смотрел во все глаза, слушал и не мог послушаться. Иван Демьянович тихонько переводил: — О горе народном поет. Говорит: «Если собрать слезы всех вдов и сирот, то получится море больше Иссык-Куля». И еще поет: «Если собрать пот, пролитый бедняками на богатеев, то он затопит все долины и поднимется выше гор». А теперь вот какие слова: «Если кончится терпение народа и гнев его запылает, как пожар, то в том пламени сгорят все обидчики народные». Ишь, как повернул старик.

...Поздно ночью молодые кыргызы уехали. Кудрявцеву, Сомову и старику-комузчи постелили все кошмы и одеяла, уложили спать. Погасили тусклый светильник — чырак, и все погрузилось в притихшую тьму.

Петр всю ночь ворочался от холода. Ветхие стенки юрты плохо уберегали от крепкого морозца. Теперь он понимал, почему все легли спать одетыми. Да, горько живет кыргызам-беднякам. Вспомнились речи Виктора о том, как беспощадно угнетают и унижают их собственные богатеи и царские чиновники, как мучают бесконечными поборами и трудовыми повинностями. Пришли на ум и другие его слова — о местном национальном резерве грядущей революции... Ему верилось: придет время и такие люди, как этот старик, или молодежь, или хозяин-бедняк, восстанут против насилия баев и царя...

АРЕСТ

Морозным утром 29 января 1904 года к воротам заимки Лойцнеров подкатили крытые цветной кошмой сани, запряженные парой кыргызских лошадей. С них соскочили трое чинов в шинелях, зимних шапках и башлыках. Один услужливо стал помогать слезать четвертому — в шубе, накинутой поверх зимнего мундира. Затем все четверо, придерживая шапки, вошли во двор. Собаки подняли неистовый лай. Марья Гавриловна, выглянув в окно, всплеснула руками: — Батюшки, полиция!

В доме их было только двое — она и Виктор. Иван Порфирьевич и Сашка раненко отправились на заимку к Ивану Кудрявцеву по хозяйственным делам. Настя с детьми и нянькой гостила у своих родителей в Пржевальске.

Виктор тоже посмотрел сквозь оттаянку в заиндевавшем стекле:

— Ого! Целый отряд! Сам господин пристав пожаловал.

И он вышел в сени. Вскоре вся компания ввалилась в горницу.

...Обыск длился часа три. Копались везде: в спальнях, на кухне. Выстукивали стены, пытались приподнять половицы, лазали на чердак. Один полицейский полез проверять хлев и курятник, а потом погреб, где стояли бочки с квашеной капустой, огурцами и соленым салом, и надолго там задержался. Вышел он оттуда с заметно раздувшейся сумкой на боку и доложил: — Ничего, ваш бродь.

Виктор усмехнулся и сказал:

– Видишь, мама, ты, оказывается, держала в погребе антиправительственное сало. Вот господин фельдфебель его и изъял.

Полицейский начал буреть, наливаясь кровью и неизвестно, к чему бы это привело, но Хахалев, поморщившись, сказал:

– Фельдфебель! Выйдите во двор и продолжайте обыск! Итак, господин Лойцнер, будет лучше, если вы добровольно укажете спрятанную вами литературу.

– Ищите и обрыцете. Вон фельдфебель уже нашел. Есть еще капуста и огурцы.

Хахалев пожал плечами и поднялся:

– Ценю ваше остроумие, но всему мера и время. Прошу следовать за мной!

ТЮРЬМА

К 1903 году в Пржевальске насчитывалось почти десять тысяч жителей. Жили здесь кыргызы, узбеки, татары, уйгуры, дунгане, русские переселенцы составляли примерно одну треть. Всего самостоятельного мужского населения было около трех тысяч человек.

Пржевальск был центром уезда. А такому городу по статусу «полагалась» тюрьма и, конечно же, она была.

Пржевальская тюрьма являла собой весьма убогое зрелище. Здание было старое — переделанное из казармы, которая строилась еще при основателе города генерале Каульбарсе. Но, собственно, в лучшем помещении для тюрьмы пока и нужды не было. Самыми частыми ее постояльцами были пьяные мещане, подравшиеся на базаре, местные парни, попавшие сюда по такому же делу, и прочий малоинтересный люд. Сиживали здесь и бедняки-кыргызы, не угодившие своим манапам и баям. А также те, кто вовремя не уплатил подать или злостно уклонялся от трудовой повинности.

Сюда-то и попал Виктор Лойцнер. Внутри здесь было все, как в настоящей камере: узкое зарешеченное оконце, узкие деревянные нары и окованная железными полосами дверь с замками и надзирательским глазком.

Первые две недели Виктор сидел один. Каждый день его вызывали на допрос. Дело Лойцнера вел следователь, специально присланный из Пишпека. Стрижка ежиком. Пенсне. Усы с бородой а ля Николай Второй.

Поединок между заключенным и следователем начался так.

— Как вы объясните, господин Лойцнер, тот факт, что листовки, отпечатанные в октябре сего года в бакинской

типографии РСДРП, уже в ноябре вы распространяли в Пишпеке?

Виктор пожал плечами:

— Никак не объясню.

— Удивляюсь я вашему легкомыслию, господин Лойцнер. — Следователь придвинул к себе бумаги. — Вам бы понять, что единственное средство как-то смягчить вашу участь — это чистосердечное признание, раскаяние. А вы пытаетесь строить из себя шута горохового. Дорого же вам может обойтись это шутовство, господин Лойцнер! Вот тут у меня есть сведения, — хлопнула холеная ладонь по бумаге, — что у вас на заимке летом нашел приют административно-ссылный Иван Пономарев. Так?

— Ничего подобного.

— Так! Так! Ну-с, идем дальше. Весь ноябрь и часть декабря у вас проживал еще один человек, личность которого мы уже установили...

Лойцнер сразу понял, что ни установить личность Сомова, ни тем более схватить его полиция не сумела. Поэтому он прижал руку к сердцу и проникновенным голосом сказал:

— Господин следователь! Клянусь вам — ни сном, ни духом.

Следователь грохнул кулаком по столу и заорал:

— Я тебя заставлю признаться, с-с-сволочь!

Пенсне его сверкало. Усы и бородка нервно подрагивали. Лойцнер покачал головой:

— Вот и слетел с вас интеллигентский лоск, господин следователь. И показали вы свое истинное лицо...

Уходя под конвоем, Лойцнер в дверях столкнулся с Халевым. Пристав посмотрел ему вслед.

— Что, упорный попался? — сказал он следователю. Следователь буркнул что-то в ответ, а потом сердито произнес:

— Если бы вы, милостивый государь, сооблаговостили найти своевременно веские улики, этот молодчик заплясал бы у меня по-иному!

— Помилуйте, Егор Матвеевич! Ведь прокламации я вам представил. Связи его с пишпекскими рабочими установил? Установил. То, что он здесь создал чуть ли не целую ячейку и пытался вести зловредную агитацию, — об этом я вам тоже представил документацию. Чего же вам еще?

— Мало, милостивейший государь, мало! Что ему грозит при таких-то уликах? Ну, ссылка куда подальше, хоть в ту же Олонецкую губернию — только и всего. Он это знает и не боится. А подкинь вы мне какие следует материалы, я бы его упек на каторгу. Да-с! Ну да ладно, — примирительно сказал следователь, остывая. — Не нам с вами, Федор Степанович, заниматься взаимными попреками. Распорядитесь-ка лучше доставить мне для допроса его жену и друзей-приятелей, которые у нас в деле. И будьте уверены, я этого Лойцнера выведу на чистую воду. Не с такими справлялись, позвольте вам доложить.

«Беседы» следователя с Алпатовым, Андрогиним и Пироговым ничего не дали. Точно так же обстояли дела и с женой «государственного преступника». Самого Лойцнера замучили допросами. Но он оказался стойким противником, так что ничего нового, кроме того, что полиция уже знала, выведать не удалось. Имена товарищей по борьбе, связки не попали на страницы протоколов.

Признав неопровержимый факт принадлежности революционной литературы ему лично, Виктор отказался сообщить, каким образом и от кого он ее получил. Утаил он также, что его неоднократно посещали курьеры, имевшие связи с Саратовом, Тифлисом, Пишпекком, Верным, Баку. Фактов для серьезного обвинительного заключения было маловато. И пристав Хахалев, «великий детектив» Пржевальского

уезда, сделал очередной — точно по шаблону — ход. Он вызвал к себе сразу трех провокаторов, провел с ними инструктаж, потом отправил в камеру к Виктору. Архивы сохранили нам их имена: крестьяне окрестных сел Преображенского и Сазановки Павел Усенков и Павел Демурич, а также Пржевальский мещанин Василий Дудников. Однако ничего особо компрометирующего революционера выведать не удалось. Кроме общих разговоров о демонстрациях, преимуществах республики над монархией, несправедливости существующего строя Виктор ни о чем не говорил.

Во второй половине февраля обозленный Хахалев лишил Виктора свиданий с родными. А свидание ему как раз было необходимо: у него созрел план. Пришлось обратиться за помощью к надзирателю.

Однажды Лойцнер долго стучал в дверь. Явился фельдфебель. Нос у него был краснее обычного и покрасневшие глаза слезились — видно, вчера «принял дозу» больше нормы.

— Кто тут хулиганит? — рыкнул он.

Лойцнер вежливо приступил к делу:

— Господин фельдфебель! Милостивый государь! Не соизволили ли передать сию эпистолау моей жене Анастасии, в девичестве Чеботаревой? За что буду вам премного благодарен. — И протянул записку.

Выслушав такую речь, фельдфебель заморгал глазами. Таких витиеватых речей он никогда не слышал. Не дав ему прийти в себя, Виктор продолжал:

— Сухая ложка, говорят, рот дерет. Примите же от меня, любезный страж, сей полтинник на предмет поправки здоровья. А этот гривенник передайте мальчику-посыльному за труды. Мальчика вы, конечно, найдете.

Деньги! Это фельдфебель понимал. По неистребимой привычке он сразу протянул пятерню, сграбастал «наживу» и лишь потом забормотал:

— Письмо передавать, сам знаешь, не положено...

— Так для кого письмо! — вскричал Виктор. — Для самого генерала Королькова! Он ждет! Жена ему отнесет. А с генералами, сам знаешь, шутки плохи. Вот тебе, господин служивый, еще двугривенный, так и быть.

Фельдфебель сдался.

— Ладно, ладно, — проворчал он. — Ежели для генерала... А то, сам знаешь, начальство за такие дела по головке не погладит...

Записка Виктора попала по назначению и следствием явилась следующая сцена.

Однажды в кабинет к Хахалеву явился обычный гость — доктор Всехватский. Пристав как раз пересчитывал деньги, потом сложил их в бумажник и спрятал во внутренний карман.

— Нет, это не мзда, — остановил он игриво-сальную остроу, готовую уже было сорваться с докторских губ. — Это, сударь мой, внесена денежная ответственность за нашего подопечного Виктора Лойцнера. Сто пятьдесят рубликов. Наш просветитель взят на поруки.

— Да что вы! — воскликнул доктор. — Неужто его отец наскреб столько денег?

— Для этого ему пришлось бы заложить все свое хозяйство. Нет, батенька, забирайте выше. Только что был сам Его превосходительство, отставной генерал... Да вот прочтите.

И пристав пододвинул доктору протокол.

Всехватский водрузил пенсне и принялся читать. Из протокола, составленного приставом, явствовало, что к нему 18 февраля 1904 года явились «отставной генерал-майор Ярослав Иванович Корольков и крестьянин Владимирской губернии Иван Кудрявцев и заявили, что они желают взять на поруки обвиняемого по 2 ч. ст. 252 Уголовного уложения Виктора Лойцнера с денежною ответственностью; первый в сумме ста двадцати пяти и второй — двадцати пяти рублей. При этом генерал-майор Корольков добавил,

что он от сего февраля послал прокурору Верненского окружного суда телеграмму с просьбой отдать Лойцнера ему на поруки.

Вследствие этой просьбы по окончании следствия В. И. Лойцнер и был освобожден из тюрьмы на поруки».

Протокол на доктора подействовал, как ушат холодной воды.

— Не понимаю! — вскричал он. — Генерал-майор Корольков, действительный член Императорского географического общества, один из самых уважаемых жителей города...

— Хе-хе... А знаете, кем считают его наши обыватели?

— ??

— Чужаком-с. Даже более того: вот этим самым. — И пристав повертел указательным пальцем у виска.

— Помилуйте, Федор Степанович! Сколько я слышан, отставной генерал-майор много пользы принес на ниве просвещения здешнему уезду. Читальня-библиотека создана благодаря его помощи...

— Верно, Апполинарий Савватьевич.

— Взять хотя бы то участие, которое он принял в установлении памятника генералу Пржевальскому.

— Тоже верно.

— Насадил вокруг памятника роскошный парк и создал что-то вроде музея памяти покойного генерала...

— Все это так, — перебил его пристав. — Добавьте к сему, что генерал-майор Корольков организовал у нас, прямо как в самом Петербурге, драматическую труппу из любителей. И даже — вот это действительно большое дело! — пристав многозначительно поднял палец вверх, — духовой оркестр! Да, батенька, ни больше, ни меньше, как тот самый оркестр, который вы не раз слышали! И музыкантов сам подобрал. Это вам не фунт изюму.

— Почему же дура-народ считает его... со странностями?

— А потому, что все он делает безо всякой корысти для себя. К тому же, разные его научные чудачества... Еще двадцать лет назад, как мне стало известно, генерал организовал у нас станцию метеорологии. Так сказать, станцию наблюдения за неблагонадежностью погоды, и ведет записи изо дня в день. Вот как-с! Или эти его исследования ледников Тянь-Шаня... Люди полагают так: ну поехал бы на охоту, как положено генералу, на козлов или там архаров. А то... ледники! Ну кому они нужны, какая от них польза?

Пристав малость передохнул, а потом закончил, наклонившись к доктору:

— Между нами, — он и мне кажется... странным. Ну посудите: генерал, а выбрал для жительства такую дыру!

— Не нам обсуждать генералов, — отвечал доктор. — И все же одного я не возьму в толк: такой чин, а хлопочет о революционере!

— Чего же и ожидать, батенька, если Его превосходительство женат на внучатой племяннице Грибоедова!

— Да что вы! — поразился доктор. — Неужто того Грибоедова, который «Горе от ума»?

— Того самого...

ОСУЖДЕН!

26 июня 1904 года ташкентский прокурор Шарогин вынес по делу В. И. Лойцнера следующее заключение: «Принимая же в соображение, что противоправительственная деятельность Лойцнера представляется не случайным явлением, что, несмотря на то, что будучи изобличен в подобных же преступных действиях в г. Саратове, он продолжает упорно действовать в том же направлении и в Семиреческой области, и даже будучи посажен в тюрьму за эту деятельность, не прекращает ее и в Пржевальской тюрьме, распространяя революционные идеи и среди сидящих с ним в одной камере арестантов, я, принимая во внимание упорную противоправительственную деятельность Лойцнера... полагал бы: разрешить настоящее дознание административным порядком с тем, чтобы продлить ссылку в Олонецкой губернии до пяти лет, с заключением на месте в тюрьме на один год».

Узнав о решении Ташкентской Судебной палаты, пристав Хахалев сказал доктору:

— Бунтари, подобные Лойцнеру, наносят огромный вред государству. Народ покорен, пока не сомневается. Не надо давать ему сомневаться, вот в чем суть! Пусть себе трудится. Торгует, вносит подати. А думать за него будем мы, власти. Так всегда было, значит, так и должно быть!

Виктор Лойцнер верил, что не всегда будет так. Он делал все, что мог и умел, чтобы приблизить грядущее. Здесь, в Прииссыккулье, на заброшенной колониальной окраине обширной России, он был один из тех, кто делал все для слияния растущего национально-освободительного движения с общим потоком демократических сил, кто готовил

революцию 1905—1907 годов, закладывал фундамент революции 1917 года.

Лойцнера осудили. Немало их, верных сынов народа, томилось в те годы по тюрьмам, надрывалось на каторге, прозябало в ссылке по медвежьим углам.

Но время делало свое дело: на огромную и необъятную страну надвигался 1905 год — предвестник первой русской революции, хоть и не принесшей избавления многострадальным народам царской России от гнета капиталистов и помещиков, баев и манапов, но мощным колоколом возвестившей начало новой, революционной, эры.

По-разному, неоднозначно сегодня оценивается эта эра. Но несомненно одно — она потрясла мир и наложила свой отпечаток — героический и трагический — на весь XX век.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОРНАЯ ЦАРИЦА АЛАЯ

Историко-археологическая повесть

Вместо предисловия	7
Как вышла замуж Курманджан	9
Серебряная камча	18
Курманджан становится датхой	30
Русские пришли	36
Письмо	44
Трагедия, достойная Шекспира	54
Царский дар	60
Решение Курманджан	61
Опасная тайна базара	63
Чрезвычайное сообщение	65
Повстанцы	68
Последствия	70
В Царском Селе	72
Кончина	74
Потомки	78
Научное послесловие	
Курманджан Датха, царица Алая... ..	81
Поэтическое творчество Курманджан	88
Не восьмая ли звезда в ковше	
Большой Медведицы... ..	91
За началом – продолжение	95

ПУЛАТ-ХАН

Исхак молдо Хасан уулу (1844–1876)

Историческая повесть

Предисловие	99
Ночь предательства	100
Загадочная депутация (через 63 года)	105
Роковое решение	118
В поисках приключений	125
На строительстве канала	134

Первые выступления	142
Пулат-хан – полководец	149
Спасите наши души	157
Весна в Коканде (1874 г.). Заговор	164
Приключения продолжаются	175
Раскаты народного гнева	187
Пулат-хан спускается с гор	198
Бегство Худояр-хана	209
Махрам	223
Мирный договор	236
Перед Андижанским походом	249
Андижанский поход Троцкого	256
Длинная рука нового хана	266
Ханы-Авад	273
Покушение	276
Борьба двух ханов	284
Фома Данилов	295
Зимний поход Скобелева	305
Конец независимости Коканда	316
Ночь на зимней дороге	325
Трагедия в горном ущелье	334
Эпилог: «Тихо стало в Средней Азии»	344
Кыргызы и Кокандское ханство	
(научное послесловие)	347

ПРЖЕВАЛЬСКИЙ БУРЕВЕСТНИК

Историческая новелла

Донос	369
«Философ» из полиции	372
На заимке	377
Гость	381
В юрте	384
Арест	387
Тюрьма	389
Осужден!	396

Владимир Михайлович Плоских

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Аман Газиев

ТОМ XV

Редактор: д-р. ист. наук *С. В. Плоских*

Дизайн, компьютерная верстка: *В. Горнушкин*

Подписано к печати 12.02.2021. Заказ № 49.

Формат бумаги $60 \times 84 \frac{1}{16}$. Объем 25 п. л.

Тираж 500 экз.

ОсОО «НЕО ПРИНТ»

